

ISSN 1992-2892
ISSN 2500-221X (online)

2022 '2

ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 — 2022

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись ПИ № ФС 77-78824 от 30.07.2020 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)*

Редакционный совет:

С. Г. Айвазова (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),

О. В. Рябов (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник),

З. Х. Саралиева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),

Е. А. Смирнов (Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Иваново;
доктор социологических наук, профессор),

Р. Н. Сулейманова (Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН, г. Уфа; доктор исторических наук, главный научный сотрудник),

Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

О. А. Хасбулатова (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),

И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),

Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор социологических наук, профессор),

И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),

Н. С. Рычихина (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат экономических наук, доцент)

Адрес редакции (издателя): 153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5
Тел./факс в Иваново: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2022
© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2022

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 2 — 2022

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

---

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
Registry entry PI № FS 77-78824 on 30.07.2020*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. N. L. Pushkareva, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. O. V. Riabov, Dr. Sc. Philosophy, Leading Researcher
(Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. Z. H. Saraliev, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
R. N. Suleimanova, Dr. Sc. History, Chief Researcher (Institute of History, Language and Literature
of Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, Ufa),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. E. R. Iarskaia-Smirnova, Dr. Sc. Sociology (National Research University
"Higher School of Economics", Moscow),
Prof. E. A. Smirnov, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Ivanovo)

Editorial Board:

- Prof. O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. I. S. Kletsina, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. T. B. Riabova, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. I. N. Smirnova (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. N. S. Rychikhina (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Timiriazev str., 5
Tel./Fax: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2022
© Ivanovo State University, 2022

Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 3—19.

Woman in Russian Society. 2022. No. 2. P. 3—19.

Научная статья

УДК 316.346.2-055.2

DOI: 10.21064/WinRS.2022.2.1

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖИЗНЕННОГО УКЛАДА
РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН
В УСЛОВИЯХ ВЫХОДА ИЗ САМОИЗОЛЯЦИИ,
ВЫЗВАННОЙ ПАНДЕМИЕЙ COVID-19**

*Юлия Юрьевна Чилипенко, Ольга Сергеевна Гапонова,
Надежда Сергеевна Гапонова, Любовь Сергеевна Данилова*

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Нижний Новгород),
г. Нижний Новгород, Россия, uchilipenok@hse.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования, посвященного особенностям трансформации жизненного уклада российских женщин, вызванным пандемией COVID-19. В этой, второй части акцент сделан на восприятие женщинами ситуации выхода из самоизоляции. Основной гипотезой явилось предположение о том, что главной проблемой выхода из режима самоизоляции стало нежелание женщин менять образ жизни, который в данный период не был ограничен жестким рабочим графиком, и соответственно нежелание возвращаться к очному формату работы. Наибольшим плюсом завершения режима самоизоляции для женщин, имеющих детей-школьников, стало их возвращение к очному формату обучения. Результаты исследования полностью или частично подтвердили предложенные гипотезы и определили основной вывод о том, что женщины, пройдя через самоизоляцию и вернувшись (полностью или частично) в офлайн-формат жизни и работы, прошли все классические стадии стресса: отрицание, гнев, поиск компромисса, отчаяние, принятие. Способность к преодолению проблем, связанных с пандемией, появилась у них именно на этапе осознания и принятия.

Ключевые слова: жизненный уклад, выход из режима самоизоляции, коронавирусная инфекция, пандемия

Для цитирования: Чилипенко Ю. Ю., Гапонова О. С., Гапонова Н. С., Данилова Л. С. Трансформация жизненного уклада российских женщин в условиях выхода из самоизоляции, вызванной пандемией COVID-19 // *Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 3—19.*

Original article

**TRANSFORMATION OF RUSSIAN WOMEN LIFESTYLE
IN THE CONTEXT OF EXIT FROM SELF-ISOLATION
CAUSED BY THE COVID-19 PANDEMIC**

*Yuliya Yu. Chilipenok, Olga S. Gaponova,
Nadezhda S. Gaponova, Liubov S. Danilova*

National Research University “Higher School of Economics” (Nizhny Novgorod),
Nizhny Novgorod, Russian Federation, uchilipenok@hse.ru

Abstract. The article presents the results of the research on the peculiarities of Russian women’s lifestyle transformation caused by the COVID-19 pandemic. In this second part of the research the emphasis has been placed on the women’s perception of the end of self-isolation. The key hypothesis of the research was the assumption that the main problems caused by the ending of the self-isolation regime were women’s unwillingness to change their lifestyle, which during the period of self-isolation was not limited by a rigid work schedule, and accordingly unwillingness to return to the full-time work format. The greatest benefit of the end of the self-isolation regime for Russian women who have schoolchildren was their return to full-time education. The results of the research fully or partially confirmed the proposed hypotheses and drew the main conclusion that Russian women, having gone through self-isolation and return (fully or partially) to the offline format of life and work, experienced all the classic stages of stress: denial, anger, search for compromise, despair, acceptance. The ability to overcome the problems connected with the pandemic came to women precisely at the stage of awareness and acceptance.

Key words: lifestyle, exit from self-isolation, coronavirus infection, pandemic

For citation: Chilipenok, Iu. Iu., Gaponova, O. S., Gaponova, N. S., Danilova, L. S. (2022) Transformatsiia zhiznennogo ukлада rossiiskikh zhenshchin v usloviakh vykhoda iz samoizoliatsii, vyzvannoi pandemiei COVID-19 [Transformation of Russian women lifestyle in the context of exit from self-isolation caused by the COVID-19 pandemic], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—19.

Введение

Современное общество переживает кризисный период, вызванный пандемией COVID-19, который, по мнению мирового научного сообщества, является серьезным вызовом человечеству, его последствия будут определять судьбу цивилизации в ближайшем будущем [Торкановский, 2020; Nicola et al., 2020]. Аналитики называют пандемию стресс-тестом мирового масштаба, причем не только для государств, макроэкономических показателей различных стран, но и для каждого человека, каждой отдельной семьи [Дробот, 2020].

В настоящее время уже сформировался достаточно большой объем данных отечественных и зарубежных исследований по тематике пандемии COVID-19. Особый интерес эта тема представляет для гуманитарных наук, которые исследуют проблему с разных точек зрения. Экономисты рассматривают влияние

пандемии на макроэкономические показатели, фондовые рынки, рынок труда, малый и средний бизнес [Duffin, 2020; Stiglitz, 2020; Гимпельсон, Капелюшников, 2020]¹. Юристов интересуют вопросы законодательных ограничений, вводимых в условиях пандемии, невозможности выполнения договорных обязательств, деятельности правоохранительных органов, трудового права [Тарапов, 2020; Мельников, 2020]². Социологи изучают проблему коронавируса в контексте влияния на различные аспекты жизненного уклада россиян [Ивченкова, 2020; Горшков, 2020; Касьянов и др., 2020]. Психологи, наряду с социологами, озабочены вопросами семейных взаимоотношений и их трансформации в период пандемии, проблемой роста семейного насилия, особенностями обучения детей в домашних условиях [Dong, Zheng, 2020; Gao et al., 2020; Власенко, 2020]³.

При рассмотрении влияния пандемии на трансформацию жизни людей с социологических позиций замечено, что традиционно именно женщине принадлежит ведущая роль в организации семейного уклада, в связи с чем наиболее интересным представляется исследование поведения женщин в новых кризисных условиях. В целом эта тема, где объектом изучения является женщина, а предметом — влияние пандемии на ключевые стороны жизненного уклада женщин и их семей, пока недостаточно изучена, хотя и представляет значительный интерес⁴. Мы не остались в стороне от решения данного вопроса и весной 2020 г. провели масштабное исследование, посвященное восприятию женщинами условий вынужденной домашней самоизоляции, вызванной пандемией COVID-19 [Чилипенко и др., 2020].

Рассмотрев различные сферы поведения женщины в самоизоляции, вызванной пандемией, мы пришли к заключению, что российские женщины оказались наиболее пострадавшей стороной в силу того, что, с одной стороны, им так же, как и мужчинам, пришлось приспосабливаться к работе в новых условиях, объем их домашнего неоплачиваемого «невидимого труда» [Miranda, 2011] вырос в разы, с другой — на их плечи в придачу легла функция обучения детей. Несмотря на это, женщины адаптировались к новым условиям достаточно быстро и даже нашли в режиме самоизоляции определенные плюсы. Они продемонстрировали ответственное поведение, в основной своей массе пунктуально соблюдая режим самоизоляции; большинство с легкостью освоили новый высокотехнологичный удаленный формат работы; конфликты в семьях, если и возникали, не носили тяжелого характера и не имели необратимых последствий.

---

¹The Global Economic Outlook During the COVID-19 Pandemic: a Changed World. World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2020/06/08/the-global-economic-outlook-during-the-covid-19-pandemic-a-changed-world/> (дата обращения: 19.04.2021).

²COVID-19. Меры Правительства по борьбе с коронавирусной инфекцией и поддержке экономики. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/883/events/> (дата обращения: 19.04.2021).

³COVID-19 и насилие в отношении женщин: что может сделать сектор/система здравоохранения. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2020. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/331699> (дата обращения: 19.04.2021).

⁴COVID-19: emerging gender data and why it matters. New York, UN Women. URL: <https://data.unwomen.org/resources/covid-19-emerging-gender-data-and-why-it-matters> (дата обращения: 19.04.2021).

В контексте рассуждения об актуальности темы следует отметить, что в целом ситуация самоизоляции оказалась сложным вызовом для женщин и их семей. Казалось, окончание периода самоизоляции могло бы стать решением накопившихся проблем. Однако этого не произошло. Выход из самоизоляции породил ряд новых трудностей для женщин — от потери работы или снижения доходов семьи за время самоизоляции до элементарного нежелания вновь перестраивать свой распорядок дня. Необходимость проанализировать эти новые изменения и обусловила целесообразность проведения второго этапа нашего исследования трансформации жизненного уклада российских женщин — в условиях выхода из самоизоляции, вызванной пандемией COVID-19.

Выдвижение гипотезы

Гипотезой исследования явилось предположение о том, что основной проблемой, вызванной выходом из режима самоизоляции, стало нежелание женщин менять образ жизни, который в данный период не был ограничен жестким рабочим графиком, и соответственно нежелание возвращаться к очному формату работы. Наибольшим плюсом завершения режима самоизоляции для женщин, имеющих детей-школьников, стало их возвращение к очному формату обучения, а также отсутствие необходимости проводить весь день вместе с другими членами семьи.

Методология и организация исследования

Сбор эмпирических данных осуществлялся методом анкетирования. Анкета содержала 69 вопросов. Количество обработанных анкет — 203. Анкетирование было проведено в марте 2021 г. (приурочено к годовщине введения в России режима самоизоляции). Опрос проводился среди женщин, проживающих в Нижнем Новгороде.

Каналы, по которым распространялась анкета, включали как личные коммуникационные сети авторов исследования, так и медийные средства, обычно не востребованные в малообеспеченных слоях населения и непопулярные у работающих женщин низкой квалификации. Использовались такие сети, как Telegram, Facebook, Viber, WhatsApp и др.

В результате подобной фильтрации выборка исследования отсекала основной массив женщин без высшего образования, работающих в сферах, не требующих высокой квалификации, и, таким образом, определила для изучения специфическую страту современного российского общества — работающих женщин с достатком средним и выше среднего. Это, в свою очередь, обусловило актуальность работы, так как полученные результаты оказались в некоторой степени отличными от среднероссийских показателей, представленных в трудах других авторов, давших более усредненный срез. Так, больше половины наших респонденток работают в сфере науки и образования, состоят в зарегистрированном браке 55 %, причем только 44 % проживают с супругами, 48 % не имеют несовершеннолетних детей. В городе-миллионнике (Нижний Новгород) проживают 93 %. Возраст большинства женщин, попавших в выборку, варьируется в диапазоне от 26 до 50 лет — 77 %.

Результаты исследования

Выход из режима самоизоляции и социальное самочувствие

В контексте социального самочувствия несомненный интерес представляют особенности восприятия женщинами ситуации пандемии, самоизоляции и выхода из нее.

После года жизни в условиях COVID-19 45 % респонденток отметили, что ситуация с коронавирусом сейчас вызывает у них меньше опасений, чем в начале пандемии. Это неудивительно, так как с течением времени существенно возросла информированность населения о самой болезни, возможностях ее лечения и профилактики. Ситуация стала более понятной и, как следствие, менее тревожной. Тем более что многие переболели сами или уже успели сделать прививки. При этом 27 % опрошенных женщин утверждают, что ситуация с COVID-19 не вызывает у них опасений. Это показательно, поскольку на первом этапе исследования беспокойство по поводу ситуации с коронавирусной инфекцией вызывали 60 % респонденток и только у 11 % никаких опасений не возникало.

В то же время 24 % респонденток отметили, что сами и/или члены их семей переболели коронавирусом в легкой форме, в 5 % случаев отмечены тяжелые случаи болезни с госпитализацией, еще в 5 % — летальные исходы (среди знакомых случаев тяжелой болезни и смерти было отмечено соответственно 21 и 12 %). В ситуации обращения за медицинской помощью наибольшие сложности были связаны с длительным ожиданием результатов тестирования на COVID — 14 %, большим скоплением людей в медицинских учреждениях — 12 %, невозможностью вызвать врача на дом — 10 %. Отметим, что не болели коронавирусом, 26 % женщин; столько же, может быть, переболели бессимптомно.

В самоизоляции опрошенные женщины, согласно распоряжению Правительства РФ, находились достаточно долго — с 25 марта по 12 мая 2020 г. Этот интервал отметили 48 % респонденток, еще 26 % провели в режиме ограничений с 25 марта до конца лета 2020 г.

Интересными оказались ответы на вопрос о том, какое событие обозначило для женщин момент окончания режима самоизоляции. Только для 11 % таким фактом стало распоряжение Правительства РФ от 12 мая 2020 г. о снятии первых ограничений. Для 12 % ориентиром стала возможность посещения парикмахерских и косметических салонов, для 10 % — возобновление посещения кафе, ресторанов и ночных клубов, для 8 % — возможность посещения спортзалов. В большинстве же случаев — 23 % — выход из режима самоизоляции был связан с возвращением в офлайн-формат работы. 14 % отметили, что все произошло «как-то само собой».

Показательно, что далеко не все женщины соскучились в самоизоляции по своим коллегам — таких лишь 8 %. Такое же количество респонденток — по 8 % — нуждались не в общении с коллегами, а в посещении парикмахерских и косметологических салонов, ресторанов и кафе, спортивных залов. Несколько большее количество женщин хотели посещать театры и кино — 10 %, скуучали по встречам с родными и друзьями — 13 %. Однако больше всего респонденткам не хватало отдыха за границей — 16 %.

После выхода из режима самоизоляции удалось восполнить практически все дефициты, и женщины направились в салоны красоты, торговые центры, спортзалы и рестораны. В отпуск же за границу поехать практически никому не удалось. 22 % респонденток первым делом после ослабления ограничений были вынуждены отправиться на работу. Еще 18 % сразу же посетили родственников и знакомых.

К сожалению, нельзя сказать, что с выходом из самоизоляции социальное самочувствие женщин стабилизировалось или улучшилось. Остались старые проблемы и появились новые: 29 % продолжали испытывать неудобства из-за необходимости ходить в маске, у 17 % сложности вызывала перемена режима дня, 14 % — опасались пользоваться общественным транспортом, лифтом, ходить по магазинам, 13 % продолжали бояться контактировать с другими людьми. Женщинам не хочется возвращаться к офлайн-режиму работы, тратить время и деньги на дорогу.

Таким образом, развитие ситуации с пандемией и отмена режима самоизоляции привели, с одной стороны, к постепенному ее принятию, пониманию, снижению беспокойства и тревожности, частичному восстановлению привычного образа жизни, с другой — к возникновению новых проблем и фобий после долгого периода ограничений: к боязни контактов с людьми, мест большого скопления народа. Помимо этого, у женщин возникли сложности в налаживании прежних социальных контактов, часто из-за отсутствия необходимости либо желания это делать.

Работа

Наемными работниками являются 81 % респонденток, и, как уже было отмечено, более половины заняты в сфере науки и образования. Здесь отметим одно из самых значимых нововведений, отражающих специфику пандемического кризиса, — это массовый перевод сотрудников на удаленную работу, который не мог не затронуть и опрошенных женщин. По мнению экспертов, сфера образования оказалась наиболее устойчивой к рискам возможной потери работы, так как все учебные заведения, так или иначе, перешли в онлайн-формат работы [Смирнов, 2020].

Если в ходе предыдущего исследования, которое проводилось в начале периода самоизоляции, вопрос о том, нравится ли респонденткам работать удаленно, вызвал максимальное количество сложностей с ответом (18 % не смогли определиться, так же как и с ответом на вопрос о желании в дальнейшем продолжить работать в удаленном режиме [Чилипенко и др., 2020]), то сейчас половина респонденток — 48 % — уверенно отвечают, что им понравилось работать онлайн. При этом 43 % считают, что дальше будут работать в смешанном режиме, а 35 % — что перспектив продолжать работать удаленно у них нет. После выхода из режима самоизоляции продолжает работать в онлайн-формате 21 %, а 18 % — трудятся удаленно, периодически посещая рабочее место.

Среди основных проблем, связанных с возвращением в офлайн-формат работы, названы следующие: необходимо тратить много времени на сборы и дорогу — 22 %, стало меньше времени на домашние дела и общение с близкими — 16 %, возросли расходы на транспорт и питание вне дома — 15 %, снова перестали высыпаться — 13 % (рис. 1).

Рис. 1. Сложности, связанные с возвращением в офлайн-формат работы, отмеченные респондентками, %

Несмотря на трудности, женщины находят также и преимущества в возвращении к традиционному формату работы: так, четверть опрошенных оказались рады личному общению с коллегами и начальством; 20 % отмечают, что стали лучше выглядеть, так как на работу нужно собираться; 19 % считают, что многие рабочие вопросы теперь решаются легче, чем из дома; 14 % радует, что на работе есть вся необходимая оргтехника (рис. 2).

Рис. 2. Преимущества возвращения в офлайн-формат работы, выделенные респондентками, %

Таким образом, самоизоляция открыла для многих женщин новый онлайн-формат работы, приверженцев которого по прошествии времени оказалось вдвое больше, чем его противников. В ситуации выхода из онлайн-формата в традиционный в качестве основных плюсов отмечены личное общение с коллегами и мотивация для того, чтобы лучше выглядеть; минусы — возросшие материальные расходы и временные затраты, а также меньшее количество времени, которое остается на домашние дела.

Распределение времени

Мнения об изменении количества свободного времени с выходом из самоизоляции у респонденток разделились: 45 % отметили, что свободного времени у них стало меньше, у 44 % ничего не изменилось.

Относительно распределения времени 51 % женщин отметили, что они активно работали в период самоизоляции — 6 и более часов в день. 21 % респонденток столько же времени уделял семейным бытовым делам, 26 % — сну и отдыху, 13 % — просмотру телепередач.

После выхода из самоизоляции более 6 часов в день стали работать 58 % женщин, бытовым вопросам столько времени смогли посвятить уже только 15 %, спать и отдыхать более 6 часов в день стал иметь возможность только 21 %, а долго смотреть телевизор смогли в 2 раза меньше женщин — 6 %. На домашние дела 39 % респонденток стали тратить менее 1 часа в день. При этом на 10 % увеличилось количество женщин, которые начали заниматься спортом хотя бы 1 час в день.

Таким образом, самые существенные изменения в распределении времени коснулись ведения домашнего хозяйства, времени на которое после выхода из режима самоизоляции у женщин стало гораздо меньше. Время, уделяемое сну и отдыху, особенно просмотру телевизора, значительно сократилось.

Материальное положение и структура затрат

Материальное положение женщин в период самоизоляции не вызывает особого беспокойства. Денег в основном хватало, но трудности с покупкой товаров длительного пользования, дорогостоящих вещей, квартиры испытывали около 60 % респонденток. Женщины отметили, что в период самоизоляции денег стало даже больше за счет экономии на летнем отдыхе, шопинге, транспортных расходах, расходах на одежду. Деньги, при сохранении уровня заработной платы, тратились только на продукты и коммунальные платежи.

После выхода из режима самоизоляции материальное положение у большинства респонденток — 72 % — существенно не изменилось. При этом ситуация выхода из режима ограничений спровоцировала увеличение некоторых трат (рис. 3). Отметим, что явного снижения расходов не отмечено ни по одной категории продуктов и услуг.

Что касается расходов на еду, то после выхода из режима самоизоляции на прежнем уровне они остались у 58 % опрошенных, возросли у 27 %, снизились у 11 %. Можно отметить некоторое снижение затрат на фастфуд и снеки, кондитерские изделия, деликатесы и алкоголь — по 4 %. При этом респондентки стали тратить больше на фрукты и овощи — 11 %, мясо и мясные продукты — 9 %.

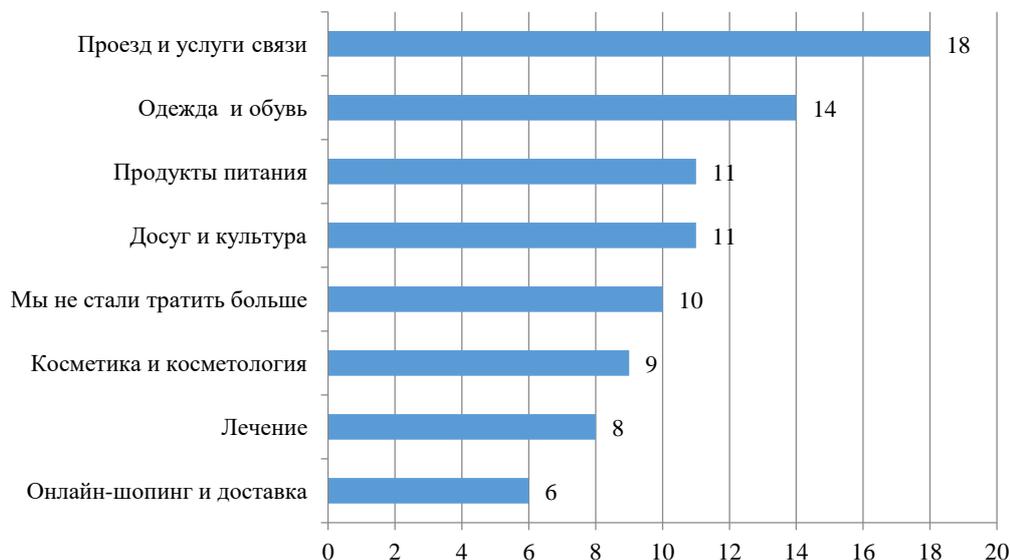

Рис. 3. Динамика материальных затрат респонденток на различные категории продуктов и услуг после выхода из самоизоляции, %

В период ограничений запасы продуктов делали 44 % опрошенных женщин, продолжать эту практику планирует 21 %.

Таким образом, существенного влияния на изменение материального положения опрошенных женщин выход из режима самоизоляции не оказал. Наиболее серьезная перемена — ожидаемый рост затрат на проезд и услуги связи по причине возвращения в офлайн-формат работы.

Здоровый образ жизни и вредные привычки

В условиях режима самоизоляции более 40 % опрошенных женщин (до самоизоляции — 55 %, что существенно отличает показатели этой группы от среднестатистических российских показателей)⁵ продолжили заниматься спортом и вести здоровый образ жизни; после ослабления ограничений количество женщин, соблюдающих нормы здорового образа жизни, возросло незначительно — до 46 %. При этом 18 % респонденток по привычке продолжили заниматься дома, с использованием домашнего спортивного инвентаря и подручных средств, и лишь 28 % — вернулись в спортивные клубы. Были отмечены следующие сложности: многие клубы закрылись в период пандемии и респондентки не нашли для себя подходящего по месторасположению и/или стоимости нового варианта — 6 %; выросли цены на абонементы — 5 %; в клубах

⁵ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>; <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 19.04.2021).

не соблюдаются в достаточной мере санитарно-гигиенические требования — 5 %. Что касается тех респонденток, которые в клубы не вернулись, но пытаются вести здоровый образ жизни, то они используют для домашних занятий различные онлайн-ресурсы (аудиотренинги, видеотрансляции, мастер-классы), тренируются на свежем воздухе и придерживаются диеты, как и в период самоизоляции.

Напомним, что в период ограничений у респонденток и членов их семей, согласно данным первого этапа нашего исследования [Чилипенко и др., 2020], появились (или более ярко себя проявили) различные вредные привычки. С выходом из самоизоляции лишь 10 % респонденток оставили в прошлом пассивный лежачий образ жизни, 8 % перестали проводить много времени в соцсетях, столько же покончили с систематическим перееданием, по 6 % респонденток прекратили употреблять алкоголь и неумеренно просматривать интернет-контент и телепередачи. По мнению 9 % опрошенных женщин, после избавления от этих вредных привычек ссоры в семье, ранее возникавшие из-за них, стали реже. При этом 14 % респонденток отмечают, что нездоровые практики, приобретенные во время самоизоляции, с выходом из нее никуда не делись, вошли в обычай.

Таким образом, кроме полезной практики самостоятельных занятий спортом дома и на улице, опрошенными были приобретены и сохранены на постоянной основе и некоторые привычки, связанные с нерациональным и нездоровым образом жизни.

Уход за собой и саморазвитие

С целью профилактики заражения COVID-19 на период самоизоляции были закрыты парикмахерские и салоны красоты. В связи с этим отдельные группы респонденток самостоятельно стали делать следующие бьюти-процедуры: маникюр и педикюр — 20 %, эпиляцию — 17 %, окрашивание волос — 12 %. Еще 12 % опрошенных признались, что все перечисленное они и раньше делали сами и с выходом из самоизоляции для них ничего не поменялось. 28 % женщин на время режима ограничений совсем отказались от выполнения каких-либо косметических процедур. С открытием салонов к услугам профессионалов вернулись не все респондентки: количество женщин, самостоятельно делающих маникюр и педикюр, сократилось очень незначительно — до 19 %, а эпиляцию — до 16 %. Возможно, они за это время привыкли ухаживать за собой самостоятельно и после выхода из самоизоляции не спешат тратить деньги на салонный уход. Что же касается парикмахерских услуг, то в салоны вернулись все те респондентки, которые до самоизоляции доверяли свои волосы только профессионалам. Более того, именно туда первым делом и отправились 11 % всех опрошенных женщин. Всего же в салоны красоты вернулись 58 % респонденток, а 21 % стал пользоваться услугами мастеров на дому. При этом женщины отмечают, что некоторые бьюти-процедуры, утратившие свою актуальность во время самоизоляции, не кажутся им теперь такими уж необходимыми (нанесение макияжа, использование парфюма и др.).

Исходя из полученных данных можно сделать не только вывод о том, что женщины несколько расслабились во время самоизоляции и стали меньше следить за собой, но и о том, что ими был сделан существенный позитивный шаг к осознанному потреблению и отказу от излишних бьюти-привычек.

Рассмотрим далее вопросы саморазвития женщин после самоизоляции. С выходом из режима ограничений в тройку лидеров направлений женского саморазвития попал профессиональный рост, потеснив кулинарию на 4-ю позицию; иностранные языки занимают теперь 6-е место, опередив такие направления, как психология и бьюти-сфера. Рукоделие, как ожидалось, с 6-й позиции опустилось на 10-ю, поскольку это хобби требует значительного резерва свободного времени.

Таким образом, после окончания периода самоизоляции респондентки в значительной степени остались верны своим интересам, традиционные женские хобби не потеряли актуальности, но при этом более востребованными стали профессиональные навыки, вытеснив преимущественно «бытовые» и времяемкие занятия.

Отношения с партнером и детьми

Более половины опрошенных женщин — 52 % — отметили, что кардинальных изменений в морально-психологическом климате их семьи после выхода из самоизоляции не произошло, у 14 % респонденток отношения с партнером даже улучшились, но у 11 % — ухудшились. В числе 3 наиболее популярных проблемных зон в отношениях с партнером оказались обнаружившиеся за время вынужденного сосуществования в четырех стенах различия в мировоззрении и уровне интеллекта, обострившиеся по этой причине старые обиды, проблемы в сексуальной сфере. Наряду с этими негативными тенденциями респондентки называют также, напротив, ухудшение морально-психологического климата из-за вынужденной разлуки с партнером, с которым они привыкли постоянно быть вместе за время режима самоизоляции и теперь скучают по нему. Среди позитивных сдвигов во взаимоотношениях было отмечено, что обязанности по дому перераспределились за время самоизоляции более рационально: партнер взял часть их на себя и продолжает исправно выполнять после выхода из нее. Также пары стали лучше понимать друг друга, нашли новые способы проведения совместного досуга и с удовольствием стали проводить время вместе. При этом 5 % опрошенных, напротив, объясняют улучшение во взаимоотношениях с партнером тем, что не надо находиться круглосуточно вместе в четырех стенах и можно наконец отдохнуть друг от друга. Это предположение являлось одной из гипотез исследования, однако данный вариант не вышел в ведущие позиции рейтинга плюсов выхода из самоизоляции. Подытоживая вышеизложенное, хотелось бы отметить, что введение режима ограничений послужило своего рода катализатором в партнерских отношениях внутри российских семей: у кого-то оно высветило проблемные зоны и обострило противоречия, а у кого-то послужило укреплению семейных отношений, улучшению взаимопонимания и формированию у партнеров более справедливого баланса между досугом и обязанностями по дому. Следовательно, сложившаяся ситуация воспринимается респондентками амбивалентно: и как угроза распада отношений, и как их ресурс.

Что же касается отношений с несовершеннолетними детьми, то у большинства респонденток с выходом из самоизоляции кардинальных изменений в этом вопросе не произошло, у 18 % опрошенных отношения с детьми улучшились, ухудшение отмечают только 5 % респонденток. Среди плюсов возвращения детей к очному обучению были отмечены отсутствие необходимости самостоятельно

организовывать досуг детей и контролировать их учебу в онлайн-формате, снижение у ребенка компьютерной зависимости и уменьшение у него общей конфликтности и раздражительности. Среди наиболее часто упоминаемых проблем, обострившихся с выходом ребенка из самоизоляции, вновь сбитый режим сна и бодрствования, рост расходов на питание и проезд, сильное отставание от школьной программы за время самоизоляции и, как следствие, ухудшение успеваемости.

В целом подавляющее большинство респондентов, имеющих детей школьного возраста, — 82 % — выразили искреннюю радость по поводу их возвращения к очному формату обучения, поскольку он дает детям общение и социализацию, более высокое качество образовательных услуг, а сами родители устали лично контролировать процесс обучения.

Отношение к мерам профилактики COVID-19

В отношении мер профилактики COVID-19 большинство респонденток демонстрируют ответственное поведение и дисциплинированность. Масочный режим соблюдали 67 % опрошенных женщин, 28 % следовали ему не всегда, 5 % респонденток маску не носили принципиально. За прошедший год только 8 % опрошенных рискнули отправиться в отпуск за границу, 8 % летали самолетом на отечественные курорты, 10 % отдохнули на российском юге, но добирались туда на собственном автомобиле, что значительно безопаснее с точки зрения возможности заразиться коронавирусом. Подавляющее же большинство респонденток — 71 % — остались без курортного отдыха и довольствовались дачами.

При ответе на вопрос о том, планируют ли они сделать прививку от COVID-19, мнения разделились на 3 почти равные категории. 15 % опрошенных женщин прививку уже сделали, 11 % собираются привиться в ближайшее время, 5 % хотели бы привиться, но есть противопоказания. Еще 34 % согласятся сделать прививку, если будут поставлены в условия невозможности в противном случае работать, ездить за границу и посещать общественные места. 26 % опрошенных женщин не согласны прививаться ни при каких обстоятельствах.

Что же касается протестных акций относительно ограничений, то большинство респонденток их не поддерживают: 43 % выказали полное равнодушие к этому вопросу, 42 % такие акции осуждают, 11 % относятся с пониманием, но сами участвовать в них бы не стали.

Таким образом, в отношении мер профилактики коронавируса респондентки в большинстве своем проявляют сознательность и дисциплинированность, хотя и жалуются на некоторые неудобства.

Оценка текущей ситуации

Третья часть всех опрошенных женщин настроена пессимистично и считает, что остановить распространение коронавируса невозможно — так или иначе, им переболеет большая часть населения, еще 29 % респонденток признают коронавирус реальной угрозой и 27 % считают, что от населения скрывают реальные масштабы эпидемии.

Мнение о мерах, принимаемых Правительством РФ в ситуации пандемии, ухудшилось по сравнению с показателями первого этапа исследования. Если

ранее около 40 % опрошенных женщин находили эти меры вполне адекватными, то теперь только 18 %. Совершенно бессмысленными их считают более половины опрошенных — 51 %.

Большинство респонденток — 75 % — убеждены, что ситуация с коронавирусом сильно подорвала российскую экономику, в то время как 17 % считают, что это будет дополнительным стимулом для экономического развития страны в будущем. Здесь мы можем наблюдать некоторую позитивную тенденцию, так как, согласно прежним показателям, пессимистично настроены были 95 % опрошенных россиянок, а оптимистично — только 14 %.

При этом 58 % опрошенных женщин уверены, что коронавирус мутирует, последуют другие волны пандемии и режим самоизоляции может повториться; 30 % респонденток, хотя и опасаются дальнейшего ухудшения эпидемиологической ситуации в стране, считают, что Правительство на серьезные ограничительные меры уже не пойдет, а 10 % верит, что предпринимаемые профилактические мероприятия и массовое вакцинирование обезопасят население от повторения такой ситуации.

Что же касается общего настроения респонденток, мыслят они достаточно оптимистично: 45 % опрошенных женщин уверены, что все будет хорошо и даже лучше, чем прежде; 19 % надеются вернуться к докоронавирусному образу жизни. 27 % считают, что мир уже не будет прежним, 7 % видят в будущем только негативные тенденции. Если сравнить полученные результаты с данными по первой волне COVID-19, то в части противоположных мнений об исходе ситуации они практически совпадают: тогда на благополучное будущее надеялся 41 % респонденток, а сугубо пессимистичный ответ дали те же 7 %. Такие оценки, видимо, связаны с личностным психотипом опрошенных и с характерным для них восприятием любой жизненной ситуации. Интересно, что осознание того, что послекоронавирусный мир уже не будет прежним, пришло только сейчас: тогда к прежней жизни надеялись вернуться 43 % российских женщин и только 9 % осознавали, что изменения необратимы.

Заключение

Российские женщины, пройдя через самоизоляцию и вернувшись (полностью или частично) в офлайн-формат жизни и работы, прошли все классические стадии стресса: отрицание, гнев, поиск компромисса, отчаяние, принятие [Кюблер-Росс, 2001]. Настоящая сила и способность к преодолению проблем, связанных с пандемией, пришли к женщинам и членам их семей именно на этапе осознания и принятия.

Если рассматривать ситуацию более подробно, то гипотеза о том, что основной проблемой, вызванной выходом из режима самоизоляции, стало нежелание женщин менять ставший привычным несколько расслабленный образ жизни и соответственно нежелание возвращаться к очному формату работы, в целом подтвердилась. За время ограничений женщины научились рационально распределять задачи в течение дня, соблюдая баланс личного и рабочего времени. Они приспособились к такому графику и уже не видят в нем неудобств, а удаленная работа стала для них источником дополнительного времени и новых возможностей.

Процесс восприятия ситуации выхода из самоизоляции снова приводит женщин к последовательному прохождению всех стадий стресса.

Что же касается предположения о том, что плюсами перехода к обычной жизни станет возвращение детей в школы и мужей на работу, то здесь ситуация двоякая. С одной стороны, матери оказались рады передать функцию обучения и обеспечения досуга детей в руки профессионалов, а с другой — недовольны возросшими расходами на питание и перемещение детей вне дома. Также респондентки, наряду с одобрением выхода из ситуации, характеризующейся необходимостью проводить весь день вместе с другими членами семьи, высказывали сожаление о вынужденном долговременном расставании с детьми и супругами, с которыми они привыкли проводить больше времени в период самоизоляции.

Подытоживая вышеизложенное, необходимо отметить, что проявившиеся сложности взаимодействия с изменившейся внешней средой не оказали серьезного негативного воздействия на российских женщин, настроенных достаточно позитивно и готовых к изменениям.

Разумеется, дальнейшая научная рефлексия и новые социальные опросы населения дадут более ясную картину проблем, связанных с периодом самоизоляции, выходом из нее и с адаптацией к новой реальности российских семей.

Список источников

- Власенко А. И.* Психологические изменения состояния личности в депривационных условиях режима самоизоляции // Психолого-педагогические исследования. 2020. Т. 12, № 4. С. 88—103.
- Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И.* Рынок труда под натиском коронавируса // Центр трудовых исследований ВШЭ. 2020. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/369698959.pdf> (дата обращения: 19.04.2021).
- Горшков М. К.* Пандемия очищает небосвод: о COVID-19 в контексте социальной диагностики // Литературная газета. 2020. № 17—18. URL: https://lgz.ru/article/_17-18-6735-29-04-2020/pandemiya-ochishchaet-nebosvod/ (дата обращения: 19.04.2021).
- Дробот Е. В.* Мировая экономика в условиях пандемии COVID-19: итоги 2020 года и перспективы восстановления // Экономические отношения. 2020. Т. 10, № 4. С. 937—960.
- Ивченко М. А.* К вопросу о влиянии режима самоизоляции в условиях пандемии на обострение супружеских конфликтов // Теория и практика общественного развития. 2020. № 12. С. 38—41.
- Касьянов В. В., Гафатулина Н. Х., Самыгин С. И.* Особенности и проблемы социального поведения в условиях режима самоизоляции российского населения // Гуманитарий Юга России. 2020. № 2. С. 51—63.
- Кюблер-Росс Э.* О смерти и умирании. М.: София, 2001. 316 с.
- Мельников В. Ю.* Законодательство в период противодействия коронавирусной инфекции // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. № 2. С. 24—35.
- Смирнов С. Н.* Влияние пандемии COVID-19 на потребительский рынок России: статистический анализ // Социальные новации и социальные науки. 2020. № 2. С. 149—159.

- Гаранов А. COVID-19: юридические последствия для сторон договора. 2020. URL: [http://legalinsight.ru/legal-insight- %E2 %84 %96-03-89-2020/](http://legalinsight.ru/legal-insight-%E2%84%96-03-89-2020/) (дата обращения: 19.04.2021).
- Торкановский Е. П. Автаркия 2.0: глобальная экологическая повестка, пандемия COVID-19 и новая нормальность // Экономические отношения. 2020. Т. 10, № 3. С. 663—682.
- Чилипенко Ю. Ю., Гапонова О. С., Гапонова Н. С., Данилова Л. С. Трансформация жизненного уклада российских женщин в условиях самоизоляции, вызванной пандемией COVID-19 // Женщина в российском обществе. 2020. № 4. С. 82—98.
- Dong M., Zheng J. Letter to the editor: headline stress disorder caused by Netnews during the outbreak of COVID-19 // *Health Expect.* 2020. Vol. 2. P. 259—260.
- Duffin E. Impact of the coronavirus pandemic on the global economy — statistics & facts // Statista. 2020. June, 4. URL: <https://www.statista.com/topics/6139/covid-19-impact-on-the-global-economy/> (дата обращения: 19.04.2021).
- Gao J., Zheng P., Jia Y., Chen H., Mao Y., Chen S. et al. Mental health problems and social media exposure during COVID-19 outbreak // *PLoS ONE*. 2020. № 4.
- Miranda V. Cooking and caring, building and repairing: unpaid work around the world // *Society at a Glance 2011: OECD Social Indicators*. OECD Publishing, 2011. P. 9—28.
- Nicola M. et al. The socio-economic implications of the coronavirus and COVID-19 pandemic: a review // *International Journal of Surgery*. 2020. № 78. P. 185—193.
- Stiglitz J. E. We need a better balance between globalization and self-reliance: how the economy will look after the coronavirus pandemic // *Foreign Policy*. 2020. 15 April. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/04/15/how-the-economy-will-look-after-the-coronavirus-pandemic/> (дата обращения: 19.04.2021).

References

- Chilipenok, Iu. Iu., Gaponova, O. S., Gaponova, N. S., Danilova, L. S. (2020) Transformatsiia zhiznennogo uklada rossiiskikh zhenshchin v usloviiakh samoizoliatsii, vyzvannoї pandemiei COVID-19 [Transformation of Russian women lifestyle in the context of self-isolation caused by the COVID-19 pandemic], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 82—98.
- Dong, M., Zheng, J. (2020) Letter to the editor: Headline stress disorder caused by Netnews during the outbreak of COVID-19, *Health Expect*, vol. 2, pp. 259—260.
- Drobot, E. V. (2020) Mirovaia ekonomika v usloviiakh pandemii COVID-19: itogi 2020 goda i perspektivy vosstanovleniia [The global economy in the context of the COVID-19 pandemic: the results of 2020 and the prospects for recovery], *Ekonomicheskie otnosheniia*, vol. 10, no. 4, pp. 937—960.
- Duffin, E. (2020) Impact of the coronavirus pandemic on the global economy — statistics & facts, *Statista*, June, 4, available from <https://www.statista.com/topics/6139/covid-19-impact-on-the-global-economy/> (accessed 19.04.2021).
- Gao, J., Zheng, P., Jia, Y., Chen, H., Mao, Y., Chen, S. et al. (2020) Mental health problems and social media exposure during COVID-19 outbreak, *PLoS ONE*, no. 4.
- Gimpel'son, V. E., Kapeliushnikov, R. I. (2020) Rynok truda pod natiskom koronavirusa [The labor market under the onslaught of the coronavirus], *Tsentr trudovykh issledovaniĭ VShĖ*, available from <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/369698959.pdf> (accessed 19.04.2021).
- Gorshkov, M. K. (2020) Pandemiia ochishchaet nebosvod: O COVID-19 v kontekste sotsial'noĭ diagnostiki [The pandemic is clearing the firmament: About COVID-19 in the context of social diagnostics], *Literaturnaia gazeta*, no. 17—18, available

- from https://lgz.ru/article/_17-18-6735-29-04-2020/pandemiya-ochishchaet-nebosvod/ (accessed 19.04.2021).
- Ivchenkova, M. A. (2020) K voprosu o vliianii rezhima samoizoliatsii v usloviakh pandemii na obostrenie supruzheskikh konfliktov [On the question of the influence of the self-isolation regime in a pandemic on the exacerbation of marital conflicts], *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 12, pp. 38—41.
- Kas'ianov, V. V., Gafiatulina, N. Kh., Samygin, S. I. (2020) Osobennosti i problemy sotsial'nogo povedeniia v usloviakh rezhima samoizoliatsii rossiiskogo naseleniia [Features and problems of social behavior in the conditions of the regime of self-isolation of the Russian population], *Gumanitarii Iuga Rossii*, no. 2, pp. 51—63.
- Kiubler-Ross, E. (2001) *O smerti i umiranii* [About death and dying], Moscow: Sofiia.
- Mel'nikov, V. Iu. (2020) Zakonodatel'stvo v period protivodeistviia koronavirusnoi infektsii [Legislation in the period of countering of coronavirus infection], *Vestnik iuridicheskogo fakul'teta Iuzhnogo federal'nogo universiteta*, no. 2, pp. 24—35.
- Miranda, V. (2011) Cooking and caring, building and repairing: unpaid work around the world, in: *Society at a Glance 2011: OECD Social Indicators*, OECD Publishing, pp. 9—28.
- Nicola, M. et al. (2020) The socio-economic implications of the coronavirus and COVID-19 pandemic: A review, *International Journal of Surgery*, no. 78, pp. 185—193.
- Smirnov, S. N. (2020) Vliianie pandemii COVID-19 na potrebitel'skii rynek Rossii: statisticheskiĭ analiz [Impact of the COVID-19 pandemic on the Russian consumer market: statistical analysis], *Sotsial'nye novatsii i sotsial'nye nauki*, no. 2, pp. 149—159.
- Stiglitz, J. E. (2020) We need a better balance between globalization and self-reliance: how the economy will look after the coronavirus pandemic, *Foreign Policy*, 15 April, available from <https://foreignpolicy.com/2020/04/15/how-the-economy-will-look-after-the-coronavirus-pandemic/> (accessed 19.04.2021).
- Tarapov, A. (2020) *COVID-19: iuridicheskie posledstviia dlia storon dogovora* [COVID-19: legal implications for the parties to the contract], available from <http://legalinsight.ru/legal-insight-%E2%84%96-03-89-2020/> (accessed 19.04.2021).
- Torkanovskii, E. P. (2020) Avtarkii 2.0: global'naia ėkologicheskaiia povestka, pandemiia COVID-19 i novaia normal'nost' [Autarky 2.0: the global environmental agenda, the COVID-19 pandemic and the new normality], *Ėkonomicheskie otnosheniia*, vol. 10, no. 3, pp. 663—682.
- Vlasenko, A. I. (2020) Psikhologicheskie izmeneniia sostoianiia lichnosti v deprivatsionnykh usloviakh rezhima samoizoliatsii [Psychological changes in the state of personality in the deprivation conditions of the regime of self-isolation], *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniia*, vol. 12, no. 4, pp. 88—103.

Статья поступила в редакцию 11.12.2021; одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 13.02.2022.

The article was submitted 11.12.2021; approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 13.02.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Чилипенюк Юлия Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего и стратегического менеджмента, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород), г. Нижний Новгород, Россия, uchilipenok@hse.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Head of the Department

of General and Strategic Management, National Research University “Higher School of Economics” (Nizhny Novgorod), Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Гапонова Ольга Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры общего и стратегического менеджмента, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород), г. Нижний Новгород, Россия, osgaponova@hse.ru (Cand. Sc. (Economy), Associate Professor at the Department of General and Strategic Management, National Research University “Higher School of Economics” (Nizhny Novgorod), Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Гапонова Надежда Сергеевна — преподаватель кафедры общего и стратегического менеджмента, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород), г. Нижний Новгород, Россия, ngaponova@hse.ru (Lecturer at the Department of General and Strategic Management, National Research University “Higher School of Economics” (Nizhny Novgorod), Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Данилова Любовь Сергеевна — старший преподаватель кафедры общего и стратегического менеджмента, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород), г. Нижний Новгород, Россия, ldanilova@hse.ru (Senior Lecturer at the Department of General and Strategic Management, National Research University “Higher School of Economics” (Nizhny Novgorod), Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 20—31.

Woman in Russian Society. 2022. No. 2. P. 20—31.

Научная статья

УДК 745/749(470+571)

DOI: 10.21064/WinRS.2022.2.2

**МУЖИК И МЕДВЕДЬ:
ОБРАЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ МАСКУЛИННОСТИ
НА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СУВЕНИРАХ**

Олег Вячеславович Рябов, Татьяна Борисовна Рябова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, Riabov1@inbox.ru

Аннотация. На материалах сувенирной продукции анализируется ставшее в последние годы популярным сравнение российского мужчины с медведем. В первой части статьи рассматривается превращение образа медведя в национальный символ России, вторая сфокусирована на том, как этот образ используется в репрезентациях российской маскулинности. Авторы приходят к заключению, что при помощи образа России-медведя легитимируется определенный гендерный порядок; кроме того, данный образ связывает воедино гендерный, национальный, геополитический и властный дискурсы, которые тем самым взаимно поддерживают друг друга.

Ключевые слова: образ мужика, национальная маскулинность, Россия как медведь, сувенир, легитимация власти

Благодарности: исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00748 «“Русский медведь” в современной символической политике: российский и западный контексты».

Для цитирования: *Рябов О. В., Рябова Т. Б.* Мужик и медведь: образы национальной маскулинности на современных российских сувенирах // *Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 20—31.*

Original article

MUZHNIK AND THE BEAR: THE IMAGES OF NATIONAL MASCULINITY ON CONTEMPORARY RUSSIAN SOUVENIRS

Oleg V. Riabov, Tatiana B. Riabova

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg,
Russian Federation, Riabov1@inbox.ru

Abstract. Based on the materials of the souvenir production, the paper dwells upon the comparison of Russian men with bears that became popular in recent years. The first section of the paper examines how the image of bear turns into the national symbol of Russia, the second focuses on how this image is employed in representation of Russian masculinity. The authors conclude that using the image of Russia the bear contributes to legitimation of a certain gender order, besides, this image binds together gender, national, geopolitical, and power discourses, which legitimate each other by that.

Key words: the image of *muzhik*, national masculinity, Russia as a bear, souvenir, legitimation of power

Acknowledgments: the reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-011-00748 “The symbol of the «Russian bear» in symbolic politics: Russian and the Western contexts”.

For citation: Riabov, O. V., Riabova, T. B. (2022) *Muzhik i medved'*: obrazy natsional'noi maskulinnosti na sovremennykh rossiiskikh souvenirakh [*Muzhik and the Bear: the images of national masculinity on contemporary Russian souvenirs*], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 20—31.

«Настоящему мужику», «Настоящему мужчине» — такие надписи на поздравительных открытках и сувенирах, связанных с Днем защитника Отечества, в последние несколько лет нередко сопровождаются образом медведя; кроме того, и сами виновники торжества — российские мужчины — изображаются в виде медведей. Собственно, ничего необычного в использовании животной метафоры для репрезентаций человека нет. Специфика данного случая, однако, заключается в том, что, во-первых, в современной России медведь является неофициальным национальным символом, во-вторых, данный символ утверждается в этом качестве в период обострения отношений России и стран Запада и имеет заметные антизападные коннотации, в-третьих, поскольку образ медведя уже почти четверть века размещен на логотипе «партии власти», то продвижение этого образа в качестве аллегории страны и наделение его позитивными коннотациями проходило при активном участии «Единой России». Эти три измерения — политика национальной идентичности, геополитика, легитимация власти — связаны с гендерным измерением, с созданием канона маскулинности. Роль гендерного дискурса в формировании нации, в интерпретации международных отношений, в легитимации власти изучалась классиками гендерных

исследований (см., напр.: [Scott, 1986; Yuval-Davis, 1997; Tickner, 2001]). Массовая культура имеет особое значение в транслировании гендерных представлений; объектом изучения уже становились фильмы, телевизионные сериалы, беллетристика, видеоигры; мы бы хотели привлечь внимание к такому виду массовой культуры, как сувенирная продукция.

Под сувениром в широком смысле понимают не только «художественные изделия как память о посещении какого-нибудь места», но и «подарки на память» [Сувенир, 1998; Сувенир, 2017]. Помимо практической, сувениры имеют и признаваемую символическую ценность. Сувенир, значимая составляющая жизни современного человека, активно исследуется экономистами, социологами, культурологами, искусствоведами; появляются и работы, в которых подчеркивается, что производство сувениров и их потребление — это также и вопрос политики.

Важнейшие свойства сувениров, отмечаемые исследователями, заключаются в их эмоциональной нагруженности, использовании в символическом потреблении, вовлеченности в социальную коммуникацию, международном характере, массовости и узнаваемости, пластичности и многозначности (напр.: [Gordon, 1986; Swanson, Timothy, 2012; Decrop, Masset, 2014; Быстрова, 2015]). Эти свойства, на наш взгляд, позволяют эффективно использовать сувенирную продукцию в формировании определенных интерпретаций социально-политической реальности, в том числе в гендерном аспекте. С одной стороны, сувениры отражают существующие в обществе гендерные представления (поскольку производство сувениров — это многомиллиардный бизнес, который, как и любой бизнес, должен учитывать интересы потребителей, выступая чутким барометром общественных настроений). С другой стороны, у власти достаточно возможностей для того, чтобы этот бизнес контролировать, форматируя распространение нужных ей представлений об окружающем мире.

Материалами для настоящего исследования выступили российские сувениры, продаваемые в интернет-магазинах и сувенирных лавках, на которых изображен медведь, олицетворяющий Россию или ее граждан. Всего нами обнаружено около 500 сюжетов, размещенных на различных видах сувенирной продукции (футболки, кружки, магниты, одежда, брелоки, бокалы, статуэтки, значки, подушки, ножи, коврики для компьютерной мыши и др.); наибольший интерес в контексте нашего исследования представляют те сюжеты, в которых образ медведя непосредственно соотносится с эталонной российской маскулинностью. Кроме того, мы привлекаем данные всероссийского опроса ФОМ 2019 г., которые позволяют сделать вывод о популярности символа медведя в России и приписываемых ему характеристиках. В первой части статьи речь пойдет о том, как в постсоветский период медведь превращается в национальный символ России. Во второй части мы рассмотрим, как изображение медведя, помещенное на сувенирную продукцию, вносит вклад в формирование образов национальной маскулинности.

Медведь как национальный символ в современной России

Ассоциирование России с медведем возникает в западных культурах около 500 лет назад¹. В России восприятие медведя в качестве политического символа становится заметным лишь в постсоветский период — прежде всего благодаря его включению в атрибутику «Единой России»². Только после этого образ медведя превратился в символический ресурс российской власти, способствуя репрезентациям ее как национальной, опирающейся на древние традиции; сильной, эффективной; справедливой, отвечающей базовым ценностям общества. Это определило и отношение к символу медведя в обществе, которое в целом зависело от политических предпочтений россиян: его поддерживали в основном сторонники «партии власти».

Ситуация меняется в послекрымский период: в условиях обострения отношений между Россией и Западом медведь становится все более привлекателен в качестве национального символа. Образ России как медведя включается даже в риторику официальных представителей России³, в том числе в выступления президента. На встрече Валдайского клуба в октябре 2014 г. В. Путин, говоря о защите интересов России, вспомнил выражение «Что позволено Юпитеру, не позволено быку» и заявил, что «медведь ни у кого разрешения спрашивать не будет» и «своей тайги никому не отдаст»⁴. В декабре 2014 г., отвечая на вопрос о причинах обострения отношений с Западом, президент вновь сравнил Россию с медведем, который не должен расслабляться, чтобы не потерять зубы и когти и не стать охотничьим трофеем в виде чучела⁵.

Эти перемены сопровождаются изменениями в общественном мнении россиян, что находит отражение в данных соцопросов. В 2015 г. в ходе всероссийского опроса (РОМИР) в ответ на открытый вопрос «С какими образами Вы

¹ Об истории символа «русский медведь» и его сегодняшнем функционировании в различных регионах мира см., напр.: [Hudabiunnigg, 2000; Россомыхин, Хрусталеv, 2008; Жаковска, 2011; Riabov, 2020; Клещенко, 2021; Спутницкая, 2021].

² Проведенный в начале XXI в. всероссийский опрос, посвященный неофициальной российской символике (ФОМ, 2002), показал, что символ медведя россияне воспринимали лишь как символ-ярлык, примитивный стереотип, используемый в отношении России иностранцами с негативным смыслом; они не отнесли медведя к «истинным символам», отражающим величие, достижения и роль государства (Символы Российского государства // База данных ФОМ. 2002. 24 янв. URL: https://bd.fom.ru/report/cat/pow_symb/dd020325 (дата обращения: 29.04.2021)).

³ Так, в 2017 г. министр обороны РФ С. Шойгу в ответ на реплику своего британского визави М. Фэллона, который сказал, что Запад не хочет, «чтобы медведь совал свои лапы в Ливию», заметил: «...мы не думаем, что в их “зоопарке” вырос зверь, который может указывать медведю» (Шойгу предложил Западу поискать «зверя», способного напугать «русского медведя» // Московский комсомолец. 2017. 21 февр. URL: <https://www.mk.ru/politics/2017/02/21/shoygu-predlozhit-zapadu-poiskat-zverya-sposobnogo-napugat-russkogo-medvedya.html> (дата обращения: 29.04.2021)).

⁴ Путин о политике РФ: русский медведь в другие земли не хочет // РИА «Новости». 2014. 24 окт. URL: <https://ria.ru/20141024/1029951137.html> (дата обращения: 20.06.2021).

⁵ Владимир Путин: как только русский медведь расслабится, из него сделают чучело // Вести.Ru. 2014. 10 дек. URL: <https://www.vesti.ru/article/1820008> (дата обращения: 29.04.2021).

ассоциируете Россию?» образ медведя назвали уже 12 % респондентов⁶. В последующие годы эта тенденция стала еще более очевидной⁷.

Наиболее ярким примером, свидетельствующим о превращении медведя в национальный символ, стали результаты всероссийского опроса ФОМ (2019). На вопрос «Как вы считаете, медведь — это правильный, подходящий символ для России или неправильный, неподходящий?» 65 % процентов респондентов ответили утвердительно и лишь 18 % — отрицательно (еще 17 % не определили свое отношение)⁸. Примечательно, что существенных гендерных различий в оценке медведя как национального символа опрос ФОМ не выявил: среди ответивших утвердительно было 70 % мужчин и 61 % женщин.

Таким образом, в последние годы можно наблюдать процесс трансформации данного символа из партийного в национальный. Об основном факторе этой трансформации можно судить по ответам на второй вопрос «Почему вы считаете, что медведь — это правильный, подходящий символ для России?»: «медведь большой, сильный, могучий, как наша страна» (33 %), «спокойный, долго терпит, но потом отвечает» (7 %), «грозный, свирепый, внушает страх» (5 %), «умеет постоять за себя, защитник» (4 %), «смелый, отважный» (1 %), «стойкий, напористый» (1 %). Иначе говоря, медведь приемлем в качестве аллегории России для половины всех респондентов (и для более 80 % тех, кому данный символ нравится), потому что он символизирует силу. Как следует из контекста, это качество приобретает ценность по причине тревожной международной обстановки. Столь значительное усиление самоидентификации россиян с символом медведя и отражает укрепившиеся после событий 2014 г. антизападные настроения, и поддерживает их.

Заметную роль в этом укреплении символических границ с Западом играет также гендерный дискурс, противопоставление российской и западной маскулинности [Riabova, Riabov, 2019]. Рассмотрим, как образ медведя в качестве символа России и ее жителей помогает в этом процессе.

Россия-медведь и национальная маскулинность на сувенирной продукции

Отмеченные изменения в социальных представлениях находят отражение и в массовой культуре, будь то видеоигры или карикатуры, беллетристика или сувениры. Сувенирный рынок предлагает сотни подарков с изображением медведя, символизирующего страну и ее жителей. Значительную часть сувенирной продукции занимают сюжеты с изображением российских мужчин в облике медведя.

⁶ Образ Родины — в натуре // РОМИР. 2015. 29 сент. URL: <https://www.opengaz.ru/obraz-rodiny-v-nature> (дата обращения: 29.09.2021).

⁷ Напр.: Символика России // ФОМ. 2016. 7 июня. URL: <https://fom.ru/TSennosti/12698> (дата обращения: 29.09.2021); Государственные символы // ФОМ. 2019. 10 июня. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14219> (дата обращения: 29.09.2021).

⁸ Медведь как символ России // ФОМ. 2019. 28 нояб. URL: <https://fom.ru/posts/14297> (дата обращения: 29.04.2021). Заслуживают упоминания и результаты опроса «Какое животное лучше всего олицетворяет Россию, может служить национальным символом?», который был впервые проведен в 2021 г.: почти две трети россиян (62 %) считают таковым медведя (ВЦИОМ: более половины россиян считают медведя символом РФ // ТАСС. 2021. 25 февр. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10779011> (дата обращения: 29.04.2021)).

Для нашего исследования наибольший интерес представляют те виды сувениров, на которых в эксплицированной форме изображен медведь в качестве символа образцовой маскулинности. «Праздником настоящих мужчин» в России традиционно считается День защитников Отечества [Воронина, 2017], поэтому вторая группа сувениров, содержание которых мы анализируем, — подарки с изображением медведя для этого праздника. Третью группу составляют сувениры, на которых медведь выступает олицетворением такой модели маскулинности, как мужик.

Прежде всего отметим сам факт того, что сувениры, предназначенные «настоящему мужчине», нередко сопровождаются изображением медведя. «Тому, кто всегда побеждает», «Настоящий герой», «Сила. Мужество. Отвага», «Характер и сила», «Защита и опора» — эти надписи позволяют понять, каким критериям должен соответствовать «настоящий мужчина» (ил. 1). Медведь, таким образом, воплощает те характеристики, которые связаны с традиционной маскулинностью: физическую силу, смелость, стойкость, умение держать удар.

Ил. 1

Особого внимания заслуживает присутствие на сувенирах такой черты канона маскулинности, как способность быть защитником — своего дома, семьи, Отечества. В контексте функции защиты объяснимо, что медведь при этом нередко выглядит угрожающе (акцентируются его огромные когти, оскаленная пасть и др.) (ил. 2 и 3). Ролью защитника объясняется и тот факт, что во многих сюжетах на предлагаемых подарках медведь представлен в форме военнослужащих РФ разных родов войск (прежде всего тех, которые считаются наиболее мужественными: десантников, летчиков, моряков, пограничников, морских пехотинцев, спецназовцев МВД)⁹. Следовательно, привлечение медвежьего символа позволяет акцентировать военную составляющую образа «настоящего мужчины» и связанную с нею физическую силу.

Это особенно касается тех сувениров и подарков, которые связаны с Днем защитника Отечества. Так, с каждым годом все популярнее становятся интернет-открытки, на которых изображен медведь в военной форме (ил. 3). Футболки, пивные кружки, брелоки, портмоне и даже подушки изображают медведя в военной форме с подписью «23 Февраля»¹⁰. День защитника Отечества здесь ассоциируется, таким образом, не только с эталонной мужественностью, но и с образом медведя.

⁹ Напр.: Футболка ВДВ с девизом «Никто, кроме нас». URL: <https://voenpro.ru/voentorg/futbolka-nikto-krome-nas-medved> (дата обращения: 29.09.2021).

¹⁰ Иногда, впрочем, производителям сувенирной продукции чувство меры изменяет, и военизация эталонной маскулинности приобретает гипертрофированные формы. Например, образ медведя украшает подарочный набор, предназначенный «лучшему мужчине», который включает в себя гель для душа в упаковке в форме пули и шампунь — в форме гранаты (Набор «С 23 Февраля, медведь!»). URL: <https://www.ozon.ru/product/nabor-s-23-fevralya-medved-gel-dlya-dusha-pulya-aromat-parfyuma-shampun-granata-399344802/?sh=fcW9JYMv> (дата обращения: 29.09.2021)).

Ил. 2

Ил. 3

Наконец, особый интерес представляют те сувениры, которые связаны с образом мужика как воплощением национальной маскулинности (к примеру, пивной бокал с изображением медведя и числом 23, предлагаемый в качестве подарка ко Дню защитника Отечества, предназначен «настоящему мужику» (ил. 4)). Мужик, «настоящий мужик» — это приемлемая в большинстве социальных групп современного российского общества оценка соответствия образцовой мужественности. Подчеркнем, что символ мужика используется и как синоним подлинной мужественности, и как маркер национальной идентичности. Появление модели мужика, представляющей собой синтез традиционной русской, советской и либеральной маскулинности, стало частью политики национальной идентичности в 2000-х гг. —

Ил. 4

«ремаскулинизации России» (подробнее см.: [Riabova, Riabov, 2019]). Принципиально, что канон мужика, «настоящего мужчины» как воплощения национальной мужественности в немалой степени функционирует через противопоставление репрезентациям западной, в первую очередь европейской, маскулинности. Деграция мужественности западных мужчин проявляется в их изнеженности, инфантильности, эгоцентризме, что связывается не в последнюю очередь с распространением в странах ЕС нетрадиционных сексуальных отношений. Мужик же далек от норм толерантности; он надежный товарищ и патриот — вынослив, силен, немногословен [ibid].

Сувенирная продукция уподобляет мужика медведю, актуализируя характеристики, которые нередко привлекаются для спецификации национальной мужественности. С одной стороны, мужик по-медвежьи силен. Вместе с тем национальная мужественность включает в себя и особенные экспрессивные

характеристики: мужик — не только сильный, но добродушный. Например, изображение медведя на сувенирном коврике для мыши сопровождается надписью «Русский характер. Сила и доброта»¹¹.

С какими атрибутами «медвежьи» сувениры ассоциируют маскулинность мужика? Прежде всего это символы-ярлыки: водка, ушанка, красная звезда, балалайка, отсылающие к популярным стереотипам русского мужчины (распространенным в первую очередь на Западе и используемым на сувенирах, скорее, с сарказмом). Далее, это маркеры досуга мужика: водочные стопки и пивные бокалы, банные принадлежности, игральные карты¹². Наконец, еще одним атрибутом является оружие, в том числе охотничьи принадлежности.

Таким образом, символ медведя сопровождает достаточно стереотипный образ маскулинности. Конечно, следует принимать во внимание специфику подарочной продукции, которая зачастую носит шуточный характер. Вопрос о том, можно

ли использовать символ медведя в качестве означаемого для более сложного образа маскулинности, представляет интерес в более широком контексте: может ли медведь стать приемлемым для большинства населения России.

В связи с этим необходимо отметить те сувениры, которые предлагают иные образы маскулинности. Так, поздравительная открытка «Самый лучший в мире папа и муж — медведь»¹³ показывает заботливого отца в образе медведя¹⁴. Другой пример — подарочный диплом, в котором суть «настоящей мужественности» выражена через девиз «Тому, кто живет по своим правилам», подчеркивающий ценность индивидуализма (что не вполне соответствует коллективистскому этосу мужика). Причем символом такой альтернативной маскулинности также выступает образ медведя (атрибутом которого показаны не баня и водка, а модные очки (ил. 5)), и этот образ маркирует

Ил. 5

¹¹ Коврики для мыши «Патриотические». «Русский характер. Сила и доброта». URL: <https://www.ozon.ru/context/detail/id/193576497/> (дата обращения: 29.09.2021).

¹² Напр.: Коврик банный с вышивкой «С Новым годом! Настоящий мужик (медведь)». URL: <https://mega-prime.ru/kovrik-bannyy-c-vyshivkoi-s-novyim-godom-nastoyaschii-mujik-medved> (дата обращения: 29.09.2021).

¹³ URL: <https://mail.smilewithfriends.ru/shop/best-dad-husb-card> (дата обращения: 29.09.2021).

¹⁴ Заслуживает упоминания и случай, когда детский омбудсмен А. Кузнецова, пусть и не вполне серьезно, предложила, чтобы медведь на логотипе «Единой России» был изображен не одиноким, а с медведицей и медвежатами, что акцентировало бы роль ценности семьи в партийной политике (Кузнецова предложила добавить медвежат на логотип «Единой России» // РИА «Новости». 2021. 9 авг. URL: <https://ria.ru/20210809/logotip-1745111197.html> (дата обращения: 29.09.2021)). Заметим, что позиционирование России в качестве бастиона традиционной семьи рассматривается как один из элементов «мягкой силы» страны [Рябова, Рябов, 2017].

данный тип маскулинности как «свой» в национальном отношении, российский. Подобного рода варианты маскулинности на сувенирах с медведем являются скорее исключением. Они, тем не менее, свидетельствуют о жизнеспособности образа медведя в качестве национального символа, показывают, что у него есть необходимый семиотический потенциал, чтобы с ним идентифицировали себя различные группы россиян.

Заключение

В сегодняшней России образ медведя превратился в национальный символ и его легитимация происходит не только в сфере внутренней и внешней политики, но и в гендерном дискурсе. Причем это связано и с политикой национальной идентичности, и с вопросами международных отношений и внутренней политики. Как мы попытались показать, он служит символом мужественности, обозначая силу, смелость, стойкость. При этом медведь используется и в качестве символа национальной мужественности — маскулинности мужика. Метафора «мужик — это медведь», как и любая метафора, способствует переносу значений; российские мужчины наделяются чертами идеализированного образа медведя: мощью, отвагой, непобедимостью, спокойствием, добродушием, терпением (которое, однако, имеет свои пределы). Какие функции выполняет сравнение мужика и медведя?

Во-первых, это легитимация данного типа маскулинности как национального, поскольку медведь воспринимается как аллегория России. Иными словами, как ни парадоксально это звучит, образ медведя выступает одним из факторов, оказывающих влияние на гендерные отношения в российском обществе.

Во-вторых, использование гендерного дискурса, в свою очередь, вносит вклад в утверждение медведя в качестве национального символа, поскольку позволяет жителю России ассоциировать с данным образом не только страну в целом, но и себя лично.

В-третьих, сравнение мужика и медведя укрепляет символические границы с Западом, что способствует легитимации сегодняшней внешней политики России, а также власти, которая эту политику проводит.

Следовательно, такое ассоциирование российского мужчины с медведем связывает воедино гендерный, национальный, геополитический и властный дискурсы, которые тем самым взаимно поддерживают друг друга.

Мы рассмотрели, как формируется и поддерживается национальная мужественность с помощью образа медведя на примере такого источника, как сувенирная продукция, которая, как и другие виды массовой культуры, не только отражает существующие в обществе гендерные представления, но и оказывает влияние на их формирование — в том числе потому, что благодаря сувениру ассоциирование медведя с мужиком становится частью повседневности.

Список иллюстраций

1. Термокружка «Настоящий мужчина» DeluxDom. URL: <https://deluxdom.ru/products/termokruzhka-nastoyaschiy-muzhchina-170-ml> (дата обращения: 29.09.2021).
2. Подушка «С Днем защитника Отечества!». URL: https://reneks58.ru/product/podushka-s-dnem-zashhitnika-otechestva_ (дата обращения: 29.09.2021).
3. Русский медведь. Поздравляю наших защитников Отечества с 23 Февраля! URL: <https://kartinki-life.ru/crd/russkiy-medved-s-23-fevralya-pozdravlyau-nashih-zashhitnikov-otechestva-s-23-fevralya> (дата обращения: 29.09.2021).
4. Пивной бокал «Настоящий мужик». URL: <https://rusexpress.ru/products/pivnoy-bokal-nastoyaschiy-muzhik-medved-570-ml> (дата обращения: 29.09.2021).
5. Диплом современный «Настоящему мужчине»: сувенир. URL: <https://podarkovich.com/3846152-suvyenir-diplom-sovremennuyu-nastoyashchemu-muzhchine/> (дата обращения: 29.09.2021).

Список источников

- Быстрова Т. Ю. Социокультурный подход к проектированию туристических и музейных сувениров // Человек в мире культуры. 2015. № 1. С. 18—22.
- Воронина О. А. «Гендерные» праздники: трансформация символических значений // Женщина в российском обществе. 2017. № 3. С. 3—16.
- Жаковска М. Медведь на охоте, охота на медведя: Россия в немецкой карикатуре XIX—XX вв. // Политическая лингвистика. 2011. № 1. С. 15—19.
- Клеценко Л. Л. «Русский медведь» в испаноязычном медиадискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12, № 3. С. 806—822.
- Россомахин А., Хрусталева Д. Россия как медведь // Неприкосновенный запас. 2008. № 1. С. 132—140.
- Рябова Т. Б., Рябов Д. О. Семейные и религиозные ценности как ресурс «мягкой силы» России: дискуссии в современных российских и западных СМИ // Женщина в российском обществе. 2017. № 3. С. 17—32.
- Спутничкая Н. Ю. Образ «русского медведя» в комиксах США и его медиарепрезентации // Мир комиксов — 2021: диапозитивы, комиксы жанра хоррор и военной тематики / под ред. Ю. А. Магеры. М.; Екатеринбург: Фабрика комиксов, 2021. С. 95—101.
- Сувенир // Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=сувенир&all=x> (дата обращения: 28.10.2021).
- Сувенир // Толковый словарь Ожегова онлайн. 2017. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30942> (дата обращения: 28.10.2021).
- Decrop A., Masset J. A T-shirt from New York, coral from Mauritius: a functional typology of tourist souvenirs // Tourists' Behaviors and Evaluations / ed. by G. Woodside, M. Kozak. Emerald Group, 2014. P. 31—39.
- Gordon B. The souvenir: messenger of the extraordinary // Journal of Popular Culture. 1986. Vol. 20, № 3. P. 135—146.
- Hudabiunigg I. Der «Russische Bär» — redivivus? // Narrative Konstruktion nationaler Identität / ed. by E. Reichmann. St. Ingbert, 2000. P. 251—281.
- Riabov O. The birth of the Russian bear? The bear symbol in the satirical journals of the 1905 Russian Revolution // REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. 2020. № 1. P. 139—168.

- Riabova T., Riabov O. The «Rape of Europe»: 2016 New Year's Eve sexual assaults in Cologne in hegemonic discourse of Russian media // *Communist and Post-Communist Studies*. 2019. Vol. 52, № 1. P. 145—154.
- Scott J. Gender: a useful category of historical analysis // *The American Historical Review*. 1986. Vol. 91, № 5. P. 1053—1075.
- Swanson K. K., Timothy D. J. Souvenirs: icons of meaning, commercialization and commoditization // *Tourism Management*. 2012. Vol. 33, № 3. P. 489—499.
- Tickner J. A. *Gendering World Politics: Issues and Approaches in the Post-Cold War Era*. New York: Columbia University Press, 2001. 272 p.
- Yuval-Davis N. *Gender and Nation*. London; Thousand Oaks (CA): Sage Publications, 1997. 157 p.

References

- Decrop, A., Masset, J. (2014) A T-shirt from New York, a coral from Mauritius: a functional typology of tourist souvenirs, in: Woodside, G., Kozak, M. (eds), *Tourists' Behaviors and Evaluations*, Emerald Group, pp. 31—39.
- Gordon, B. (1986) The souvenir: messenger of the extraordinary, *Journal of Popular Culture*, vol. 20, no. 3, pp. 135—146.
- Hudabiunigg, I. (2000) Der “Russische Bär” — redivivus?, in: Reichmann, E. (ed.), *Narrative Konstruktion nationaler Identität*, St. Ingbert, pp. 251—281.
- Kleshchenko, L. L. (2021) “Russkiĭ medved'” v ispanoiazychnom mediadiskurse, *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*, seriia Teoriia iazyka, Semiotika, Semantika, vol. 12, no. 3, pp. 806—822.
- Riabov, O. (2020) The birth of the Russian bear? The bear symbol in the satirical journals of the 1905 Russian Revolution, *REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*, no. 1, pp. 139—168.
- Riabova, T., Riabov, O. (2019) The “Rape of Europe”: 2016 New Year's Eve sexual assaults in Cologne in hegemonic discourse of Russian media, *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 52, no. 2, pp. 145—154.
- Riabova, T. B., Riabov, D. O. (2017) Semeĭnye i religioznye tsennosti kak resurs “miagkoĭ sily” Rossii: diskussii v sovremennykh rossiiskikh i zapadnykh SMI, *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 17—32.
- Rossomakhin, A., Khrustalev, D. (2008) Rossia kak medved', *Neprikosnovennyĭ zapas*, no. 1, pp. 132—140.
- Scott, J. (1986) Gender: a useful category of historical analysis, *The American Historical Review*, vol. 91, no. 5, pp. 1053—1075.
- Sputnitskaia, N. Iu. (2021) Obraz “russkogo medvedia” v komiksakh SShA i ego mediareprezentatsii, in: Magera, Iu. A. (ed.), *Mir komiksov — 2021: Diapositivny, komiksy zhanra khorrora i voennoi tematiki*, Moscow, Ekaterinburg: Fabrika komiksov, pp. 95—101.
- Suvenir (1998) [Souvenir], in: *Bol'shoĭ tolkovyi slovar' russkogo iazyka*, St. Petersburg, available from <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=сувенир&all=x> (accessed 28.10.2021).
- Suvenir (2017) [Souvenir], in: *Tolkovyĭ slovar' Ozhegova onlain*, available from <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30942> (accessed 28.10.2021).
- Swanson, K. K., Timothy, D. J. (2012) Souvenirs: icons of meaning, commercialization and commoditization, *Tourism Management*, vol. 33, no. 3, pp. 489—499.
- Tickner, J. A. (2001) *Gendering World Politics: Issues and Approaches in the Post-Cold War Era*, New York: Columbia University Press.

- Voronina, O. A. (2017) “Gendernye” prazdniki: transformatsiia simvolicheskikh znachenii, *Zhenshichina v rosiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—16.
- Yuval-Davis, N. (1997) *Gender and Nation*, London, Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Zhakovska, M. (2011) Medved’ na okhote, okhota na medvedia: Rosiia v nemetskoï karikature XIX—XX vv., *Politicheskaia lingvistika*, no. 1, pp. 15—19.

Статья поступила в редакцию 25.11.2021; одобрена после рецензирования 27.12.2021; принята к публикации 10.01.2022.

The article was submitted 25.11.2021; approved after reviewing 27.12.2021; accepted for publication 10.01.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Рябов Олег Вячеславович — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, Riabov1@inbox.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Leading Researcher, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Рябова Татьяна Борисовна — доктор социологических наук, профессор кафедры политологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, riabova2001@inbox.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Political Science, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 32—42.

Woman in Russian Society. 2022. No. 2. P. 32—42.

Original article

УДК 316.346.2-055.2

DOI: 10.21064/WinRS.2022.2.3

OBSERVANCE OF WOMEN'S RIGHTS IN MODERN KAZAKHSTAN: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Dinar Zulkapil¹, Lyazzat Nurkatova¹, Sharifa Giritli²

¹ Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, posygan1988@yandex.kz

² Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Turkistan, Kazakhstan

Abstract. This article investigates the problems of the implementation of women's rights in the Republic of Kazakhstan, the reasons for their occurrence. As an empirical base for the study, we used data from the 7th wave of the World Values Survey and reports of the World Economic Forum on the Global Gender Gap Index. Moreover, the data of official statistics and normative legal documents, which reflect the issues of the implementation of women's rights and the maintenance of gender equality, are used in this paper. In comparison with the data of previous years, Kazakhstan is annually lowered in the international ranking on the gender gap index. The problems of observance of women's rights to economic participation and access to finance, health and safety, education, civic and political participation are considered.

Key words: human rights, discrimination, gender equality, gender gap index, violence against women, abuse, victim blaming

For citation: Zulkapil, D., Nurkatova, L., Giritli, Sh. (2022) Observance of women's rights in modern Kazakhstan: sociological analysis, *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 32—42.

Научная статья

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

*Динар Зулкапил*¹, *Ляззат Нуркатова*¹, *Шарифа Гиритли*²

¹ Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан,
posygan1988@yandex.kz

² Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмеда Ясави,
г. Туркестан, Казахстан

Аннотация. Рассмотрены проблемы реализации прав женщин в Республике Казахстан и основные причины их возникновения. В качестве эмпирической базы исследования приводятся результаты 7-й волны Всемирного обзора ценностей и отчеты Всемирного экономического форума по Глобальному индексу гендерного разрыва. В статье также использованы данные официальной статистики и государственные нормативные правовые документы, в которых отражены вопросы реализации прав женщин и поддержания гендерного равенства. Освещаются проблемы соблюдения прав женщин на экономическое участие и доступ к финансам, здоровье и безопасность, образование, гражданское и политическое участие.

Ключевые слова: права человека, дискриминация, гендерное равенство, индекс гендерного разрыва, насилие в отношении женщин, абьюз, виктим-блейминг

Для цитирования: Зулкапил Д., Нуркатова Л., Гиритли Ш. Соблюдение прав женщин в современном Казахстане: социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 32—42.

Statement of the problem

Observance of the rights of all citizens, regardless of gender, elimination of various manifestations of gender inequality is an urgent agenda of the state policy of the Republic of Kazakhstan. Despite a number of progressive trends: the introduction of gender quotas for party lists, concessional lending to women's entrepreneurship, the introduction of gender-based budgeting, tougher penalties for sexual violence, there are a number of problems in the field of women's rights in the country.

According to the value of the gender gap index, Kazakhstan annually falls in the international ranking. In 2006, the first measurement of the gender gap index was carried out, which was 0,693. Then Kazakhstan was on the 32nd place in the world ranking. In 2020, Kazakhstan took the 72nd place, which is 12 positions lower in comparison with the data of the previous measurement. Since 2017, changes in the index have been negative, indicating an increase in the gender gap [Global Gender Gap Report, 2020: 205—206].

Table 1

Dynamics of the gender gap index in the Republic of Kazakhstan for 10 years

Year	The value of the index	Change, %
2020	0,710	-0,28
2019	–	–
2018	0,712	-0,14
2017	0,713	-0,70
2016	0,718	-0,14
2015	0,719	-0,28
2014	0,721	-0,11
2013	0,722	0,07
2012	0,721	2,90
2011	0,701	-0,64
2010	0,705	0,60

The gap in economic participation, education, health, political opportunity, and civic participation is widening every year. The greatest gender differences are found in the indicators “political opportunities” and “economic participation”.

Table 2

Significance of indicators of the global gender gap index in the Republic of Kazakhstan

Indicators	2006		2018		2020	
	Place	The value	Place	The value	Place	The value
Global gender gap index	32	0,693	60	0,712	72	0,710
Economic participation and opportunities	16	0,713	32	0,741	37	0,742
Level of education	53	0,990	30	1,000	63	0,995
Health and survival	36	0,979	42	0,979	74	0,975
Political opportunities	69	0,089	94	0,130	106	0,130

Despite the declared equality of all citizens and the strengthening of state measures in this direction, there is still discrimination and violation of women’s rights. This is reflected in the size of wages, the difficulty of access to leadership positions and political participation, the prevalence of sexual violence, the increased burden in the introduction of the household in comparison with men, and the restriction of access to certain professions [Nikolayeva, 2014].

Methods and information base of the study

The information base of the study consists of the results of the quantitative survey wave 7 (2018—2020) and materials world economic forum Global gender gap index (maximum index value equals 1, which means no gender gap). Data from the world values survey include people’s values and opinions about women’s access to jobs, their managerial qualities, political participation, and sexual harassment. The sample of the world values survey for Kazakhstan is 1,276 people. The data is available on the website worldvaluessurvey.org, which contains tools developed

for operational analysis. The analysis was carried out by the authors of the article online using the site's tools (tables and graphs for specified indicators, determining parameters for analysis).

Official statistical data and normative legal documents reflecting the issues of gender policy of the Republic of Kazakhstan were used as additional sources of information. The indicators of official statistics on the economic participation of Kazakhstani in the gender context are analyzed. The problems of women's rights realization in the following areas are considered: health and safety, political and civil participation, economic participation and access to finance, health and safety, education.

Results

The right to health and safety

According to the Global gender gap index for 2020, the Republic of Kazakhstan is on the 74th place in terms of "Health and survival", falling by 27 positions in comparison with the data of 2018. Violence against women is an acute social problem in this area, since it not only affects the victims themselves, but also destabilizes society as a whole and threatens social order. According to the world economic forum's 2020 report, 16,5 % of women have experienced gender-based violence in their lifetime [Global Gender Gap Report, 2020: 205—206]. One of the most common forms of violence in Kazakhstan's society is domestic violence. Thus, according to the UN women Foundation, at least 400 women die every year as a result of domestic violence in Kazakhstan. According to the Prosecutor General's office of the Republic of Kazakhstan, a steady increase in domestic violence has been going on since 2017. Then the number of offenses in the family and household sphere was 446 cases, and in 2019 it was more than 1 thousand [Komitet po pravovoï statistike... , 2019].

A special increase occurred during the tightening of quarantine in the spring of 2020, caused by the spread of coronavirus infection, when the level of violence in Kazakhstan increased by 25 % [ibid., 2020].

According to the Union of legal entities "Union of crisis centers", the hotline number 150 received: 150 calls in February 2020; 200 calls in March; more than 300 calls in the first half of April. Thus, with the increase in the duration of strict quarantine, the number of cases of domestic violence has increased.

Violence is not always associated exclusively with physical threat, its most common form is psychological violence. Psychological violence is actions aimed at undermining a person's self-esteem and self-esteem (for example, constant criticism, downplaying a person's abilities, insults). Psychological violence also includes bullying, threats of physical harm to oneself, a partner, children, friends or relatives of the partner, and forcible isolation from family or friends. These forms of violence take place in Kazakhstan's society, but, as a rule, when forming statistics, the facts of physical violence are mainly taken into account.

Cases of rape and street harassment are highly common. According to the results of the world values survey, 7,6 % of Kazakhstani speak about street harassment as a frequent phenomenon [World Values Survey, 2020]. Given the conservative nature of the population in some regions of the country, it can be assumed that many respondents are not sufficiently aware of this phenomenon and cannot always recognize it. Therefore, the real figures for street harassment are much higher.

Table 3

Do they often take place in your area: sexual harassment?

Answers	Number of responses	%
Very often	20	1,6
Quite often	77	6,0
Not often	196	15,4
Not often at all	886	69,4
I don't know	76	6,0
No answer	21	1,6
Total number of respondents (N)	1276	100

According to the amendments to the legislation of January 1, 2020, rape and violent acts of a sexual nature were transferred from the medium to the serious category, and a ban on reconciliation for crimes of this category was introduced. In the presence of reconciliation practices, victims were often subjected to threats and pressure, cases ended before reaching court.

One of the main causes of street and domestic violence is impunity. In the case of domestic violence, a woman often does not file a report to the police, fearing the revenge of the aggressor, who will sooner or later return to the family. Since 2017, when causing moderate harm to health, violent actions against a family member are not considered criminal, but administrative offenses and are punishable by a fine. Many victims of domestic violence do not want to report violence. Since the money for the fine leaves the family and the aggressor will return in any case. Thus, the family will suffer material losses.

Victims of domestic violence in most cases have nowhere to go to hide from the aggressor. Shelters for victims of violence are mainly located in large cities, in villages there are no completely and they always have a limited number of beds.

With increased quarantine measures and lockdown caused by the pandemic, the level of violence increases, because the victim is constantly in a closed space with the abuser, feels constant fear, and has no opportunity to seek help. In the absence of a quarantine regime and curfew, the victim can be safe for at least some time (at work, school or in a public place), with increased quarantine measures and remote work, this is not possible. In conditions of limited movement and economic tension, loss of work and wages, people have an increased level of psychological tension, and as a result, the level of aggression.

It is as though paradoxical did not sound, but a catalyst for street and domestic violence is public opinion. Often victims of violence hear in their address “so it’s her own fault”, “provoked”, “asked for it”, “I should have been smarter”. The blame is often shifted not to the perpetrator of the violence, but to the victim of the violence. In order to change public opinion, you need to actively involve the media, bloggers and opinion leaders. It is important to work with public opinion, to change it in the direction of protecting the victim and overcoming victim-blaming. Victim-blaming is a phenomenon in which the victim, rather than the aggressor, is blamed for committing violence. Combating victim blaming is a significant measure to prevent violence. This phenomenon contributes to the increase in violence, since it is not the perpetrator who is accused, but the victim.

The right to civil, political participation and decision-making

To date, the Mazhilis (lower house) of the Parliament of the Republic of Kazakhstan is represented by 104 deputies, among them 27 women, which is 26 %. At the time of the 2016 election, there were 29. According to the Institute of public policy, in local representative bodies — maslikhats, on average, 22 % of women deputies in the country, they occupy 740 out of 3335 seats [Institut obshchestvennoy politiki... , 2020].

Men and women in Kazakhstan have equal rights to participate in elections, but the chances of the latter winning are much lower. According to the world values survey, 20,7 % of respondents believe that in the case of political elections, women and men rarely have equal opportunities to be elected [World Values Survey, 2020].

Table 4

How often do you think women and men have equal opportunities to be elected?

Answers	Number of responses	%
Very often	383	30,0
Quite often	412	32,3
Not often	193	15,1
Not often at all	71	5,6
I don't know	162	12,7
No response	55	4,3
Total number of respondents (N)	1276	100

49,9 % of Kazakhstanis to some extent agree with the opinion that men are better political leaders than women [ibid., 2020]. This distribution of responses indicates the presence of biases in relation to women's managerial skills and leadership qualities, which obviously reduces their chances of being elected.

Table 5

Men are better political leaders than women

Responses	Number of responses	%
I totally agree	200	15,7
I agree	437	34,2
I don't agree	489	38,3
I totally disagree	109	8,5
I don't know	19	1,5
No answer	22	1,7
Total number of respondents (N)	1276	100

In terms of women's political participation in 2020, Kazakhstan dropped by 37 positions, compared to the previous measurement, and ranks 106 in the international ranking. Women hold only 5,6 % of Ministerial positions, and the representation of women in Parliament is 27,1 %. The proportion of seats in the upper house of Parliament held by women is 10,6 %.

The right to education

According to the report of the world economic forum “Global gender gap index 2020”, Kazakhstan is on the 63rd place in the world ranking in terms of education level, which is 33 steps lower than in 2018 [Global Gender Gap Report, 2020: 205—206]. In general, the situation in the field of education is better than in all other areas. But in comparison with the data of previous years, there is a decrease in the indicator “level of education”, which indicates an increase in the gender gap in this area.

Table 6

Gender gap indicators by level of education, %

Indicators	Women	Men
Literacy rate	99,7	99,8
Primary education coverage	89,0	90,0
Enrolment in secondary education	93,3	92,6
Enrolment in higher education	60,0	48,2

Currently, there are 187 professions prohibited for women in Kazakhstan. Most of them relate to the areas of foundry, welding, mining, geological exploration, construction, installation and repair and construction works*. Some women are interested in mastering these professions, but do not have access to them. World practice shows success in the professional implementation and mastery of many of the professions prohibited in Kazakhstan by women. Many of them are in demand in the labor market, and the involvement of women in these areas will help eliminate the shortage of workers. It should be noted that the list of prohibited professions is being reduced (from 287 to 187) not because of the need to respect human rights, but because of automation, technologization and Informatization of industrial and industrial works.

The right to economic participation and access to finance

According to the world economic forum report for 2020, Kazakhstan is on the 37th place in terms of “economic participation”, which is 5 positions lower than in 2018. Among senior officials and managers, the share of women is 37,1 %, men-62,9 %. At the same time, women make up 60,4 % of professional and technical workers, while men make up 39,6 % [Global Gender Gap Report, 2020: 205—206]. It turns out that women in Kazakhstan occupy mainly those positions that do not involve broad power and high income. The indicator “equal pay for similar work”, on a scale from 1 to 7, where 7 means full equality in pay for men and women, in Kazakhstan is 5. According to experts, this is about a 30 % pay gap [ibid.]. According to the results of the world values survey, 75,6 % of Kazakhstanis to some extent agree with the statement about the priority access of men to jobs, in case of their shortage [World Values Survey, 2020].

* Order of the Minister of Health and Social Development of the Republic of Kazakhstan, dated December 8, 2015, no. 944, “On approval of the list of jobs on which it is prohibited to use labor of workers under the age of eighteen, the maximum norms for carrying and moving heavy loads by workers under the age of eighteen, and the list of jobs, which restricts the use of women’s labor, maximum norms for lifting and manually moving heavy loads by women”.

Table 7

**In the event of a shortage of jobs, men should have more rights
to jobs than women**

Responses	Number of responses	%
I totally agree	324	25,4
I agree	296	23,2
Agree rather than disagree	344	27,0
I don't agree	235	18,4
I totally disagree	59	4,6
I don't know	15	1,2
No answer	3	0,2
Total number of respondents (N)	1276	100

44,2 % of respondents agree to some extent with the statement that men are better at running businesses than women [ibid.]. These biases hinder women's participation in business and the establishment of business relationships with business partners.

Table 8

Men are better at running businesses than women

Responses	Number of responses	%
I totally agree	173	13,6
I agree	391	30,6
I don't agree	546	42,8
I totally disagree	130	10,2
I don't know	8	0,6
No answer	28	2,2
Total number of respondents (N)	1276	100

Many women combine work or business with housekeeping, experiencing a double burden. The average number of hours spent by women on unpaid domestic work (unpaid household services for the household and its members and for the care of household members) is 4 hours 14 minutes, which is 3 times more time than men (1 hour 28 minutes).

The proportion of women relative to men who own a tangible asset (land, property, enterprises) is given as target indicators in the Concept of family and gender policy in the Republic of Kazakhstan until 2030. But such data in full is not yet available in the public domain. At the same time, you can get acquainted with the data on the share of the adult population that owns land and vehicles. The proportion of men who own land is significantly higher (13,9 %) compared to women (4,93 %). A similar situation is observed with respect to vehicles. In 2018—2019 there were 1 377 352 of the vehicle. Women owners of vehicles make up 24,5 % of them was 337 668 vehicles. 75,5 % of vehicle owners — men who own 1 039 532 of the vehicle. According to the constitutional court of the Republic of Kazakhstan, as of January 1, 2019, women headed 239 969 operating enterprises (legal entities), which make up 29,2 %.

Table 9

Economic participation of Kazakhstanis, gender distribution

Indicator	Women		Men	
	N	%	N	%
Average number of hours spent on unpaid domestic work	4 hours 14 minutes		1 hour 28 minutes	
Operating legal entities (hereinafter referred to as legal entities) as of January 1, 2019, headed by women and men	69 953	29,2	170 016	70,8
Small enterprises (operating legal entities) headed by women and men	69 380	29,4	166 893	70,6
Medium-sized enterprises (operating legal entities) headed by women and men	412	16,6	2069	83,4
Large enterprises (operating legal entities) headed by women and men	161	13,3	1054	86,7
Active SMEs as of January 1, 2019	536 270	43,2	705 058	56,8
Active legal entities (SMEs) headed by women and men	65 120	27,8	168 825	72,2
Active individual entrepreneurs (SMEs) headed by women and men	425 849	52,6	383 266	47,4
Active peasant (farmer) farms (SMEs) headed by women and men	45 301	22,8	152 967	77,2
Self-employed, among the employed	288 264	6,8	270 637	6,0
Self-employed rural residents, among the employed	252 619	14,7	233 537	11,9
Helping (unpaid) employees of family businesses, including self-employed	2675	0,9	6160	2,3
Share of informal employment in the total non-agricultural sector		8,7		9,2
Income from sales of products and services, large and medium-sized enterprises for 2018 (thousand tenge for 3715 enterprises)	2 266 580 785	6,7	31 510 428 466	93,3
Income from sales of products and services, small enterprises for 2018 (thousand tenge for 48 370 enterprises)	1 407 019 412	12,7	9 709 982 785	87,3

Table 10

Current legal entities headed by female executives

	Total	Of these the leaders are women	
		N	%
Small	236 273	69 380	29,4
Medium	2 481	412	16,6
Large	1 215	161	13,3
TOTAL	239 969	69 953	29,2

Mainly female managers are represented in small businesses — 29,4 %. In medium and large businesses, there are significantly fewer women — 16,6 %

and 13,3 %, respectively [Komitet po statistike MNĖ RK... , 2019]. Often, the areas in which women are mostly concentrated are low-income. Women often go to them because they are more accessible, rather than more attractive and prestigious. As a rule, this is the field of personal services, food, beauty industry, clothing, design. At the same time, many support programs are focused on priority sectors: manufacturing, manufacturing, information technology (there are relatively few women in these areas). Thus, there is a cultural conditionality in the gender distribution of fields of activity and business areas. At the same time, niches occupied by women in most cases bring less profit and contribute less to upward social mobility than traditionally male spheres.

Conclusion

Analysis of the data showed that women's access to the rights to political, economic participation, access to finance, health and safety is difficult. The least gender-based difficulties in Kazakhstan arise in obtaining the right to education. The violation of women's rights in the country is largely determined by the mentality and traditional gender attitudes, according to which the main purpose of a woman is to motherhood and maintain the home. Based on these attitudes, women are offered less favorable working conditions, often assigned a lower salary for similar work, in comparison with men. A priori, it is assumed that the man is the main breadwinner of the family, so he has the right to a more favorable distribution of resources. Men are less likely to be fired and are more likely to be employed, especially in managerial positions.

Gender-based violence is another pressing issue in the area of women's rights. The normalization of violence against women, the justification of the fact of its Commission by the behavior of the victim encourages the Commission of new crimes against the individual, leaving the perpetrator unpunished.

Despite a number of progressive steps taken at the state level to facilitate women's access to political activities, education, support for women's entrepreneurship, and protection from violence, these problems still need to be addressed. Most violations are observed in the field of women's physical security, access to political and career social elevators.

References

- Global Gender Gap Report 2020* (2020), Geneva.
- Institut obshchestvennoĭ politiki partii "Nur Otan". Politicheskie issledovaniia* (2020) [Institute for Public Policy of the Nur Otan Party. Political researches], available from <https://nurotan.kz/institute> (accessed 20.10.2020).
- Komitet po pravovoĭ statistike i spetsial'nyĭ uchĕtam GP RK: Analiticheskaia informatsiia za 2019 god* (2019) [Committee on Legal Statistics and Special Accounting of the Republic of Kazakhstan], available from <https://www.gov.kz/memleket> (accessed 20.10.2020).
- Komitet po pravovoĭ statistike i spetsial'nyĭ uchĕtam GP RK: Analiticheskaia informatsiia za 2020 god* (2020) [Committee on Legal Statistics and Special Accounting of the Republic of Kazakhstan], available from <https://www.gov.kz/memleket> (accessed 20.10.2020).

Komitet po statistike MNĖ RK. Osnovnye pokazateli kolichestva iuridicheskikh lits, sub"ektov individual'nogo predprinimatel'stva, filialov i filialov inostrannykh iuridicheskikh lits v Respublike Kazakhstan po sostoianiiu na 1 ianvaria 2019 goda (2019) [Committee on statistics MNE RK. Main indicators of the number of legal entities, individual entrepreneurship, branches and branches of foreign legal entities in the Republic of Kazakhstan as of January 1, 2019], available from <https://stat.gov.kz> (accessed 20.10.2020).

Nikolayeva, O. V. (2014) The influence of “governmentality” on the gender attitudes of Kazakhstan youth, in: *Materials of IX International Scientific Conference of European Science and Technology (Germany, Munich, 2014)*, Munich, p. 211.

World Values Survey 2020, wave 7 database: Online analysis (2020), available from <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (accessed 20.10.2020).

The article was submitted 08.12.2021; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 15.02.2022.

Статья поступила в редакцию 08.12.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 15.02.2022.

Information about the authors / Информация об авторах

Zulkapil Dinar — PhD student, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan, posygan1988@yandex.kz (PhD студент, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан).

Nurkatova Lyazzat — PhD, Associate Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan (PhD, доцент, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан).

Giritli Sharifa — PhD, Senior Lecturer, Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Turkistan, Republic of Kazakhstan (PhD, старший преподаватель, Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмеда Яссави, г. Туркестан, Казахстан).

Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 43—56.

Woman in Russian Society. 2022. No. 2. P. 43—56.

Научная статья

УДК 811.161.1'42

DOI: 10.21064/WinRS.2022.2.4

СЕТЕВЫЕ РЕСУРСЫ МОЛОДЫХ ДЕПУТАТОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЛЕГИСЛАТУР РФ: АНАЛИЗ ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА (Женский сегмент)

*Наталья Николаевна Козлова¹, Ольга Геннадиевна Овчарова^{2,3},
Сергей Валентинович Рассадин¹, Елена Николаевна Васильева¹*

¹ Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия, tver-gar@mail.ru

² Российская государственная специализированная академия искусств, г. Москва, Россия

³ Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

Статья посвящена анализу публичного дискурса, протекающего в сетевых ресурсах женщин-депутатов в возрасте до 30 лет, избранных в законодательные (представительные) органы субъектов РФ с 2016 по 2020 г., в контексте оценки их политического потенциала. Материалом исследования выступило содержание персональных страниц женщин-депутатов в социальных сетях «ВКонтакте», Facebook, Instagram и др. Анализ показал, что более половины молодых женщин-депутатов не используют социальные сети, а среди зарегистрированных в них можно выделить фактических и формальных участников сетей. Авторы пришли к выводу, что на страницах большинства женщин-парламентариев в социальных сетях преобладает информативный жанр, артикулируются социальные проблемы, доминирует дискурс заботы об избирателях. Анализ соотношения личного/публичного аспектов в дискурсе женщин-депутатов позволил обнаружить два режима их конфигурации: дифференцированный и интегральный. Авторы полагают, что публичный сетевой дискурс женщин-парламентариев является одновременно и институциональным, и неинституциональным. Политические программы молодых женщин-депутатов ориентированы на преемственность политического курса. Авторы отмечают наличие политического потенциала у тех молодых женщин-депутатов, которые активно используют сетевые ресурсы в своей публичной деятельности для решения актуальных социально-политических проблем и наращивания своего политического капитала.

Ключевые слова: молодые женщины-депутаты, региональные legislatures, публичный дискурс, сетевые ресурсы, публичное/приватное, политический потенциал

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31690.

Для цитирования: Козлова Н. Н., Овчарова О. Г., Рассадин С. В., Васильева Е. Н. Сетевые ресурсы молодых депутатов региональных legislatures РФ: анализ публичного дискурса: (женский сегмент) // *Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 43—56.*

Original article

**NETWORK RESOURCES OF YOUNG DEPUTIES OF REGIONAL
LEGISLATURES OF THE RUSSIAN FEDERATION:
ANALYSIS OF PUBLIC DISCOURSE (Women's segment)**

*Nataliya N. Kozlova*¹, *Olga G. Ovcharova*^{2,3},
*Sergey V. Rassadin*¹, *Elena N. Vasilyeva*¹

¹ Tver State University, Tver, Russian Federation, tver-rapn@mail.ru

² Russian State Academy of Arts for special needs students, Moscow, Russian Federation

³ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

The purpose of the article is to analyze the public discourse of the network resources of women deputies under the age of 30 who were elected to legislative (representative) bodies of the subjects of the Russian Federation from 2016 to 2020 in the context of assessing their political potential. The content of the personal pages of women deputies in the social networks like VKontakte, Facebook, Instagram etc. was the material of the study. The analysis showed that more than half of the young women deputies do not use social networks, and among the deputies registered on Facebook, Instagram, VKontakte, actual and formal network participants can be distinguished. The authors have come to the conclusion that the majority of women deputies make use of an informative genre in social networks, social problems are articulated, and the discourse of caring for voters dominates. The analysis of the correlation of personal/public aspects in the discourse of the women deputies revealed two modes of their configuration: differentiated and integral. The authors believe that the public online discourse of the deputies is both institutional and non-institutional. The political programs of young women deputies are focused on the continuity of the political course. The authors note the presence of political potential in those young women deputies who actively use network resources in their public activities to solve actual socio-political problems and increase their political capital.

Key words: young women deputies, regional legislatures, public discourse, network resources, public/private, political potential

Acknowledgments: the reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 21-011-31690.

For citation: Kozlova, N. N., Ovcharova, O. G., Rassadin, S. V., Vasilyeva, E. N. (2022) Setevye resursy molodykh deputatov regional'nykh legislatur Rossiiskoi Federatsii: analiz publichnogo diskursa: (Zhenskiĭ segment) [Network resources of young deputies of regional legislatures of the Russian Federation: analysis of public discourse: (Women's segment)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 43—56.

Введение

В современном мире расширение поля публичной политики происходит за счет роста количества социальных сетей в интернет-пространстве. Поскольку субъекты политического процесса приобретают виртуальное измерение и используют сетевые ресурсы, характеризующиеся «мультифункциональностью», «социабельностью» и имеющие значительный «потенциал формирования доверия

к информации» [Парфенова, 2016: 9], создание общественного мнения, принятие политических решений получают более транспарентный характер [Павлютенкова, 2015]. По мнению исследователей, сетевая коммуникация означает новую ступень в развитии политической коммуникации, а формирование публичного дискурса происходит в рамках сетевой публичной политики [Чекменев, 2020; Публичная политика... , 2018; Морозова, Мирошниченко, 2017].

В современном социогуманитарном знании проблемы дискурса, в том числе публичного, являются предметом междисциплинарного изучения. Политологи, лингвисты, философы, социологи рассматривают природу, сущность публичного дискурса, его соотношение с другими видами дискурса (политическим, интернет-дискурсом, институциональным и пр.), особенности его функционирования в различных социокультурных и политико-экономических системах и т. д. [Сиркия, 2018]. В трудах М. Фуко, Л. Дж. Филлипс, М. В. Йоргенсен и других исследователей выявляется связь дискурса с властными отношениями, политика трактуется как способ дискурсивного конструирования реальности, а политический процесс — как сфера борьбы между различными дискурсами [Фуко, 1996; Йоргенсен, Филлипс, 2008; Русакова, 2006].

Публичный дискурс российские исследователи рассматривают как в широком, так и в узком значениях, демаркационная линия между которыми проходит по факту (не)произнесения речи вслух, на публике. В рамках первой позиции Ю. В. Клюев изучает политический дискурс как одно из направлений публичного дискурса, наряду с приватным, корпоративным и др. [Клюев, 2008]. В узком смысле под публичным дискурсом понимается только «многомерное пространство коммуникации в публичной сфере», порожденное публичными институтами и акторами [Косоруков, 2018: 47—48]. При этом ряд исследователей рассматривают публичный и политический дискурсы как тождественные, имеющие институциональный характер [Курочкин, 2013], другие же ученые, наряду с публичным дискурсом, выделяют политический и институциональный как самостоятельные типы дискурса [Карасик, 2000]. Эксперты отмечают, что в сетевом пространстве сложно разграничить различные типы дискурса — институциональные/неинституциональные, публичные/приватные, поскольку «пространство публичных коммуникаций доступно для всех людей, имеющих возможности доступа в социальные сети» [Шарков, 2019: 32], где и формируется реакция общества на послания субъектов политики в виде отзывов в блогах и т. д. [Красильникова, 2012]. В контексте данного исследования мы понимаем публичный дискурс как совокупность вербальных и невербальных средств общения акторов политического процесса, формы и содержание которых конструируются в сетевом пространстве при взаимодействии с субъектами гражданского общества. Учитывая, что в нашем исследовании основным субъектом, продуцирующим сетевой контент, выступают представители государственной власти субъекта федерации, оправданно рассматривать публичный дискурс и как политический, и как институциональный с характерными для данных типов дискурса заданными определенными профессиональными рамками и языком, статусно-ролевой позицией акторов, интенцией на конструирование социальных смыслов и реальности в целом [Шейгал, 2000: 15]. В то же время публичный интернет-дискурс отличается открытостью, динамичностью и консоциальностью,

разворачивается как интерактивное взаимодействие в рамках виртуального диалога, в котором адресант и адресат одинаково активны, обсуждение и согласование мнений участников коммуникации по общественно значимым проблемам формируется и «сверху», и «снизу», а потому диалог может иметь неинституциональный характер.

Важно отметить, что публичный дискурс представителей государственной власти — сфера повышенной речевой ответственности, поскольку коммуникативные стратегии влияют не только на персональный имидж политика, но и на образ тех политических сил, которые он представляет. Этот фактор предполагает существенную селекцию спектра проблем, жанров, коммуникативных средств, используемых лидерами в сетевом публичном пространстве. В данном исследовании публичный дискурс, протекающий в сетевых ресурсах депутатов, рассматривается в контексте оценки их политического потенциала, частью которого выступает способность народных избранников создавать контент, направленный на артикуляцию и решение актуальных социально-политических проблем посредством репрезентации интересов избирателей, продвижения политических проектов, аккумуляции ресурсов гражданского общества. В то же время функциональность специализированных веб-ресурсов видится и в позитивном позиционировании политических акторов в онлайн-пространстве с целью сохранения и приумножения их политического капитала.

Цель статьи — анализ публичного дискурса, реализующегося в сетевых ресурсах женщин-депутатов в возрасте до 30 лет, избранных в законодательные (представительные) органы субъектов РФ с 2016 по 2020 г., в контексте оценки их политического потенциала. Актуальность обращения к данной категории политических субъектов обусловлена трендами современной государственной политики на включение молодежи в процесс управления и повышение статуса женщин в публичной сфере¹ [Хасбулатова, Смирнова, 2021: 37]. Для достижения цели исследования планируется решение ряда задач: выявление уровня активности молодых женщин-депутатов в сетевом публичном пространстве, анализ жанров и проблемного поля создаваемого ими контента, определение соотношения личного и публичного, институционального и неинституционального аспектов в дискурсе народных избранников. Материалом исследования выступило содержание персональных страниц молодых женщин-парламентариев в социальных сетях «ВКонтакте», Facebook, Instagram и других, сбор и обработка которого проводились в июне — сентябре 2021 г.

Исследование, результаты и их анализ

В процессе сбора информации было установлено, что в течение избирательных циклов 2016—2020 гг. в региональные legislatures РФ мандаты получила 31 женщина в возрасте до 30 лет (из них 17 представляют партию «Единая Россия», 7 — ЛДПР, по 3 — КПРФ и «Справедливую Россию», 1 — партию «Новые люди»). Выделив четыре категории пользователей: неактивных, т. е.

¹ Съезд партии «Единая Россия». Владимир Путин выступил на XX съезде Всероссийской политической партии «Единая Россия». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/65886> (дата обращения: 15.08.2021).

не имеющих аккаунта в сети; формально зарегистрированных, но не ведущих записей; малоактивных, предлагающих подписчикам незначительные по объему заметки; активных, выкладывающих посты два-три раза в неделю и чаще, мы получили в процессе исследования следующие результаты, характеризующие степень активности использования молодыми женщинами-депутатами социальных сетей (табл. 1).

Таблица 1

**Уровень активности использования социальных сетей
молодыми женщинами-депутатами, чел.**

Категория пользователей	«ВКонтакте»	Facebook	Instagram
Неактивные (аккаунты отсутствуют)	9	16	16
Формальные	9	1	1
Малоактивные	5	8	3
Активные	8	6	11

Как следует из таблицы, более половины молодых женщин-лидеров не используют социальные сети в своей депутатской работе, что существенно ограничивает их политический потенциал, лишая возможности активно взаимодействовать с избирателями в интернет-пространстве, в первую очередь с молодежным сегментом электората. Те молодые женщины-депутаты, которые являются активными пользователями социальных сетей, предпочитают Facebook и Instagram, что подтверждает выводы исследователей о доминировании среди молодежи визуальной культуры [Шерстобитов, 2013]. Таким образом, женщины-парламентарии в возрасте до 30 лет релевантны своему поколению: они презентуют свое виртуальное «Я» в основном через визуальные образы.

Для анализа дискурса, протекающего в сетевых ресурсах молодых женщин-депутатов, авторами статьи был выбран контент социальной сети «ВКонтакте», так как согласно статистике на начало 2021 г. данная сеть являлась второй после YouTube по популярности среди пользователей (ее аудитория составляла 74 млн человек — 54,7 % женщин и 45,3 % мужчин)². В ходе исследования были отобраны персональные страницы в социальной сети «ВКонтакте» 13 активных и малоактивных женщин-депутатов (11 человек — члены партии «Единая Россия», по 1 — от партий «Новые люди» и «Справедливая Россия»). Как показывает анализ страниц в сети «ВКонтакте», «информационный метаболизм» [Шарков, 2019: 32] женщин-парламентариев в 2021 г. детерминировался их участием в избирательной кампании: наиболее деятельные в сети молодые женщины-депутаты стремились к переизбранию в региональные legislatures либо состояли в предвыборных штабах партий, участвующих в гонке за мандаты депутатов Государственной думы Федерального собрания РФ. Общее количество подписчиков женщин-депутатов варьировалось от 89 до 1884, а в совокупности составляло 10 072 человека.

² Интернет и соцсети в России в 2021 году — вся статистика. URL: <https://www.webcanape.ru/business/internet-i-socseti-v-rossii-v-2021-godu-vsya-statistika/> (дата обращения: 21.08.2021).

В соответствии с задачами исследования были проанализированы 50 последних постов, в которых женщины-парламентарии помещают информацию, дают интерпретацию и оценку событий, явлений, процессов. От 20 до 80 % сообщений представляют собой различного рода перепосты, что свидетельствует о существенных различиях в способностях (возможностях) молодых женщин-депутатов к самостоятельному генерированию контента, а также о количестве связей и интенсивности их общения в различных сетевых сообществах. В частности, к заимствованным материалам относятся пресс-релизы с заседаний законодательных собраний субъектов РФ, новости с сайтов партий, общественных организаций и пр. Собственные оригинальные посты женщин-депутатов содержат информацию о встречах с избирателями, результатах выполнения наказов, участии в различного рода мероприятиях, контент личного характера и пр.

Опираясь на классификацию Т. В. Шмелевой, которая разделяет по целевой установке такие жанры публичного политического дискурса, как оценочный (политическая реклама), этикетный (поздравления с государственными праздниками), информативный (заседания парламента), императивный (призыв к действию) [Шмелева, 1997], а также выделив категорию «частный жанр», проведем анализ контента страниц в социальной сети «ВКонтакте» молодых женщин-депутатов (табл. 2).

Таблица 2

**Жанры сетевого публичного дискурса молодых женщин-депутатов
региональных парламентов РФ, %**

Номер респондентки	Жанр сетевого публичного дискурса				
	оценочный	этикетный	информативный	императивный	частный
1	14	10	40	6	30
2	6	16	70	2	6
3	4	16	68	4	8
4	0	18	54	4	24
5	–	14	40	–	46
6	2	4	70	–	24
7	8	10	68	4	10
8	–	6	46	–	48
9	16	10	70	–	4
10	20	–	58	20	2
11	–	6	82	–	12
12	–	14	16	–	70
13	20	20	52	–	8

Из данных таблицы следует, что в контенте 77 % женщин-парламентариев преобладает информативный жанр, который дифференцируется по двум направлениям депутатской деятельности — работе с избирателями и законотворчеству. Кроме того, в контенте избранных в региональные парламенты женщин — лидеров молодежных организаций значительную долю занимает информация о молодежных форумах, текущих и перспективных проектах молодежных организаций. Проектная деятельность в информационном блоке страниц женщин-депутатов составляет от 2 до 66 %. Важно отметить, что работающие на непостоянной основе

в региональных legislatures молодые женщины-парламентарии уделяют внимание своей основной работе — педагогическим, спортивным мероприятиям, деятельности библиотек и т. д. Данный контент можно обозначить как публичный, но политически нейтральный.

Оценочный и императивный жанры дополняют основной информационный жанр. Молодые женщины-депутаты пропагандируют партийную программу, призывают к действию — прийти на избирательные участки, принять участие в различных партийных мероприятиях, в выборах 19 сентября 2021 г. Императивный жанр наиболее характерен для сообщений тех женщин-депутатов, которые представляют малые/оппозиционные партии и/или избираются второй раз в региональные legislatures. «Скажи мне да! — призывает в сети «ВКонтакте» депутат Л. Самединова накануне выборов в Московскую областную думу. — На избирательном участке 17, 18, 19 сентября поддержите меня, добрые дела, реализованные проекты, которые мы с вами совершили вместе»³.

Этикетный жанр, связанный с поздравлениями с государственными праздниками, несет большую общественно-политическую смысловую нагрузку, так как в обращении женщин-парламентариев к своим адресатам артикулируется значение государственных праздников, выстраиваются образы прошлого и будущего России. «День России можно смело обозначить народным днем! Ведь именно граждане, настоящие патриоты страны, выкладывают кирпичики к светлomu будущему великой державы. Слава государству! За всю долгую историю Россия была великой и могучей, не прогибалась под натиском врагов...» — пишет на своей странице в сети «ВКонтакте» депутат Орловского областного Совета Ю. Мальфанова⁴.

Наконец, в рамках частного жанра женщины-депутаты сообщают о событиях своей личной жизни — днях рождения, вступлении в брак, рождении детей и пр. Как видно из таблицы, доли сообщений о приватной жизни в контенте женщин-парламентариев различаются, но нет ни одной молодой женщины, которая не написала бы сообщение в данном жанре. В контенте 23 % женщин-депутатов частный жанр охватывает половину и более половины сообщений, что свидетельствует о доминировании повседневных проблем и периферийном положении депутатской работы в их сознании. Как правило, информация о личной жизни написана в экспрессивной, эмоциональной манере, сопровождается множеством фотографий, что, по мнению исследователей, отличает именно женскую аудиторию, а также придает страницам женщин-депутатов сходство с контентом рядовых пользователей Интернета. Сообщения частного характера чаще получают отзывы, в том числе и позитивные, подписчиков женщин-депутатов, чем информация публичного характера, что позволяет поддерживать интерес избирателей, а потому данные сообщения могут рассматриваться как относительно эффективная политическая стратегия.

В процессе анализа жанровых особенностей сетевого дискурса женщин-депутатов явно прослеживаются два режима конфигурации частного и публичного:

---

³ Линара Самединова. 2021. 16 сентября. URL: <https://vk.com/lamedinova> (дата обращения: 19.09.2021).

⁴ Юлия Мальфанова. 2021. 12 июня. URL: <https://vk.com/id174411929> (дата обращения: 14.08.2021).

дифференцированный и интегральный. В первом случае сюжеты приватной и официальной депутатской жизни излагаются как две самостоятельные, изолированные сферы. Во втором случае частная и политическая проблематика тесно переплетены: личное трактуется как политическое и наоборот. Данная специфическая черта присуща контенту 23 % молодых женщин-парламентариев. Интегральный режим, на наш взгляд, является действенной политической технологией для работы с электоратом, позволяющей осмыслить и отрефлексировать личный опыт в рамках широкого политического горизонта.

В целом все жанры, характерные для сетевого публичного дискурса женщин-депутатов, можно квалифицировать как дискурс реагирования, поскольку нарратив контента выстраивается как реакция на какие-либо события общественно-политической и личной жизни. Оценивая информативный объем сообщений молодых женщин-депутатов, отметим, что преобладают малые и средние жанры (лозунги, фрагменты из выступления на заседании регионального парламента). Это демонстрирует ограниченность конструирования масштабных политических проектов (по крайней мере, в рамках сетевого пространства).

Далее рассмотрим актуальные общественные проблемы, которые молодые женщины-депутаты артикулируют на страницах в сети «ВКонтакте» (табл. 3).

Таблица 3

**Проблемное поле сетевого публичного дискурса
молодых женщин-депутатов региональных парламентов РФ, %**

Номер респондентки	Тематический кластер							
	Благоустройство и ЖКХ	Экология	Спорт	Социальная политика	Культура	Молодежная политика	Экономика	Политика
1	19,6	4,9	2,4	22,0	2,4	14,6	2,4	31,7
2	19,6	2,1	–	6,5	8,8	19,6	21,7	21,7
3	5,4	–	5,4	43,3	27	13,5	5,4	–
4	16,2	–	10,8	16,2	13,6	18,9	–	24,3
5	18,5	–	–	51,9	7,4	–	22,2	–
6	–	10,6	–	57,4	–	6,4	21,3	4,3
7	8,2	–	30,4	10,1	21,0	12,0	2,1	16,2
8	10,8	–	5,4	10,8	56,8	8,1	8,1	–
9	9,4	–	9,4	21,9	6,3	15,6	18,7	18,7
10	6,1	4,1	–	6,1	6,1	–	4,1	73,5
11	–	–	2,2	65,2	15,2	8,7	8,7	–
12	–	–	–	45,0	45,0	–	–	10,0
13	13,6	–	–	50,0	22,8	–	–	13,6

Как следует из таблицы, в проблемном поле аккаунтов молодых женщин-депутатов наблюдается значительный разброс: одни уделяют основное внимание проблемам политики, другие — культуре, третьи — спорту и т. д. Очевидно, данное обстоятельство зависит от профессиональной принадлежности женщин-депутатов. При этом практически у половины женщин-парламентариев более 40 % контента занимает социальная проблематика (здравоохранение, образование,

демография и пр.). Дискурс заботы превалирует на страницах сетей молодых женщин-депутатов над другими типами дискурса. «Продолжаем причинять добро и дальше», — сообщает депутат Воронежской областной думы К. Кулешова, информируя подписчиков о своей активной работе в рамках волонтерского движения, а также о результатах выполнения наказов избирателей⁵. Центральными темами постов женщин-депутатов являются конкретные локальные проблемы — вопросы общественного транспорта, доступности жилья, сортировки отходов и пр. Молодые женщины-парламентарии также отмечают, что многие из проблем требуют решения на федеральном уровне (низкая заработная плата работников бюджетной сферы, поддержка молодых специалистов и трудоустройство выпускников вузов, развитие культурной инфраструктуры в сельских территориях).

Отметим, что 30 % женщин-депутатов не рассматривают политические вопросы на своих страницах в сети, сосредоточиваясь только на профессиональной и личной сферах. К женщинам-депутатам, активно освещающим политический процесс, относятся преимущественно те женщины, которые работают на постоянной основе в региональном парламенте, а также представляют малые/оппозиционные партии. Несмотря на то что политическому дискурсу присущ агональный характер, женщины-депутаты практически не используют ярлыки, оскорбления и уничижительные характеристики, что указывает на значительную силу институционального дискурса и их высокую политическую культуру.

Политические темы молодые женщины-депутаты рассматривают в ракурсе будущего России. При этом проект будущего страны обозначен пунктирно, поскольку крупные жанры не характерны для контента молодых женщин-депутатов. Образ будущей России метафоричен, для его описания женщины-парламентарии используют стандартные риторические характеристики — «великая», «сильная» и т. д., что соответствует представлениям российской молодежи в целом [Образ будущего России, 2021: 103—106]. В контенте женщин-депутатов от «Единой России» артикулируются идеи сплоченности народа, консервации традиций, бережного отношения к историческому прошлому страны, актуализируется связь поколений. «Все мы являемся гражданами России и Крыма, и каждый из нас должен гордиться своей Родиной и почитать ее. Только благодаря сплоченному народу наше государство остается сильным и непобедимым!» — пишет в сети «ВКонтакте» депутат парламента Республики Крым Н. Яцышина⁶. По мнению женщин-депутатов от данной партии, для строительства достойного будущего России необходимо принимать активное участие в реализации текущих национальных государственных проектов, а также Народной программы, предложенной «Единой Россией» на выборах 2021 г. В контенте женщин-парламентариев от других партий содержится критика отдельных политических лидеров. В частности, избирательная кампания партии «Новые люди» в Государственную думу Федерального собрания РФ в сентябре 2021 г. в Новосибирске проходила под лозунгом отставки главы города. Депутат Новосибирского парламента, член партии «Новые люди» Д. Карасева делится размышлениями

---

⁵ Кристина Кулешова. 2021. 7 июля. URL: https://vk.com/ke_kuleshova (дата обращения: 20.08.2021).

⁶ Наталья Яцышина. 2021. 17 марта. URL: https://vk.com/yatsyshina_na (дата обращения: 05.09.2021).

в сети «ВКонтакте»: «Многие считают, что политика — это грязное дело. На самом деле это благородное дело. А грязной политика становится только тогда, когда туда приходят “грязные люди”». Таким образом, программное поле, в котором выстраивается будущее России, для оппозиционных депутатов ограничивается обновлением политической элиты. В целом к характерным чертам дискурса молодых женщин-депутатов о будущем России независимо от партийной принадлежности следует отнести акцент на ближайшее будущее страны, повышение в перспективе уровня жизни граждан, преемственность современного политического курса. Можно согласиться с мнением И. С. Палитая, анализирующего деятельность молодых лидеров федерального уровня: недостаток «теоретиков» среди молодых законодателей объясняется тем, «что властям хватает экспертов и идеологов среди старшего поколения депутатов, а от новых кадров в органах федеральной власти им необходим именно молодежный драйв, энергичность, неутомимость и — что не менее важно — управляемость» [Палитай, Викулина, 2020: 79].

Выводы

Анализ сетевых ресурсов молодых женщин-депутатов региональных парламентов выявил тот факт, что более половины из них не используют социальные сети. Это существенно ограничивает их политический потенциал, лишая возможности интерактивно взаимодействовать с избирателями, в первую очередь с их молодежным сегментом. Среди зарегистрированных в Facebook, Instagram, «ВКонтакте» женщин-депутатов можно выделить фактических и формальных участников сетей. Наибольшей популярностью у молодых женщин-парламентариев пользуются сети с преобладанием визуального, а не нарративного контента. Проведенное исследование персональных страниц активных и малоактивных молодых женщин-депутатов в сети «ВКонтакте» показывает, что их способности (возможности) к самостоятельному генерированию контента существенно различаются: у одних женщин-парламентариев доминирует стремление к созданию оригинальных постов, у других акцент сделан на ретрансляцию информации через перепосты.

В процессе анализа жанров публичного политического дискурса молодых женщин-депутатов мы выявили, что в контенте большинства из них преобладает информативный жанр, тогда как оценочный, императивный, этикетный жанры являются дополнительными. Сетевой публичный дискурс молодых женщин-парламентариев выстраивается как реакция на различного рода информационные поводы (т. е. относится к дискурсу реагирования), что объясняет преобладание в их контенте малых и средних жанров. Рассмотрение соотношения личного/публичного аспектов в дискурсе позволило обнаружить два режима их конфигурации: дифференцированный и интегральный. В отличие от дифференцированного режима, в котором статусы публичного и частного лица не связаны между собой, в интегральном режиме сюжеты приватной и официальной депутатской жизни тесно переплетены: личное трактуется как политическое и наоборот. Можно сделать вывод, что публичный сетевой дискурс женщин-депутатов является одновременно и институциональным, и неинституциональным, а в интегральном режиме демаркационная граница между частной и публичной сферами расплывчата.

Анализируя проблемное поле публичного дискурса молодых женщин-депутатов, важно отметить значительный разброс в тематике артикулируемых ими вопросов при общей концентрации на социальном блоке. Дискурс заботы, сосредоточенность на решении конкретных локальных проблем доминируют в контенте молодых женщин-парламентариев. Внимание к политическим проблемам проявляют 2/3 молодых женщин-депутатов, которые активно участвуют в общественно-политическом процессе, работая на профессиональной основе в региональных парламентах и/или представляя малые/оппозиционные партии. Несмотря на агональность политического дискурса, эмоциональный характер контента, женщины-депутаты практически не применяют уничижительную и агрессивную риторику, что подтверждает высокую степень институциональности публичного дискурса молодых женщин-парламентариев, а также зрелость их политического сознания.

Исследование политической проблематики в сетевом публичном дискурсе молодых женщин-депутатов показало, что в нем реконструируется образ будущей «великой», «сильной» России. Конкретное содержание данного образа коррелирует с программами партий, членами которых являются женщины-депутаты: молодые лидеры от «Единой России» провозглашают идеи консолидации общества, сохранения политического курса, преемственности поколений, женщины-депутаты от малых/оппозиционных партий заявляют о необходимости обновления кадрового состава правящей элиты. Подводя итог исследованию в целом, следует констатировать наличие политического потенциала у тех молодых женщин-парламентариев, которые активно используют сетевые ресурсы в своей публичной деятельности для решения актуальных социально-политических проблем и наращивания своего политического капитала.

Список источников

- Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж.* Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков: Гуманит. центр, 2008. 352 с.
- Карасик В. И.* О типах дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс* / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5—20.
- Клюев Ю. В.* Уровни, модели, элементы публичного дискурса: коммуникативный подход // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9, Филология. Востоковедение. Журналистика.* 2008. Вып. 4, ч. 2. С. 331—338.
- Косоруков А. А.* Публичный дискурс как фактор государственной политики России: (на примере евразийской интеграции) // *Мировая политика.* 2018. № 3. С. 47—58.
- Красильникова Н. А.* Общество и неинституциональный политический дискурс в сети Интернет // *Политическая лингвистика.* 2012. № 4. С. 130—138.
- Курочкин А. В.* «Коммуникативная эффективность»: концептуализация понятия и перспективы использования в теории и практике государственного управления // *Человек. Сообщество. Управление.* 2013. № 4. С. 83—92.
- Морозова Е. В., Мирошниченко И. В.* Сетевая публичная политика: контуры предметного поля // *Политические исследования.* 2017. № 2. С. 82—102.
- Образ будущего России глазами молодежи* / под ред. В. С. Комаровского. М.: Аспект Пресс, 2021. 224 с.

- Павлютенкова М. Ю. Роль и место социальных сетей в публичной политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2015. № 3. С. 71—81.
- Палитай И. С., Викулина С. В. Личностный и профессиональный потенциал молодых депутатов Государственной думы: политико-психологический анализ // Вестник Московского университета. Сер. 12, Политические науки. 2020. № 6. С. 69—82.
- Парфенова Ю. В. Сетевые формы политического участия в современной России и постсоветском пространстве: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2016. 171 с.
- Попова Т. П. Характеристики институционального дискурса // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 6, ч. 2. С. 295—300.
- Публичная политика: институты, цифровизация, развитие / под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2018. 349 с.
- Русакова О. Ф. Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций // Политическая экспертиза. 2006. Т. 2, № 3. С. 191—212.
- Сиркия Н. П. Политический дискурс vs политический интернет-дискурс: сходства и различия: (когнитивный аспект) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10, № 2, ч. 2. С. 164—170.
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Национальные планы действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе как ресурс реализации российской гендерной политики (1990—2020-е годы) // Гендерная политика в России и в мире: экономика, управление, общество: материалы Всероссийской научной конференции, Иваново, 25 июня 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 28—40.
- Чекменев Д. С. Конструирование общественно-политического дискурса в современной российской публичной политике: дис. ... д-ра полит. наук. Пятигорск, 2020. 400 с.
- Шарков Ф. И. Социальные сети как основа формирования пространства публичных коммуникаций // Коммуникология. 2019. Т. 7, № 4. С. 32—40.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
- Шерстобитов А. С. «Сетевая публичность» как новый фактор политической мобилизации в современной России: попытка сетевого анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6, Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2013. № 3. С. 99—105.
- Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. № 1. С. 88—99.

References

- Chekmenev, D. S. (2020) *Konstruirovaniie obshchestvenno-politicheskogo diskursa v sovremennoĭ rossiĭskoĭ publichnoĭ politike*: Dis. ... d-ra polit. nauk [Construction of socio-political discourse in modern Russian public policy: Diss. (Dr. Sc.)], Pyatigorsk.
- Fuko, M. (1996) *Volia k istine: Po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti: Raboty raznykh let* [Will to truth: On the other side of knowledge, power and sexuality: Works of different years], Moscow: Kastal'.
- Ïorgensen, M. V., Phillips, L. Dzh. (2008) *Diskurs-analiz: Teoriia i metod* [Discourse-analysis: Theory and method], Kharkiv: Gumanitarnyi tsentr.
- Karasik, V. I. (2000) О tipakh diskursa [About discourse types], in: Karasik, V. I., Slyshkin, G. G. (eds), *Iazykovaia lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs*, Volgograd: Peremena, pp. 5—20.

- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2021) Natsional'nye plany deĭstviĭ po uluchsheniuiu polozheniia zhenshchin i povysheniuiu ikh roli v obshchestve kak resurs realizatsii rossiĭskoiĭ gendernoĭ politiki (1990—2020-e gody) [National action plans to improve the status of women and increasing their role in society as a resource for the implementation of the Russian gender policy (1990—2020)], in: *Gendernaia politika v Rossii i v mire: ekonomika, upravlenie, obshchestvo*: Materialy Vserossiĭskoiĭ nauchnoiĭ konferentsii, Ivanovo: Ivanovskiiĭ gosudarstvennyiĭ universitet, pp. 28—40.
- Kliuev, Iu. V. (2008) Urovni, modeli, elementy publichnogo diskursa: kommunikativnyiĭ podkhod [Levels, models, elements of public discourse: communicative approach], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, seriia 9, Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika, vol. 4, no. 2, pp. 331—338.
- Komarovskiiĭ, V. S. (ed.) (2021) *Obraz budushchego Rossii glazami molodĕzhi* [The image of the future of Russia through the eyes of youth], Moscow: Aspekt Press.
- Kosorukov, A. A. (2018) Publichnyiĭ diskurs kak faktor gosudarstvennoiĭ politiki Rossii: (Na primere evraziĭskoiĭ integratsii) [Public discourse as a factor in the state policy of Russia: (On the example of Eurasian integration)], *Mirovaia politika*, no. 3, pp. 47—58.
- Krasil'nikova, N. A. (2012) Obshchestvo i neĭnstitutsional'nyiĭ politicheskiiĭ diskurs v seti Internet [Society and non-institutional political discourse in the Internet], *Politicheskaiia lingvistika*, no. 4, pp. 130—138.
- Kurochkin, A. V. (2013) “Kommunikativnaia ĕffektivnost'”: kontseptualizatsiia poniatiia i perspektivy ispol'zovaniia v teorii i praktike gosudarstvennogo upravleniia [Communicative efficiency: conceptualization of the notion and the prospects of application in the theory and practice of public administration], *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, no. 4, pp. 83—92.
- Morozova, E. V., Miroshnichenko, I. V. (2017) Setevaia publichnaia politika: kontury predmetnogo polia [Network public policy: contours of the subject field], *Politicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 82—102.
- Palitaiĭ, I. S., Vikulina, S. V. (2020) Lichnostnyiĭ i professional'nyiĭ potentsial molodykh deputatov Gosudarstvennoiĭ dумы: politiko-psikhologicheskiiĭ analiz [Personal and professional potential of young deputies of the State Duma: political and psychological analysis], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, seriia 12, Politicheskie nauki, no. 6, pp. 69—82.
- Parfenova, Iu. V. (2016) *Setevye formy politicheskogo uchastiia v sovremennoiĭ Rossii i postsovetskom prostranstve*: Dis. ... kand. polit. nauk [Network forms of political participation in modern Russia and Post-Soviet space: Diss. (Cand. Sc.)], St. Petersburg.
- Pavliutenkova, M. Iu. (2015) Rol' i mesto sotsial'nykh seteĭ v publichnoiĭ politike [The political activity in the network environment] *Vestnik Rossiĭskogo universiteta družby narodov*, seriia Politologiya, no. 3, pp. 71—81.
- Popova, T. P. (2015) Kharakteristiki ĭnstitutsional'nogo diskursa [Characteristics of institutional discourse], *Istoricheskaiia i sotsial'no-obrazovatel'naiia mysl'*, vol. 7, no. 2, pt. 2, pp. 295—300.
- Rusakova, O. F. (2006) Osnovnye raznovidnosti sovremennykh teorii politicheskogo diskursa: opyt klassifikatsii [The main varieties of modern political discourse theories: classification experience], *Politicheskaiia ĕkspertiza*, vol. 2, no. 3, pp. 191—212.
- Sharkov, F. I. (2019) Sotsial'nye seti kak osnova formirovaniia prostranstva publichnykh kommunikatsii [Social networks as the basis for the formation of public communication space], *Kommunikologiya*, vol. 7, no. 4, pp. 32—40.
- Sheĭgal, E. I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse], Volgograd: Peremena.
- Sherstobitov, A. S. (2013) “Setevaia publichnost'” kak novyiĭ faktor politicheskoiĭ mobilizatsii v sovremennoiĭ Rossii: popytka setevogo analiza [“Network publicity” as a new factor

- of political mobilization in modern Russia: an attempt of network analysis], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, serii 6, Filosofiia. Kul'turologiia. Politologiia. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniia, no. 3, pp. 99—105.
- Shmeleva, T. V. (1997) Model' rechevogo zhanra [A model of the speech genre], *Zhany rechii*, no. 1, pp. 88—99.
- Sirkiia, N. P. (2018) Politicheskiĭ diskurs vs politicheskiĭ internet-diskurs: skhodstva i razlichii: (Kognitivnyi aspekt) [Political discourse vs political Internet discourse: similarities and differences: (Cognitive aspect)], *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'*, vol. 10, no. 2, pt. 2, pp. 164—170.
- Smorgunov, L. V. (ed.) (2018) *Publichnaia politika: Instituty, tsifrovizatsiia, razvitie* [Public policy: Institutions, digitalization, development], Moscow: Aspekt Press.

Статья поступила в редакцию 31.03.2022; одобрена после рецензирования 14.04.2022; принята к публикации 20.04.2022.

The article was submitted 31.03.2022; approved after reviewing 14.04.2022; accepted for publication 20.04.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Козлова Наталия Николаевна — доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии, Тверской государственной университет, г. Тверь, Россия, tver-rapn@mail.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Associate Professor, Head of the Department of Political Science, Tver State University, Tver, Russian Federation).

Овчарова Ольга Геннадиевна — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Российская государственная специализированная академия искусств, г. Москва, Россия; профессор кафедры политической социологии, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, ovcharovao@yandex.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Associate Professor, Professor at the Department of Humanities, Russian State Academy of Arts for special needs students, Moscow, Russian Federation; Professor at the Department of Political Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation).

Рассадин Сергей Валентинович — кандидат философских наук, доцент кафедры политологии, Тверской государственной университет, г. Тверь, Россия, s_r08@mail.ru (Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Political Science, Tver State University, Tver, Russian Federation).

Васильева Елена Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры международных отношений, Тверской государственной университет, г. Тверь, Россия, vasilieva-elnik@yandex.ru (Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of International Relations, Tver State University, Tver, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 57—73.

Woman in Russian Society. 2022. No. 2. P. 57—73.

Научная статья

УДК 316.36

DOI: 10.21064/WinRS.2022.2.5

«НЕВИДИМЫЕ» МАТЕРИ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЖЕНЩИН, ОСТАВЛЯЮЩИХ НОВОРОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ

Ольга Николаевна Безрукова, Валентина Алексеевна Самойлова

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия, o.bezrukova@spbu.ru

Аннотация. В статье анализируются социальный портрет и типологические характеристики матерей, оставляющих новорожденных детей. Опрошено 2 тыс. респондентов в 8 федеральных округах РФ, проведено 27 экспертных интервью и 15 фокус-групп (N = 142). Выделены социальные группы матерей с повышенным риском отказа от детей, а также оставления их в бэби-боксах на основании мнения граждан, экспертов, родителей, специалистов государственных и общественных организаций. Сделан вывод о том, что преимущественной причиной отказа от детей или их оставления является дефицит внутренних и внешних ресурсов. Выявлены региональные различия социальных групп женщин-отказниц. В Санкт-Петербурге это женщины-мигрантки, в Уфе — женщины, родившие внебрачного ребенка и опасющиеся жесткого осуждения людей, находящихся под влиянием национально-религиозных норм. В Краснодаре, Перми и Владимире чаще отмечались женщины, испытывающие недостаток внешних ресурсов — материальной и социальной поддержки. При этом специалисты во Владимире чаще указывали на девиантные группы, в Перми — на внешне благополучные. Делается вывод о том, что в России отсутствует развитая инфраструктура помощи уязвимым семьям с новорожденными детьми, не создана система кризисных центров для беременных женщин, находящихся в сложных жизненных ситуациях, существуют значительные региональные и территориальные различия в оказании помощи матерям, сохраняется межведомственная разобщенность. Предлагаются направления комплексной поддержки беременных женщин из уязвимых групп.

Ключевые слова: материнство, беременные женщины, отказ от новорожденного ребенка, матери, отказавшиеся от детей, инфантицид, жестокое обращение с детьми, бэби-бокс

Благодарности: статья подготовлена при поддержке госконтракта № ГК 17/201 «Законодательное регулирование практики создания и использования мест, оборудованных для анонимного оставления новорожденных детей».

Для цитирования: Безрукова О. Н., Самойлова В. А. «Невидимые» матери: социальный портрет женщин, оставляющих новорожденных детей // *Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 57—73.*

Original article

“INVISIBLE” MOTHERS: SOCIAL PROFILE OF WOMEN ABANDONING THEIR NEWBORN BABIES

Olga N. Bezrukova, Valentina A. Samoylova

St. Petersburg State University, St. Petersburg,
Russian Federation, o.bezrukova@spbu.ru

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the social profile and typological features characteristic of the mothers that abandoned their newborn babies. We have interviewed 2000 respondents in 8 federal districts of the Russian Federation, conducted 27 expert interviews and 15 focus groups (N = 142) with managers, specialists, and parents. We have distinguished the social groups of mothers that have a higher risk of child abandoning as well as surrendering them to the baby boxes based on the evaluation of citizens, experts, parents and governmental agencies and NGOs. We have come to the conclusion that the predominant reason of child rejection or abandonment is a lack of internal and external resources. The research helped to identify the regional differences of the social groups of abandoning mothers. In Saint Petersburg they mostly belong to migrants, in Ufa those are the women who gave birth to an illegitimate child and may be afraid of harsh condemnation as a result of the influence of national and religious norms. In Krasnodar, Perm and Vladimir we more frequently noted women with a lack of external resources and support, both financial and social. At the same time, our researchers in Vladimir quite frequently pointed to deviant groups, and in Perm referred to the intact ones. We have reached a conclusion Russia lacks a developed infrastructure to support vulnerable families with newborn children. Russia lacks an established system of crisis centers for pregnant women in difficult life situations. There are significant regional and territorial differences in providing assistance to mothers, and in general there is a lack of integration between the government agencies. We offer solutions to comprehensively support pregnant women that belong to vulnerable groups.

Key words: motherhood, pregnant women, newborn infant abandonment, mothers who abandon their babies, infanticide, child abuse, baby box

Acknowledgments: the reported study was funded by state contract no. GC 17/201 “Legislative regulation of the practice of creating and using places equipped for the anonymous abandonment of newborn children”.

For citation: Bezrukova, O. N., Samoylova, V. A. (2022) “Невидимые” матери: социальный портрет женщин, оставляющих новорожденных детей [“Invisible” mothers: social profile of women abandoning their newborn babies], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 57—73.

Введение

Беременные женщины в нашей стране подвергаются воздействию множества культурных, психологических, социальных и экономических факторов. Кризис родительства выражается в искаженном формировании у молодых женщин материнской идентичности, обесценивании материнской роли, неготовности к ее исполнению (см., напр.: [Захарова, 2015; Безрукова, Самойлова, 2020]), дефиците ответственности отцов за рождение и воспитание детей, проявлениях агрессии в отношении новорожденных и матерей [Устинова, 2013; Живодрова и др., 2018]. Отсутствуют надежные гарантии соблюдения социально-трудовых прав беременных женщин, защиты от дискриминации и принуждения к увольнению по собственному желанию, создания для них приемлемых условий труда [Bezrukova, Samoilo, 2015]. Латентными остаются проблемы, связанные с неустойчивостью социального/семейного положения, бедностью, дефицитом питания, состоянием репродуктивного здоровья и качеством медико-социальной помощи (см., напр.: [Пучкина, 2009; Блох, Добряков, 2013]). Травмирующими факторами для юных беременных, способствующими их вовлечению в алкогольную и наркотическую зависимость, становятся присутствие при сценах насилия в детстве, жестокое отношение родителей, нестабильность социального статуса, сожительство с пьющим партнером, сексуальные дисфункции (см., напр.: [Аршинова и др., 2016]). В совокупности все это негативно влияет на психологическое состояние беременной, приводит к росту невротизации, депрессивности, к отказу женщины нести ответственность за свою жизнь, здоровье ребенка, семью.

Событие, которое свидетельствует о переживаемом остром кризисе материнства, — это отказ от родившегося ребенка. Проблема отказов не нова и не является исключительно российской, а существует в разных странах, в том числе материально благополучных (см., напр.: [Navne, Jakobsen, 2021]). Отечественные исследования, проводившиеся с начала 1990-х гг., выявили повышенную вероятность отказа от ребенка юных матерей в возрасте до 25 лет либо, напротив, тех, кто старше 40 лет, одиноких или с неустойчивым семейным положением (см., напр.: [Брутман и др., 1994]). Их отличает дефицит поддержки близких, разрыв семейных связей, отвержение отцом ребенка, неготовность к материнству, личностная незрелость, психическая неустойчивость, склонность к депрессиям (см., напр.: [Захарова, 2015; Самохина, 2016]). Другие исследования показали, что женщины с риском отказа чаще имеют невысокий уровень образования, случайную/неформальную занятость (иногда являются безработными), низкие доходы, плохие жилищные условия (см., напр.: [Беляева, 2012; Костенко, 2014]). По данным зарубежных исследований, матери брошенных детей — представительницы очень разных возрастных и социально-экономических групп (см., напр.: [Murphy-Tighe, Lalor, 2019]). Тем не менее ключевыми факторами риска отказа выступают отрицание и сокрытие беременности или пренебрежение ею, переживание утраты, смерти близких, болезненный разрыв с партнером, опыт сиротства, вовлечение в алкогольную и наркотическую зависимость, регулярные избиения партнером, сопровождающиеся выкидышами, психологическое и сексуальное насилие, групповое изнасилование (см., напр.: [Friedman et al., 2007; Bottorff, 2014]). Скрытая беременность, роды в домашних условиях часто являются предвестником потенциально трагических исходов — материнской заболеваемости/смертности, инфантицидов [Vellut et al., 2012; De Bortoli et al., 2013].

Очевидно, что действенная реакция социума на кризис материнства (его последствия) зависит от понимания лежащих в его основе причин. В России наиболее весомыми традиционно считались факторы социального неблагополучия женщины; и стигматизация беременных из уязвимых групп как «плохих» матерей — маргинальных, девиантных, асоциальных — до сих пор распространена в оценках общественного мнения; негативные стереотипы об их пренебрежении к контрацепции, здоровью, безответственном отношении к заботе о детях, о «колее» наследственности особенно характерны для медицинских работников и представителей правоохранительных органов (см., напр.: [Ковалевский, 2015; Манерова, Маркина, 2019]). Следствием подобной категоричной оценки становятся и достаточно радикальные инициативы по профилактике отказов, направленные на ограничение рождаемости у определенных категорий женщин путем снижения возраста стерилизации до 27 лет [Маркина, Подлубная, 2018], фактически их репродуктивной дискриминации.

Узость стереотипных оценок и подходов противоречит нарастающему разнообразию и усложняющейся динамике процессов современной жизни. Старые проблемы остаются и даже усугубляются (бедность, зависимости, отчужденность и др.), но появляются и новые, сопряженные с ростом миграции, мобильности в сфере образования, труда, с нормативными изменениями в семейной сфере, в частности в отношении рождения детей вне брака. Для того чтобы принимаемые меры были эффективными, необходим постоянный мониторинг ситуации с отказами, ее целостное и адекватное отражение, включающее представление о причинах оставления детей, характерных особенностях женщин, реально совершающих данный шаг или потенциально готовых к этому, социокультурном и профессиональном контекстах как факторах приемлемости тех или иных мер поддержки. Данная статья посвящена ответу на ключевой вопрос: каковы типологические характеристики женщин, оставляющих своих новорожденных детей в родильных домах, в общественных местах?

Методология исследования

В качестве теоретической базы исследования мы опираемся на понимание материнства как потребности в рождении, воспитании детей, основанной на отношении к ребенку как объекту любви и заботы, а также социокультурного феномена, проявляющегося в ценности материнства в данной культуре (см., напр.: [Haas, 1996]). При этом мы утверждаем обязательность заботы общества о матерях с соблюдением их репродуктивных прав как ключевого условия профилактики социального сиротства [Исупова, 2002], необходимость проведения эффективной гендерной политики по усилению социальных и политических позиций российских женщин, расширению их прав и свобод, обеспечению гендерного равенства, сопровождающейся ростом инвестиций в образование, здравоохранение, гендерное просвещение, снижением бедности, что будет способствовать перестройке женского сознания, преодолению гендерных стереотипов и психологии патернализма, формированию установки на успех [Кашина, 2019]. Мы основываемся на понимании ценностно-нормативных расколов в представлениях и практиках семейной жизни, моделях семьи и брака, отношении к репродуктивным правам женщин, абортам, расколов, которые приводят к политизации

гендерных конфликтов в российском и западном дискурсе (см., напр.: [Graff, 2016; Великая, Князькова, 2021; Клупт, 2021]), различному пониманию причин отказов от новорожденных детей и их профилактики, подходов к развитию структур социальной поддержки матерей, находящихся в кризисной ситуации, взаимоисключающим оценкам по поводу внедрения альтернативных механизмов — анонимных родов, «безопасных прибежищ», бэби-боксов¹ (см., напр.: [Browne et al., 2012; Устинова, 2013; Fenton-Glynn, 2014, Безрукова и др., 2021]).

Цель статьи заключается в сравнительном анализе представлений сторонников и противников использования бэби-боксов о социальном портрете и типологических характеристиках матерей, оставляющих новорожденных детей, в региональном контексте, а также в разработке рекомендаций по мерам поддержки матерей из уязвимых групп. Основные исследовательские задачи включали изучение социокультурных установок граждан, экспертов, родителей, специалистов государственных и общественных организаций в отношении репродуктивного и родительского поведения женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, социальных групп матерей с повышенным риском отказа от детей, а также оставления их в бэби-боксах.

Эмпирическая основа статьи — данные исследования, проведенного в 2017—2018 гг. Оно включало:

1) опрос жителей поселений разного типа 8 федеральных округов РФ². Объем выборочной совокупности 2 тыс. человек. Критерии выборки — пол, возраст, тип населенного пункта, федеральный округ. Доля мужчин составляет 46,7 %, женщин — 53,3 %. Предел погрешности выборки 2 %;

2) проведение 15 фокус-групп в 5 регионах РФ: Краснодарском и Пермском краях, где используется технология «бэби-боксы»; Владимирской области и Санкт-Петербурге, отказавшихся от ее применения; Башкирии, где преимущественно мусульманское население. Целевые группы состояли из специалистов государственных социальных учреждений (женские консультации, родильные дома, организации для детей сирот и оставшихся без попечения родителей, отделения центров социальной помощи семье и детям); специалистов некоммерческих организаций, работающих с беременными и семьями, оказавшимися в кризисной ситуации; сотрудников отделов по опеке и попечительству; представителей СМИ; родителей, имеющих новорожденных и детей раннего возраста, приемных детей (N = 142);

3) проведение 27 экспертных интервью в тех же регионах (представители органов власти, руководители учреждений в сфере родовспоможения, материнства и детства).

Продолжительность проведения фокус-групп — 2—2,5 часа, интервью — 1—1,5 часа. В качестве критерия для выявления различий между группами сторонников и противников использования бэби-боксов мы рассматривали выбор респондентами ответа на вопрос: «Как Вы считаете, нужны или не нужны бэби-боксы?»

¹ Подробнее о бэби-боксах и практиках анонимного оставления детей см.: [Безрукова и др., 2021].

² Исследование проведено на базе ресурсного Центра социологических и интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

Категории матерей с повышенным риском оставления детей в бэби-боксах в мнениях населения

Кто наиболее вероятно будет использовать возможность поместить ребенка в бэби-бокс? Согласно мнению большинства, такой группой прежде всего могут быть юные женщины, неготовые стать матерями (57,4 %) (табл. 1). Следующая по значимости группа потребителей бэби-боксов — женщины с алкогольной или наркотической зависимостью (55,0 %). По мнению 41,5 % респондентов, у женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию, появится вариант выхода из нее. Каждый третий (34,6 %) считает, что бэби-бокс — это возможность для женщин без определенного места жительства обеспечить своему ребенку выживание. Четверть респондентов (27,0 %) полагают, что таким образом будут пристраивать своих детей проститутки. По мнению 23,4 %, оставлять детей в бэби-боксах смогут женщины, не имеющие средств для заботы о ребенке. Каждый пятый полагает, что их пользователями будут жертвы сексуального насилия (20,3 %), а также женщины-мигрантки (19,3 %).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Кто, на Ваш взгляд, будет оставлять детей в бэби-боксах, если они появятся во всех регионах РФ», % от числа ответивших

Вариант ответов	В целом	Сторонники	Противники	М	Ж	Обвиняющие*	Сочувствующие**
Юные женщины, неготовые стать матерями	57,4	59,5	52,9	55,8	58,9	57,4	57,4
Женщины с алкогольной или наркотической зависимостью	55,0	55,6	55,5	53,8	56,2	59,9	50,2
Попавшие в трудную жизненную ситуацию	41,5	44,8	35,5	39,8	43,1	33,7	53,7
Без определенного места жительства	34,6	35,3	33,5	31,9	37,0	35,2	33,6
Проститутки	27,0	26,4	29,7	26,7	27,3	31,5	21,7
Неимеющие средств для заботы о ребенке	23,4	25,8	17,6	23,9	22,9	20,9	28,2
Пережившие сексуальное насилие	20,3	22,5	15,6	16,4	23,7	18,9	22,3
Мигрантки	19,3	20,8	17,4	17,9	20,6	18,0	22,3
Пережившие потерю близких (муж, родители и др.)	4,5	4,6	4,6	4,7	4,3	3,5	6,5
Женщины, которые делают карьеру	3,8	2,7	7,0	5,3	2,4	4,4	3,2
Родившие в позднем возрасте	3,8	3,6	4,4	4,3	3,3	3,8	3,7
Другое	3,4	3,4	3,3	4,1	2,8	3,2	3,7
Затрудняюсь ответить	3,9	2,7	5,9	5,6	2,4	3,3	3,5

* Убежденные в том, что не может быть никакого оправдания матерям, оставляющим своих детей.

** Считают, что матери, оставляющие своих детей, заслуживают сострадания и участия.

Структуры мнений по данному вопросу сторонников и противников применения технологии бэби-боксов имеют следующие различия. У сторонников сохраняется тот же порядок: на первом месте — юные женщины, неготовые к материнству (59,5 % по сравнению с 52,9 % у противников). У противников на первом месте — женщины с алкогольной или наркотической зависимостью (55,5 %). Больше сторонников, чем противников, называют и женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию (44,8 против 35,5 %), не имеющих средств для заботы о ребенке (25,8 против 17,6 %), переживших сексуальное насилие (22,5 против 15,6 %), мигранток (20,8 против 17,4 %). Противники сравнительно чаще отмечают проституток (29,7 против 26,4 % сторонников).

Женщины активнее отвечали на этот вопрос, называли больше вариантов, поэтому доля ответов женщин по всем пунктам выше, чем ответов мужчин. Различия в ответах респондентов разных возрастов следующие. Наибольшие доли тех, кто видит потенциальных потребителей бэби-боксов среди юных матерей, относятся к старшей возрастной группе (51—60 лет) — 62,2 % — и к младшей группе (21—24 года) — 60,2 %, меньше их среди 25—30-летних — 52,7 %. Самые молодые чаще считают, что бэби-боксами будут пользоваться женщины, зависимые от алкоголя и наркотиков, — 66,9 %, «старшие» называют эту категорию намного реже (46,7 %). Женщины, попавшие в трудную жизненную ситуацию, сравнительно чаще отмечают теми, кому от 36 до 40 лет, — 46,3 %, реже 18—24-летними — 36,5 %. Считают, что к бэби-боксам будут прибегать проститутки, респонденты от 18 до 30 лет (32—33 %), они же более активно называют женщин, переживших сексуальное насилие (23—25 %). Сравнительно чаще наиболее молодые отмечают и женщин, не имеющих средств для заботы о ребенке (27,4 %), в то же время колебания показателей относительно этой категории в остальных группах не позволяют сделать вывод об устойчивой тенденции.

Респонденты с высшим и незаконченным высшим образованием чаще считают, что бэби-боксы будут востребованы женщинами, попавшими в трудную жизненную ситуацию (47,5 и 45,5 % против 34,0 % имеющих начальное и неполное среднее образование). Напротив, последние, а также респонденты с начальным профессиональным образованием чаще отмечают, что это будут женщины с алкогольной и наркотической зависимостью (61—62 %, что почти на 10 пунктов больше, чем у наиболее образованных).

На мнение о том, кто будет оставлять детей в бэби-боксах, если они появятся во всех регионах РФ, влияет общая установка по отношению к матерям-отказницам — «осуждающая» или «сочувствующая». Все респонденты одинаково часто называют юных матерей (по 57,4 %), однако если у сочувствующих они на первом месте, то у обвиняющих на втором, а на первом — зависимые от алкоголя и наркотиков (59,9 против 50,2 %). Обвиняющие также существенно чаще отмечают проституток (31,5 против 21,7 %).

По большинству категорий женщин, чье трудное положение не является следствием их девиантного поведения, а в значительной степени обусловлено неблагоприятным стечением обстоятельств, показатели сочувствующих выше. Это категории женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию (53,7 против 33,7 % осуждающих), не имеющих средств для заботы о ребенке (28,2 против 20,9 %), переживших сексуальное насилие (22,3 против 18,8 %), мигрантки (22,3 против 18,0 %).

**Мнения экспертов, специалистов,
представителей гражданского общества, родителей**

В ходе интервью с экспертами и во время проведения фокус-групп прозвучали ответы на вопрос: «Какие социальные группы женщин входят в группу риска отказа от новорожденного, оставления детей в бэби-боксах?» Поскольку опыт использования бэби-боксов на территории Российской Федерации носит локальный характер, была предложена более широкая постановка вопроса о них в контексте практики отказов. Кроме того, сам принцип анонимности оставления детей в бэби-боксах затрудняет сбор достоверной информации о матерях там, где они установлены. Один из экспертов отмечает:

Достаточно сложно говорить о тех мамах, которые оставляют, приносят ребенка в «окно жизни», но те, кто отказываются в родильном доме, и те, кто приносят в «окно жизни», у них примерно одинаковые причины (Пермь, УПР)³.

В таблице 2 представлены данные, отражающие объединенные ответы экспертов, специалистов, представителей гражданского общества, родителей по каждому региону.

Анализ приведенных в таблице данных позволяет сделать вывод о значительном разнообразии социальных групп, к которым могут принадлежать женщины с риском оставления детей. Во всех городах были названы категории матерей, которые традиционно считаются социально неблагополучными: с алкогольной/наркотической зависимостью, выходцы из асоциальных семей, ведущие аморальный образ жизни.

Это также женщины, испытывающие потерю привычного опыта взаимодействия с социальной средой (приезжие) или не имеющие необходимого опыта (выпускницы детских домов), что крайне негативно сказывается на их жизни при появлении ребенка. В группы риска входят матери с нарушениями психического здоровья и когнитивными расстройствами, находящиеся в состоянии послеродовой депрессии, родившие ребенка с серьезной патологией (последние могут принять решение отказаться от ребенка, в том числе и по совету врачей), и малоимущие женщины, не имеющие средств на необходимое, которые объективно не могут содержать ребенка, а поэтому и не представляют, как им это делать.

Наряду с имеющими потенциал риска по определению, были названы те, кто к группам риска заведомо не относятся, — многодетные матери, одинокие матери, молодые девушки, студентки и др. Более того, нередко, называя категории женщин с риском оставления ребенка, эксперты и участники фокус-групп во всех городах использовали понятия благополучия и нормативности: *внешне благополучные, в браке, с детьми; девушки из благополучных семей; благополучные под давлением близких; может быть абсолютно «нормальная» женщина; несовершеннолетние из «нормальных» семей; достаточно благополучные; может быть любая женщина, которая осталась без поддержки;*

³ Здесь и далее ОО — общественная организация, ЗДР — здравоохранение, СЗ — соцзащита, ОБР — образование, ОВД — органы внутренних дел, УПР — аппарат уполномоченного по правам ребенка, Д — духовенство.

Необязательно представители маргинальных, асоциальных слоев. Такая женщина надломлена в духовном плане, у нее утрачен инстинкт материнства и защиты ребенка. А почему это происходит в нашем обществе — с этим нужно разбираться. Спасать новорожденного ребенка надо, несомненно, у женщины должен быть обязательно выход, она не должна оказаться в безвыходной ситуации (Санкт-Петербург, УПР).

Таблица 2

Категории женщин с риском оставления детей

Категория женщин	Санкт-Петербург	Пермь	Краснодар	Владимир	Уфа
Ведущие аморальный образ жизни, зависимые от алкоголя/наркотиков	+	+	+	+	+
Из неблагополучных, асоциальных семей	+	+	+	+	+
Бездомные	+			+	+
Мигрантки из стран ближнего зарубежья	+		+		
Приезжие из других российских регионов / из районов области	+	+			
Выпускницы детских домов, сироты	+		+	+	+
Несовершеннолетние из «нормальных» семей	+		+	+	+
Студентки	+		+	+	+
Молодые девушки с низким уровнем культуры	+	+	+		
Девушки из благополучных семей, боящиеся общественного осуждения, / из семей со строгими родителями	+			+	+
Малоимущие	+	+		+	+
Одиноким мамы	+	+	+		+
Многодетные женщины	+	+	+	+	+
Родившие ребенка с серьезной патологией	+	+		+	+
Находящиеся в состоянии послеродовой депрессии	+	+	+		
Страдающие психическими/интеллектуальными нарушениями	+	+		+	+
ВИЧ-инфицированные	+				+
Родившие внебрачного ребенка / от случайной связи / сельские жительницы во избежание позора			+	+	+
Жертвы сексуального насилия	+				
Находящиеся в неразрешимой жизненной ситуации («любые женщины, необязательно маргиналы, благополучные тоже»)	+	+	+	+	+
Оставшиеся без поддержки близких / под давлением близких	+	+		+	+

В мнениях экспертов и участников фокус-групп из разных городов было много общего, совпадали не только называемые категории, но и конкретные описания типичных для них жизненных ситуаций, причин и т. д. Вместе с тем можно выделить и региональные различия, проявляющиеся в более сильных акцентах на те или иные категории. Так, в Санкт-Петербурге это категория женщин, приехавших из других российских регионов и из стран ближнего зарубежья:

Много приезжих женщин, которые не могут решить свои жизненные ситуации: отсутствие жилья, работы, ребенок ее связывает по рукам и ногам. И она не может работать, снять жилье, содержать его (Санкт-Петербург, СЗ);

У нас большое количество женщин-мигранток отказываются. Они находятся в очень плохих социально-бытовых условиях. Они не знают, куда идти, что им делать, куда обратиться, у них нет никаких прав, так как нет регистрации в Санкт-Петербурге, бывает, что без документов. Почему не все попадают под миграционный контроль? Потому что их мужья вызывают сюда, они приезжают в гости, здесь остаются, они рожают в результате. Их никуда не ставят, денег у них нет. А бывает, что она вырвалась из своей республики, тут нагуляла; это позор на весь род, как она считает (Санкт-Петербург, УПР).

Здесь также часто называют иногородних студенток, для которых появление ребенка крайне несвоевременно:

Одна из них сказала, что ей ребенок не нужен, ей надо сессию сдавать (Санкт-Петербург, УПР);

Им хочется скрыть, может быть, нет родственников, или они боятся родственников, или это случайная какая-то связь была, изнасилование (Санкт-Петербург, НКО).

Не готовы к материнству выпускницы детских домов, хотя некоторые даже не успевают выпуститься и уже беременеют (Санкт-Петербург, ЗДР).

В Перми, городе, где бэби-боксы существуют несколько лет, сложилось мнение, что риск оставления детей именно в них выше у женщин с детьми, и особенно многодетных, как одиноких, так и состоящих в браке, в основном имеющих среднее специальное образование и в социальном плане достаточно благополучных:

Самая сложность в этой ситуации — это женщины, которые для общества являются благополучными женщинами. Основная причина — нежелание иметь еще одного ребенка, то есть они в этом случае не относятся к этому ребенку как к ребенку, они больше сосредоточены на безопасности тех детей, которые уже есть (Пермь, НКО).

В Краснодаре чаще, чем в других городах, называли одиноких матерей, уже имеющих одного-двух детей, которым некому помогать их воспитывать:

Это основное. Если говорить о возрасте, это 23—35 лет. При этом у них имеется куча всяких проблем (материальных, с жильем, профессия, работа, отношения). За последние несколько лет почти нет отказных детей у несовершеннолетних мам, как ни странно (Краснодар, СЗ).

Во Владимире девиантная основа отказа оценивается участниками как особенно сильная, поэтому высказываются и большие сомнения в нужности бэби-боксов:

Маргинальная сторона. Мы с вами здесь не повлияем на этот процесс (Владимир, УПР).

Многодетные женщины с низкими доходами — это также серьезная группа риска:

Если раньше практически не было отказов семей многодетных, то сейчас это процесс довольно частый. Очень часто сейчас отказываются от третьего, от четвертого там или от пятого (Владимир, УПР).

В Башкирии отмечается большое разнообразие категорий женщин, в том числе сильна позиция, согласно которой отказ — исключительно следствие девиантности:

Мне кажется, это только такое девиантное поведение (Уфа, СЗ).

Чаще, чем в других регионах, здесь подчеркивается страх общественного осуждения при нарушении семейных традиций и устоев ввиду особой значимости религиозных норм, следовательно, риск оставления детей как молодыми девушками, так и женщинами постарше, замужними, родившими внебрачного ребенка, возрастает.

Заключение

Подводя итоги изучения социального портрета матерей с риском отказа от ребенка, отметим, что набор признаков, по которым можно было бы составить обобщенный социальный портрет таких женщин, включает в себя подчас противоположные характеристики. Это чаще юные женщины, но нередко и зрелые, одинокие и семейные, родившие первого ребенка и многодетные, ведущие асоциальный образ жизни и добропорядочные, сироты и дочери заботливых, но чрезмерно строгих родителей, девушки с низким уровнем культуры или интеллектуальными нарушениями (иногда с ЗПР в анамнезе) и студентки вузов, приезжие и постоянные жительницы, малоимущие и обеспеченные, жительницы городов/мегаполисов и сельской местности. Таким образом, описать какой-то единственный социальный портрет женщины с риском оставления ребенка не представляется возможным. Скорее речь должна идти о галерее образов.

Полученные данные не согласуются со стереотипом, согласно которому отказ от ребенка — результат в основном асоциального образа жизни, половой распущенности, злоупотребления алкоголем и наркотиками. Как отмечали участники фокус-групп и эксперты, *любая может быть женщина, из любой категории* (Санкт-Петербург, ОО, СЗ, ЗДР, Д). Оставление ребенка бывает следствием не только измененного состояния сознания, как при алкогольном или наркотическом опьянении, но и состояния отчаяния, которое испытывает женщина, оказавшаяся в трудной жизненной ситуации. Этиология данного состояния специфична в каждом отдельном случае, но что роднит женщин — так это дефицит ресурсов. Внутренних ресурсов — личностной зрелости, выстроенной системы ценностей, социальной компетентности, здоровья и др. — или внешних — социальной поддержки, поддержки близких, в первую очередь отца

ребенка, родителей. Различия мнений сторонников и противников использования бэби-боксов проявляются в том, что действие внешних и/или объективных причин сторонники оценивают как более значимое.

Вместе с тем ключевой вывод исследования состоит в следующем: женщины с риском оставления детей в бэби-боксах находятся в своеобразной «серой» зоне и представляют группу «невидимых» матерей, которые по разным причинам скрывают беременность и боятся обратиться за помощью:

Они боятся засветиться где-то. Это разные женщины, тот слой населения, который вообще ни полиция, ни мы, ни другие не обслуживают. И они боятся обратиться даже к врачу, в общественные организации. И для них должен быть шанс не убить ребенка (Санкт-Петербург, СЗ).

Региональные различия в структуре социальных групп женщин-отказниц заключаются в том, что в мегаполисе, которым является Санкт-Петербург, такой значимой группой стали женщины-мигрантки, в Уфе на ситуациях отказа от новорожденного сказывается влияние национально-религиозных норм, повышающих риски для родивших внебрачного ребенка, во Владимире, Краснодаре и Перми чаще выделяются группы женщин с недостатком ресурсов — материальной и социальной поддержки, причем если во Владимире акцент делается на девиантные группы, то в Перми — на внешне благополучные.

Отказ от материнства после рождения ребенка — это не только личная драма для большинства женщин, но и показатель состояния социального, нравственного, духовного здоровья общества, степени успешности социальной политики государства, а также способности профессионального сообщества, включая управленцев и специалистов, создать систему эффективной помогающей практики. Основной акцент, на наш взгляд, должен быть сделан на раннюю профилактику с учетом специфических особенностей разных целевых групп.

Лишенные материнской заботы, выпускницы детских домов не знают основ построения семьи, не понимают, что такое ответственность за воспитание ребенка, а свойственное им патерналистское сознание распространяется и на отношение к ребенку. Такие матери думают, что если они в детском доме выросли, то и их ребенок вырастет. Учитывая отсутствие опыта жизни в семье, особенно важно готовить их к этой стороне жизни и до выпуска из детского дома, и после него. «Семейная» тема в работе служб постинтернатного сопровождения практически не представлена, основное в ней — жилье, работа, досуг. Хотя создание семьи сразу после выпуска — не первоочередная задача, построение отношений с близким человеком для сирот чрезвычайно актуальный запрос.

Женщины-мигрантки представляют собой массовую и разнородную группу. Для того чтобы они могли получать помощь, важно понимать, кто, откуда и по каким причинам приезжает в российские города. В настоящее время часть из них имеют право на обязательное медицинское страхование, на получение социальных услуг, другие могут надеяться на помощь только по полисам добровольного страхования, третьи избегают любых контактов, так как не имеют регистрации. В системе помощи должно учитываться, что у приезжих есть социокультурные, языковые барьеры, затрудняющие поиск нужной информации, а также коммуникацию с принимающим обществом, есть определенная настороженность, опасения столкнуться с недоброжелательностью со стороны наделенных

полномочиями лиц. Поэтому особенно важно, чтобы информация о возможностях и маршрутах получения помощи была им понятной и доступной.

В настоящее время профилактика наркологических заболеваний осуществляется в основном путем информирования беременных о негативном влиянии химических веществ на здоровье женщины и ребенка [Аршинова и др., 2016]. Очевидно, что этого совершенно недостаточно в условиях интенсивного роста женского алкоголизма и наркозависимости в молодежных и подростковых группах⁴. Существующая проблема, помимо социального и семейного контекста, взаимосвязана с невыстроенностью в России системы непрерывной реабилитационной работы с несовершеннолетними, недоступностью профессиональной психиатрической помощи для беременных с зависимостями. В отдельных регионах (например, в Санкт-Петербурге) и вовсе отсутствуют государственные специализированные центры реабилитации для несовершеннолетних, употребляющих алкоголь и наркотики, в том числе во время беременности и после родов⁵. Отмечается явный недостаток комплексных эффективных вмешательств, предназначенных для предотвращения употребления наркотических веществ молодыми женщинами во время беременности, программ профилактики и лечения, просвещения и социальной рекламы. Отдельную группу представляют многодетные матери с алкогольной зависимостью. Внимание органов опеки и социальных служб сосредоточено на уже родившихся в таких семьях детях, но женщина, находящаяся в фертильном возрасте, способна родить и других детей, поэтому должна стать объектом интенсивной реабилитации и профилактики.

Несмотря на усиление государственной и общественной поддержки семей с детьми, материнства и отцовства в последние годы, комплексная медико-социальная и психологическая помощь беременным женщинам, находящимся в кризисной ситуации, оказывается не всегда доступной. В России отсутствует развитая инфраструктура для уязвимых семей с новорожденными детьми, не создана система кризисных центров для беременных женщин. По-прежнему существуют значительные региональные и территориальные различия в оказании помощи матерям, сохраняется межведомственная разобщенность. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости выявления проблемных целевых групп, включая женщин, находящихся в сложных материальных и социально-психологических условиях, их адресной поддержки, активизации ресурсов всех уровней, чтобы матерям не приходилось делать столь драматичный выбор.

Список источников

- Аршинова В. В., Брюн Е. А., Кошкина Е. А., Валькова У. В. Профилактика наркологических заболеваний в акушерско-гинекологической практике России // Наркология. 2016. № 5. С. 84—89.
- Безрукова О. Н., Самойлова В. А. «Она не мать совсем...»: образы бывших жен в дискурсе разведенных молодых отцов // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 116—127.

⁴ Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2020 году. 2021. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/2175467> (дата обращения: 20.02.2022).

⁵ «Это естественный отбор, а вы себе другого родите». URL: <https://www.fontanka.ru/2022/02/13/70441664/> (дата обращения: 20.02.2022).

- Безрукова О. Н., Самойлова В. А., Шишкина Е. В., Яшина М. Н.* «Никто не поможет...»: отказы от новорожденных детей и бэби-боксы // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 47—57.
- Беляева М. А.* Девиантное родительство в контексте репродуктивной культуры современной семьи // Социология и жизнь. 2012. № 3. С. 207—212.
- Блох М. Е., Добряков И. В.* Психологическая помощь в комплексном подходе к решению проблем репродуктивного здоровья // Журнал акушерства и женских болезней. 2013. Т. 62, № 3. С. 16—19.
- Брутман В. И., Ениколопов С. Н., Панкратова М. С.* Некоторые результаты социологического и психологического обследования женщин, отказавшихся от своих новорожденных детей // Вопросы психологии. 1994. № 5. С. 31—36.
- Великая Н. М., Князькова Е. А.* Репродуктивные права женщин в политическом дискурсе современной России // Женщина в российском обществе. 2021. Спец. вып. С. 25—37.
- Живодрова Н. А., Безруков А. В., Абрамова Е. А.* Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка и возможные пути решения // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6, № 1. С. 53—59.
- Захарова Е. И.* Условия становления негативного отношения современных женщин к материнской роли // Культурно-историческая психология. 2015. № 1. С. 44—49.
- Исупова О. Г.* Отказ от новорожденного и репродуктивные права женщины // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 92—99.
- Кашина М. А.* Постсоветская государственная политика в отношении женщин // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 3—13.
- Клупт М. А.* Проблемы семьи и рождаемости в ценностных конфликтах 2010-х гг. // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 36—46.
- Ковалевский В. И.* «Ящик для ребенка», или Некоторые аспекты реализации в России проекта «Бэби-бокс» // Современное право. 2015. № 10. С. 75—78.
- Костенко М. А.* Социальные детерминанты отказов от новорожденных: опыт эмпирического исследования // Мир науки, культуры и образования. 2014. № 3. С. 313—315.
- Манерова О. А., Маркина А. Ю.* Особенности репродуктивного анамнеза и медицинской активности матерей, отказавшихся от своих детей в учреждениях родовспоможения // Уральский медицинский журнал. 2019. № 2. С. 133—137.
- Маркина А. Ю., Подлубная Л. В.* Современная характеристика матерей, оставивших своих новорожденных в учреждениях родовспоможения Челябинской области // Синергия наук. 2018. № 30. С. 1567—1578.
- Пучкина Ю. А.* Профилактика ранних отказов от детей в контексте проблем социального сиротства // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 1. С. 43—52.
- Самохина К. И.* Проблема отказа от новорожденного в отечественной и зарубежной науке: теоретико-методологический анализ: (подходы) // Женщина в российском обществе. 2016. № 2. С. 22—33.
- Устинова Н. В.* Международный опыт профилактики жестокого обращения с новорожденными детьми // Российский педиатрический журнал. 2013. № 1. С. 55—60.
- Bezrukova O., Samoylova V.* The rights of working mothers and social support of the young family in Russia // The Journal of Sociology and Social Anthropology. 2015. Vol. 18, № 5. P. 27—44.
- Bottorff J. L., Poole N., Kelly M. T., Greaves L.* Tobacco and alcohol use in the context of adolescent pregnancy and postpartum: a scoping review of the literature // Health and Social Care in the Community. 2014. Vol. 22, iss. 6. P. 561—574.
- Browne K., Chou S., Whitfield K.* Child Abandonment and Its Prevention in Europe. Nottingham: The University of Nottingham, 2012. 392 p.

- De Bortoli L., Coles J., Dolan M. A review of maternal neonaticide: a need for further research supporting evidence — based prevention in Australia // *Child Abuse Review*. 2013. Vol. 22, № 5. P. 327—339.
- Fenton-Glynn C. Anonymous relinquishment and baby-boxes: life-saving mechanisms or a violation of human rights? // *Family Law and Culture in Europe: Developments, Challenges and Opportunities* / ed. by K. Boele-Woelki, N. Dethloff, W. Gephart. Cambridge: Intersentia, 2014. P. 185—198.
- Friedman S. H., Heneghan A., Rosenthal M. Characteristics of women who deny or conceal pregnancy // *Psychosomatics*. 2007. Vol. 48, № 2. P. 117—122.
- Graff A. «Gender ideology»: weak concepts, powerful politics // *Religion and Gender*. 2016. Vol. 6, iss. 2. P. 268—272.
- Hays S. *The Cultural Contradictions of Motherhood*. New Haven: Yale University Press, 1996. 252 p.
- Murphy-Tighe S., Lalor J. G. Regaining agency and autonomy: a grounded typology of concealed pregnancy // *Journal of Advanced Nursing*. 2019. Vol. 75. P. 603—615.
- Navne L., Jakobsen M. Child abandonment and anonymous surrendering of babies: experiences in ten high-income countries // *Vulnerable Children and Youth Studies*. 2021. Vol. 16, № 3. P. 195—205.
- Vellut N., Cook J., Tursz A. Analysis of the relationship between neonaticide and denial of pregnancy using data from judicial files // *Child Abuse & Neglect*. 2012. Vol. 36, № 7—8. P. 553—563.

References

- Arshinova, V. V., Briun, E. A., Koshkina, E. A., Val'kova, U. V. (2016) Profilaktika narkologicheskikh zabolovaniĭ v akushersko-ginekologicheskoi praktike Rossii [Substance abuse prevention in Russian obstetric practice], *Narkologiya*, no. 5, pp. 84—89.
- Beliaeva, M. A. (2012) Deviantnoe roditel'stvo v kontekste reproduktivnoi kul'tury sovremennoi sem'i [Deviant parenting in the context of reproductive culture modern family], *Sotsiologiya i zhizn'*, no. 3, pp. 207—212.
- Bezrukova, O., Samoĭlova, V. (2015) The rights of working mothers and social support of the young family in Russia, *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 18, no. 5, pp. 27—44.
- Bezrukova, O. N., Samoĭlova, V. A. (2020) «Ona ne mat' sovsem...»: obrazy byvshikh zhĕn v diskurse razvedĕnnykh molodykh otsov [“She is no mother at all”: images of ex-wives in the discourse of young fathers], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 116—127.
- Bezrukova, O. N., Samoĭlova, V. A., Snishkina, E. V., Iashina, M. N. (2021) “Nikto ne pomozhet...”: otkazy ot novorozhdĕnnykh detĕĭ i bĕbi-boksy [“There will be no help...”: newborn abandonment and baby hatching], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 47—57.
- Blokh, M. E., Dobriakov, I. V. (2013) Psikhologicheskaiia pomoshch' v kompleksnom podkhode k resheniiu problem reproduktivnogo zdorov'ia [Psychological assistance in an integrated approach to solving reproductive health problems], *Zhurnal akusherstva i zhenskikh boleznei*, no. 3, pp. 16—19.
- Bottorff, J. L., Poole, N., Kelly, M. T., Greaves, L. (2014) Tobacco and alcohol use in the context of adolescent pregnancy and postpartum: a scoping review of the literature, *Health and Social Care in the Community*, vol. 22, iss. 6, pp. 561—574.
- Browne, K., Chou, S., Whitfield, K. (2012) *Child Abandonment and Its Prevention in Europe*, Nottingham: The University of Nottingham.

- Brutman, V. I., Enikolopov, S. N., Pankratova, M. S. (1994) Nekotorye rezul'taty sotsiologicheskogo i psikhologicheskogo obsledovaniia zhenshchin, otkazavshikhsia ot svoikh novorozhdennykh detei [Some results of a sociological and psychological examination of women who abandoned their newborn children], *Voprosy psikhologii*, no. 5, pp. 31—36.
- De Bortoli, L., Coles, J., Dolan, M. (2013) A review of maternal neonaticide: a need for further research supporting evidence — based prevention in Australia, *Child Abuse Review*, vol. 22, no. 5, pp. 327—339.
- Fenton-Glynn, C. (2014) Anonymous relinquishment and baby-boxes: life-saving mechanisms or a violation of human rights?, in: Boele-Woelki, K., Dethloff, N., Gephart, W. (eds), *Family Law and Culture in Europe: Developments, Challenges and Opportunities*, Cambridge: Intersentia, pp. 185—198.
- Friedman, S. H., Heneghan, A., Rosenthal, M. (2007) Characteristics of women who deny or conceal pregnancy, *Psychosomatics*, vol. 48, no. 2, pp. 117—122.
- Graff, A. (2016) “Gender ideology”: weak concepts, powerful politics, *Religion and Gender*, vol. 6, iss. 2, pp. 268—272.
- Hays, S. (1996) *The Cultural Contradictions of Motherhood*, New Haven: Yale University Press.
- Isupova, O. G. (2002) Otkaz ot novorozhdennogo i reproduktivnye prava zhenshchiny [Newborn abused and woman’s reproductive rights], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 92—99.
- Kashina, M. A. (2019) Postsovetskaia gosudarstvennaia politika v otnoshenii zhenshchin [Post-Soviet state policy towards women], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—13.
- Kluft, M. A. (2021) Problemy sem'i i rozhdacnosti v tsennostnykh konfliktakh 2010-x gg. [Family and fertility issues in value conflicts during the 2010s], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 36—46.
- Kostenko, M. A. (2014) Sotsial'nye determinanty otkazov ot novorozhdennykh: opyt èmpiricheskogo issledovaniia [Social determinants of abandonment of newborns: experience of empirical research], *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniia*, no. 3, pp. 313—315.
- Kovalevskii, V. I. (2015) “Iashchik dlia rebënka”, ili Nekotorye aspekty realizatsii v Rossii proekta “Bèbi-boks” [A box for a child on some aspects of the project “Baby Box” and its implementation in Russia], *Sovremennoe pravo*, no. 10, pp. 75—78.
- Manerova, O. A., Markina, A. Yu. (2019) Osobennosti reproduktivnogo anamneza i meditsinskoï aktivnosti materei, otkazavshikhsia ot svoikh detei v uchrezhdeniiakh rodovspomozheniia [The features of reproductive anamnesis and mother’s medical activity who abandoned their children in maternity facilities], *Ural'skii meditsinskii zhurnal*, no. 2, pp. 133—137.
- Markina, A. Iu., Podlubnaia, L. V. (2018) Sovremennaia kharakteristika materei, ostavivshikh svoikh novorozhdennykh v uchrezhdeniiakh rodovspomozheniia Cheliabinskoï oblasti [Modern characteristics of mothers who left their newborns in obstetric institutions of the Chelyabinsk region], *Sinergiia nauk*, no. 30, pp. 1567—1578.
- Murphy-Tighe, S., Lalor, J. G. (2019) Regaining agency and autonomy: a grounded typology of concealed pregnancy, *Journal of Advanced Nursing*, vol. 75, pp. 603—615.
- Navne, L., Jakobsen, M. (2021) Child abandonment and anonymous surrendering of babies: experiences in ten high-income countries, *Vulnerable Children and Youth Studies*, vol. 16, no. 3, pp. 195—205.
- Puchkina, Yu. A. (2009) Profilaktika rannikh otkazov ot detei v kontekste problem sotsial'nogo sirotstva [Prevention of early abandonment of children in the context of social orphanhood], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 43—52.

- Samokhina, K. I. (2016) Problema otказа ot novorozhdënnogo v otechestvennoï i zarubezhnoï nauke: teoretiko-metodologicheskii analiz: (Podkhody) [The abandonments and neglect of children: theoretical and methodological approaches in Russian and foreign science], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 22—33.
- Ustinova, N. V. (2013) Mezhdunarodnyï opyt profilaktiki zhestokogo obrashcheniia s novorozhdënnymi det'mi [International experience in the prevention of ill-treatment of newborn children], *Rossiiskii pediatricheskii zhurnal*, no. 1, pp. 55—60.
- Velikaia, N. M., Kniaz'kova, E. A. (2021) Reproduktivnye prava zhenshchin v politicheskom diskurse sovremennoï Rossii [Women's reproductive rights in the political discourse of modern Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, special iss., pp. 25—37.
- Vellut, N., Cook, J., Tursz, A. (2012) Analysis of the relationship between neonaticide and denial of pregnancy using data from judicial files, *Child Abuse & Neglect*, vol. 36, no. 7—8, pp. 553—563.
- Zakharova, E. I. (2015) Usloviia stanovleniia negativnogo otnosheniia sovremennykh zhenshchin k materinskoï roli [Conditions of formation of the negative attitude of modern women to the maternal role], *Kul'turno-istoricheskaiia psikhologiya*, no. 1, pp. 44—49.
- Zhivodrova, N. A., Bezrukov, A. V., Abramova, E. A. (2018) Problemy kvalifikatsii ubiistva mater'iu novorozhdënnogo rebënka i vozmozhnye puti resheniia [Problems of qualification of murder by mother of the newborn child and possible solutions], *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, vol. 6, no. 1, pp. 53—59.

Статья поступила в редакцию 10.03.2022; одобрена после рецензирования 12.03.2022; принята к публикации 26.03.2022.

The article was submitted 10.03.2022; approved after reviewing 12.03.2022; accepted for publication 26.03.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Безрукова Ольга Николаевна — кандидат социологических наук, доцент, и. о. заведующей кафедры социологии молодежи и молодежной политики, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, o.bezrukova@spbu.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor, Acting Head of the Department of Sociology of Youth and Youth Policy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).

Самойлова Валентина Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, v.samojlova@spbu.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Theory and Practice of Social Work, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 74—86.

Woman in Russian Society. 2022. No. 2. P. 74—86.

Научная статья

УДК 316.346.2

DOI: 10.21064/WinRS.2022.2.6

ГЕНДЕРНЫЙ РАЗРЫВ И ДОВЕРИЕ: ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Максим Витальевич Барановский^{1, 2}

¹ Военный университет Министерства обороны РФ, г. Москва, Россия

² Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия,
m.baranovskj@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена обсуждению и социологическому анализу двух глобальных исследований: седьмой волны Всемирного обзора ценностей и рейтинга стран по индексу глобального гендерного разрыва, опубликованного Всемирным экономическим форумом в конце 2019 г. Проводится сравнение уровней гендерного неравенства и доверия в различных государствах. Описана методика построения индекса генерализованного (обобщенного) доверия. Обнаружена статистическая взаимосвязь между объективными и субъективными показателями реализации возможностей женщин в образовательной, политической и экономической сферах. Приводятся данные о мнениях россиян по вопросу гендерного равноправия в реализации потенциала личности. Сделан вывод о перспективах исследования эмоционального, когнитивного и поведенческого компонентов доверия в рамках изучения современного гендерного порядка.

Ключевые слова: гендерный разрыв, доверие, Всемирный обзор ценностей, индекс глобального гендерного разрыва, гендерные возможности, кросс-национальные исследования

Для цитирования: Барановский М. В. Гендерный разрыв и доверие: объективные и субъективные показатели социологического анализа // Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 74—86.

Original article

GENDER GAP AND TRUST: OBJECTIVE AND SUBJECTIVE INDICATORS OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Maksim V. Baranovsky^{1,2}

¹ Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

² Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation, m.baranovskj@gmail.com

Abstract. The aim of the article is to provide a review and a sociological analysis of two global studies: 7 wave of The World Values Survey and an annual ranking of the global gender gap (Global Gender Gap Index 2020). The modern method of sociological study of generalized trust is described. The author compares the levels of gender inequality and trust in different states. The relationship between trust and gender gap is noted in Eastern Europe and Central Asia, East Asia and the Pacific, Western Europe, as well as in the United States and Nigeria. The generalized trust index is constructed for correct comparison. A statistical correlation was found between objective and subjective indicators on the realization of women's opportunities in the educational, political and economic spheres. Data is provided on the opinions of Russians on the issue of equality in the realization of gender potential. A comparison of the objective indicators of the gender gap set out in the report of the World Economic Forum with the results of sociological research on trust and gender opportunities confirms that the respondents' assessments are conditioned by macroeconomic and demographic factors. The conclusion is made about the prospects for research into the emotional, cognitive and behavioral components of trust as part of the study of the modern gender order.

Key words: gender gap, trust, World Values Survey, Global Gender Gap Index, gender opportunities, cross-country studies

For citation: Baranovsky, M. V. (2022) *Gendernyi razryv i doverie: ob"ektivnye i sub"ektivnye pokazateli sotsiologicheskogo analiza* [Gender gap and trust: objective and subjective indicators of sociological analysis], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 74—86.

Введение

На протяжении уже нескольких десятилетий категория «доверие» занимает в современной социологии центральное место. «Возвращение к человеку» в структурном функционализме и структурализме, развитие актуальных концепций социального и символического капитала, микросоциологические подходы обуславливают обращение исследователей к формам новой интимности социальных взаимодействий, основанных на доверии, авторитете, имидже и репутации. Парадокс глобальной цифровизации общества заключается в том, что при обезличивании социальных отношений между индивидами, группами и организациями роль вышеназванных моральных феноменов только возрастает. В эпоху

декларации прозрачности межличностных взаимодействий социальные аспекты развития имеют особую значимость.

В условиях трансформации ценностей современного общества исследователям целесообразно обратиться к вопросу о доверии и в аспекте изучения гендерного порядка как системы норм, культуры и социальных институтов, формирующих отношение людей к гендерным проблемам, ключевой из которых является проблема равноправия [Силласте, 2019].

В конце 2019 г. специалисты Всемирного экономического форума опубликовали ставший уже традиционным рейтинг государств в зависимости от значения индекса гендерного разрыва¹. Россия, по сравнению с прошлым исследованием, потеряла пять позиций в этом рейтинге и опустилась с 75-го на 81-е место. В 2020 г. глобальная социологическая сеть «Всемирный обзор ценностей» (The World Values Survey — WVS) представила результаты седьмой волны своего масштабного исследования трансформирующихся ценностей современного общества и их влияния на жизнь людей, групп, организаций и институтов².

Целью статьи является обсуждение результатов обозначенных кросс-национальных исследований в аспекте изучения проблем современного гендерного порядка. Межстрановой социологический анализ необходим для осмысления состояния российского общества, его готовности отвечать на глобальные вызовы и угрозы.

Эволюция отношений доверия в обществе: социальные аспекты и методика измерения

Социально-экономическая концепция совместного потребления, набирающая стремительную популярность, подтверждает актуальность взаимосвязи современной структуры социальных взаимодействий и феномена доверия. В рамках этой модели выделяются три важных этапа эволюции доверия: локальный, институциональный и сетевой³.

Первый этап длился до начала XIX в. На протяжении долгого периода человеческой истории доверие носило в основном локальный и референтный характер и было основано на близких отношениях между людьми.

Второй этап можно назвать институциональным. Начиная с середины «долгого» XIX в. общество и доверие стремительно трансформировались и модернизировались. Урбанизация привела к активному созданию и развитию финансовых компаний и государственных управленческих организаций, представители которых были наделены абстрактным институциональным доверием, базирующимся на полномочиях тех или иных структур. Так как институты и корпорации не всегда добросовестно выполняли свои обязанности

¹ Global Gender Gap Report 2020 / World Economic Forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2020.pdf (дата обращения: 03.08.2020).

² World Values Survey: Round Seven — Country-Pooled Datafile / ed. by C. Haerpfer, R. Inglehart, A. Moreno. Madrid (Spain); Vienna (Austria): JD Systems Institute & WWSA Secretariat, 2020.

³ Ботсман Р. Мы перестали доверять институтам и начали доверять незнакомцам. URL: <https://ideanomics.ru/lectures/13161> (дата обращения: 14.10.2019).

по отношению к членам общества, то стало фиксироваться снижение уровня институционального доверия.

Современное общество переживает третий этап эволюции отношений доверия. Можно сказать, что с новыми ценностями формируются и новые формы доверия. В цифровую эпоху переосмыслено институциональное доверие. Онлайн-сервисы потребления, деятельности и коммуникации, основанные на имидже, сотрудничестве и репутации людей, способствуют созданию сетей доверия, формирующихся под влиянием открытости, а порой и публичности межличностных взаимодействий.

Методика социологического изучения доверия чаще всего заключается в поиске взаимообусловленности между структурными элементами феномена: межличностным доверием и институциональным [Кошарная, 2015]. Существует также подход, позволяющий оценить доверие как социальную установку, представляющую собой совокупность эмоционального, рационального (когнитивного) и поведенческого компонентов [Зарубина и др., 2018].

Смещение фокуса объективизации доверия с институциональной абстракции на межличностные повседневные взаимодействия детерминирует и методические аспекты его изучения. Наиболее универсальным приемом оценки состояния доверия в обществе является измерение его генерализированного, или обобщенного, уровня [Алмакаева, 2014]. На протяжении долгого времени исследователи по всему миру для определения уровня межличностного доверия применяют следующую формулировку вопроса: *Говоря в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или что нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми?* Номинальная дихотомическая шкала предполагает следующие варианты ответа: *Большинству людей можно доверять; Нужно быть очень осторожным.* Именно шкала оценки генерализированного доверия чаще всего используется для создания международных рейтингов по уровню доверия. Конечно, она не является исчерпывающим средством комплексной оценки структуры доверия в обществе.

В частности, специалисты WVS используют еще один вид шкал для установления уровня обобщенного доверия: респондентам предлагается оценить, насколько они доверяют представителям различных групп, с которыми так или иначе вынуждены взаимодействовать в повседневной жизни. Вопрос формулируется следующим образом: *Я хотел бы спросить Вас, насколько вы доверяете людям из разных групп. Доверяете ли Вы людям из этой группы полностью, в некоторой степени, не очень или совсем не доверяете?* Оценка проводится по четырехбалльной шкале. Всего представлено шесть групп объектов доверия: члены семьи, соседи, люди, которых респондент знает лично, люди, с которыми он встречается впервые, люди другого вероисповедания, люди другой национальности.

Подобный подход представляется весьма полезным с методической точки зрения, так как помогает не только оценить уровень генерализированного доверия, но и сделать предварительные выводы об уровне терпимости в обществе и стратегиях идентичности, детерминирующих различные проявления социального неравенства.

Методика оценки уровня гендерного неравенства на основе индекса гендерного разрыва

Из всего многообразия индексов, используемых для оценки гендерного неравенства, в качестве примера нами был выбран индекс глобального гендерного разрыва, разработанный специалистами Всемирного экономического форума. Мониторинговые исследования и построение рейтингов осуществляются с 2006 г. В 2019 г. были оценены контрольные показатели 153 стран мира и проведено их ранжирование⁴. Как утверждают исследователи, методология и количественный анализ, лежащие в основе построения рейтинга, имеют прикладную направленность и должны способствовать разработке эффективных мер по преодолению гендерного неравенства. Индекс гендерного разрыва позволяет осуществить сравнение и ранжирование регионов с разным уровнем доходов. В итоговом докладе о гендерном разрыве страны распределены по восьми обширным географическим зонам: страны Восточной Азии и Тихоокеанского бассейна; Восточной Европы и Центральной Азии; Латинской Америки и Карибского бассейна; Ближнего Востока и Северной Африки; Северной Америки; Южной Азии; Африки к югу от Сахары; Западной Европы.

Интегрированный индекс определяет гендерный разрыв по экономическим, образовательным, медицинским и политическим критериям. В свою очередь, структура индекса представлена такими элементами, как экономические возможности, образование, здравоохранение, политические права и возможности. Каждый субиндекс рассчитывается с учетом разницы определенных экономических и социальных показателей для женского и мужского населения стран (табл. 1).

Таблица 1

Показатели интегрированного индекса гендерного разрыва

Структурный элемент индекса	Показатели структурного элемента индекса
Экономические возможности	Уровень занятости; равенство зарплаты за аналогичную работу; предполагаемый доход; количество бизнес-управленцев высшего звена, менеджеров; количество профессиональных и технических работников
Образовательные возможности	Уровень грамотности; зачисление в начальную школу; зачисление в среднюю школу; зачисление в высшие учебные заведения
Здравоохранение	Соотношение полов при рождении; ожидаемая продолжительность здоровой жизни
Политические возможности	Доля женщин в парламенте; доля женщин на министерских должностях; количество лет с женщиной/мужчиной на посту главы государства (за последние 50 лет)

⁴ Global Gender Gap Report 2020.

По результатам исследования в первую десятку стран с наименьшим уровнем гендерного неравенства вошли четыре страны Северной Европы (1-е место — Исландия, 2-е — Норвегия, 3-е — Финляндия и 4-е — Швеция), одна латиноамериканская страна (5-е — Никарагуа), одна страна из региона Восточной Азии и Тихого океана (6-е — Новая Зеландия), три страны Западной Европы (7-е — Ирландия, 8-е — Испания, 10-е — Германия) и одна страна Африки к югу от Сахары (9-е — Руанда).

Специфика индекса глобального гендерного разрыва, его отличие от других методик, заключается в декларации значимости реализации женщинами политического потенциала. Гендерный аспект государственного управления становится практически ключевым в ранжировании государств. Например, среднее значение по трем субиндексам (образование, здравоохранение, экономические возможности) без учета индекса политических возможностей для России составляет 0,91 балла. Значение субиндекса образовательных возможностей вообще максимально и равняется одному баллу. По трем субиндексам результаты России даже несколько превосходят Исландию (0,90 балла), занявшую первое место в рейтинге.

Подобный методический подход дискусионен, но в то же время актуален для сравнительного исследования уровней гендерного неравенства и доверия. Делегирование обществом государственных властных полномочий в достаточной мере отражает состояние институционального доверия в стране.

Некоторые эмпирические результаты исследований уровня доверия: гендерный аспект

Для анализа современного состояния генерализированного доверия была использована база данных седьмой волны исследования WVS (N = 69578)⁵. В базе агрегированы результаты интервьюирования в 48 государствах.

Поскольку в отчете Global Gender Gap Index 2020 представлено большее количество государств (153), с целью наилучшей репрезентации данных и объективного сравнения результатов мы выбрали для анализа по три страны в каждой географической зоне. Основной принцип отбора состоял в том, что анализируемые данные должны представлять в своей зоне страны с высоким, средним и низким уровнем гендерного неравенства (табл. 2).

Прежде всего необходимо отметить, что существующие в различных культурах обыденные стереотипы о большей доверчивости мужчин или женщин не подтверждаются результатами эмпирических исследований. В ходе корреляционного анализа не было выявлено статистической взаимосвязи между полом респондента и уровнем доверия ($r = 0,009$).

Одномерное частотное распределение ответов на вопрос о межличностном доверии свидетельствует о том, что его уровень невысок. Лишь в Новой Зеландии количество тех, кто склонен доверять людям (59,5 %), превысило количество тех, кто предпочитает быть осторожными (40,5 %). Лидером антирейтинга межличностного доверия можно считать Никарагуа — только 4,3 % опрошенных выразили мнение, что большинству окружающих можно доверять (рис. 1).

⁵ World Values Survey.

Таблица 2

Значения индекса гендерного разрыва для некоторых государств
и их место в рейтинге⁶

Страна	Значение индекса	Место в рейтинге стран географической зоны	Место в общем рейтинге
Восточная Европа и Центральная Азия			
Сербия	0,736	8	39
Россия	0,706	21	81
Таджикистан	0,626	26	137
Ближний Восток и Северная Африка			
Тунис	0,644	4	124
Иордания	0,623	10	138
Ирак	0,530	18	152
Восточная Азия и Тихоокеанский бассейн			
Новая Зеландия	0,799	1	6
Индонезия	0,700	8	85
Япония	0,652	18	121
Латинская Америка и страны Карибского бассейна			
Никарагуа	0,804	1	5
Чили	0,723	14	57
Гватемала	0,666	25	113
Северная Америка (в базе WVS представлена 1 страна)			
США	0,724	18	53
Западная Европа			
Германия	0,787	7	10
Греция	0,701	20	84
Кипр	0,692	22	91
Африка к югу от Сахары (в базе WVS представлена 1 страна)			
Нигерия	0,635	27	128
Южная Азия (в базе WVS представлено 2 страны)			
Бангладеш	0,726	1	50
Пакистан	0,564	7	151

⁶ Global Gender Gap Index 2020.

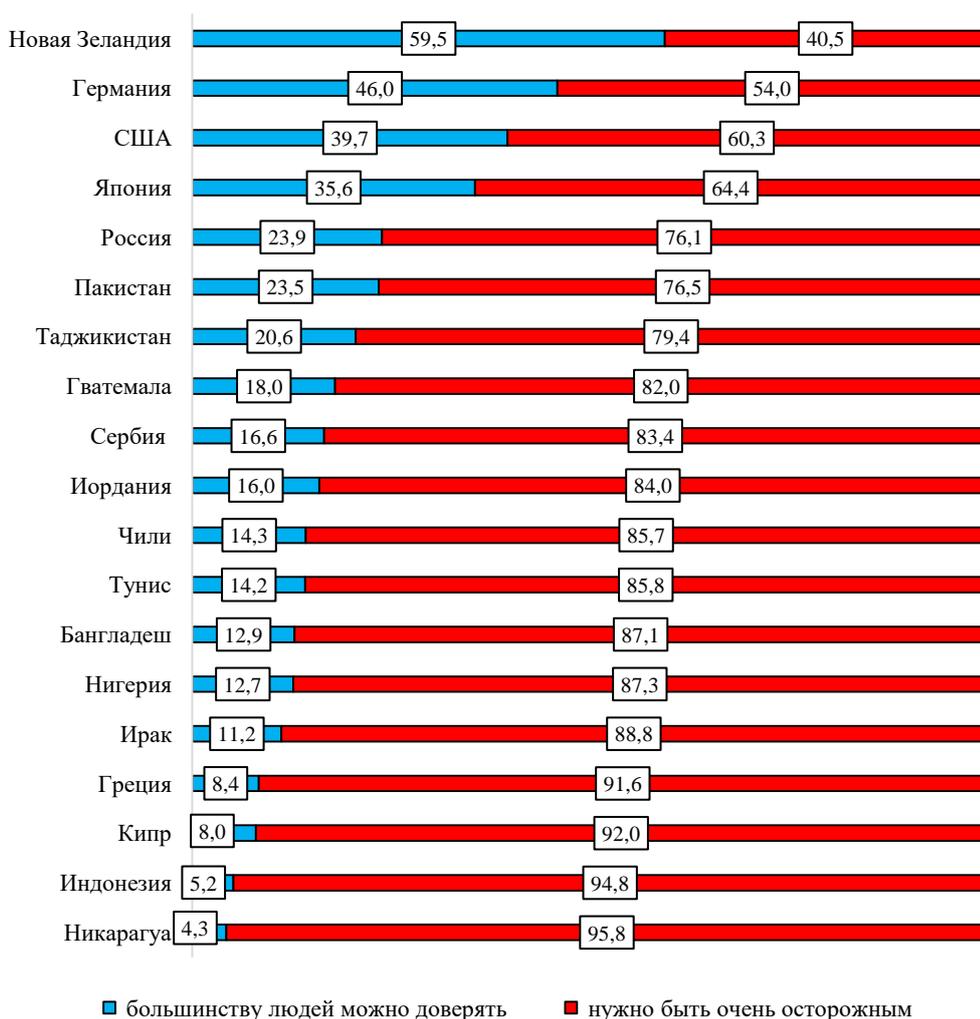

Рис. 1. Уровень межличностного доверия
(по данным седьмой волны WVS), %

Для сравнения значений индекса глобального гендерного разрыва и уровня доверия был построен индекс генерализованного доверия (I_{gt}), представляющий собой среднее значение индекса межличностного доверия (I_{int}) и индексов доверия различным группам (объектам доверия): членам семьи (I_f), соседям (I_n), знакомым людям (I_k), незнакомым людям (I_{uk}), людям другого вероисповедания (I_r), людям другой национальности (I_{nat}).

Индекс межличностного доверия рассчитан по формуле $I_{int} = (a + 0 \times b) / (a + b)$, где a , b — количество ответов «Большинству людей можно доверять» и «Нужно быть очень осторожным» на вопрос «Говоря в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или что нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми?».

Для построения индексов доверия различным группам использована формула $I = (a + 0,75 \times b + 0,25 \times c + 0 \times d) / (a + b + c + d)$, где a, b, c, d — количество ответов «полностью доверяю», «скорее доверяю», «скорее не доверяю», «абсолютно не доверяю» соответственно на вопрос «Доверяете ли Вы людям из этой группы?». Индекс генерализованного доверия рассчитан в пределах от 0 до 1. Чем выше значение индекса, тем выше уровень обобщенного доверия.

Взаимосвязь уровня доверия и значения индекса гендерного разрыва отмечается прежде всего в странах Восточной Европы и Центральной Азии (Россия, Сербия, Таджикистан), Восточной Азии и Тихоокеанского бассейна (Новая Зеландия и Индонезия), Западной Европы (Германия, Греция, Кипр), а также в США и Нигерии. В государствах Ближнего Востока и Северной Африки, Латинской Америки, а также в Японии взаимосвязи не обнаружено (рис. 2).

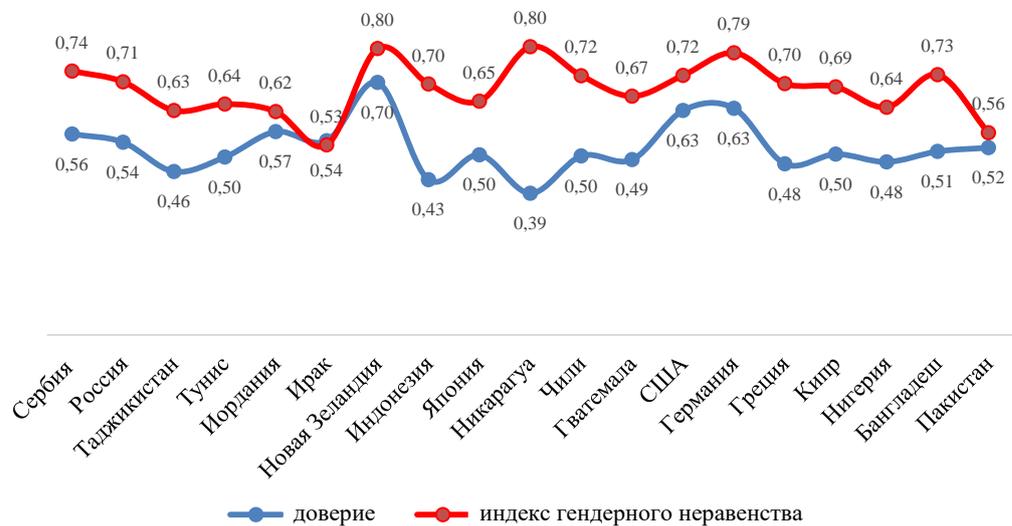

Рис. 2. Значения индексов гендерного разрыва и обобщенного доверия, баллы

Наиболее высокий уровень обобщенного доверия зафиксирован в Новой Зеландии (0,70 балла), Германии и США (по 0,63 балла). Интересно, что соседствующие в рейтинге гендерного неравенства Новая Зеландия и Никарагуа оказались на диаметрально противоположных полюсах при ранжировании уровней доверия. Расхождение в специфике взаимосвязи уровня доверия и гендерного порядка обусловлено прежде всего культурными социально-антропологическими особенностями населения государств, а также уровнем их материального благосостояния. В странах Латинской Америки при достаточно низких значениях индекса межличностного доверия наблюдается высокий уровень гендерного равенства во всех областях социальной жизни. В то же время в некоторых государствах Ближнего Востока и Северной Африки при уровне генерализованного доверия несколько выше средних значений отмечены и высокие значения индекса гендерного разрыва.

Исследование WVS ставит и другие важные вопросы в разрезе оценки современного гендерного порядка. В частности, респондентам предлагается выразить свое отношение к различным суждениям, затрагивающим политические, экономические и образовательные аспекты гендерного равенства (табл. 3).

Таблица 3

Суждения, характеризующие гендерные возможности в исследовании WVS

Возможности	Суждения
Экономические	Когда мать работает, дети страдают В целом мужчины лучше управляют бизнесом, чем женщины Быть домохозяйкой так же приятно, как работать Когда рабочих мест мало, мужчины должны иметь больше прав на работу, чем женщины Если женщина зарабатывает больше денег, чем ее муж, это почти наверняка вызовет проблемы
Политические	В целом мужчины становятся лучшими политическими лидерами, чем женщины
Образовательные	Университетское образование важнее для мальчика, чем для девочки

Как видно из материалов отчета Global Gender Gap Index 2020, выводы о тех или иных гендерных возможностях в различных странах сделаны прежде всего в ходе оценки объективных экономических и социальных показателей. База данных седьмой волны WVS дает нам представления о субъективной стороне проблемы реализации гендерного потенциала в образовании, политике и финансовой сфере. Сопоставление данных двух исследований подтвердило тезис о взаимосвязи объективных показателей гендерного разрыва и мнений респондентов. Так, значение коэффициента корреляции между объективными и оценочными показателями в сфере экономических возможностей составило 0,81 (высокая сила связи), образовательных — 0,52 (заметная сила связи), политических — 0,43 (умеренная сила связи).

Анализ результатов социологических опросов показывает, что реализация возможностей в различных сферах имеет для людей разных стран неодинаковую значимость. Актуальность реализации финансового потенциала и для женщин, и для мужчин выше, чем актуальность активного участия в политической жизни и государственном управлении. Возможно, исследователям, работающим над индексом глобального гендерного разрыва, целесообразно учесть субъективный оценочный фактор при построении субиндексов экономических, образовательных и политических возможностей. Данные социологических исследований, в том числе кросс-национальных, позволяют уравновесить значения объективной статистики. Определение значимости гендерных возможностей для каждого государства намного разнообразит рейтинг, основанный на макроэкономических и демографических показателях.

Гендерные возможности в зеркале мнений россиян

Данные исследования WVS в России в целом подтверждают тезис о важности гендерного равенства в реализации финансовых возможностей. При этом в блоке вопросов об экономическом равноправии наблюдается наибольшее расхождение во мнениях женщин и мужчин (рис. 3).

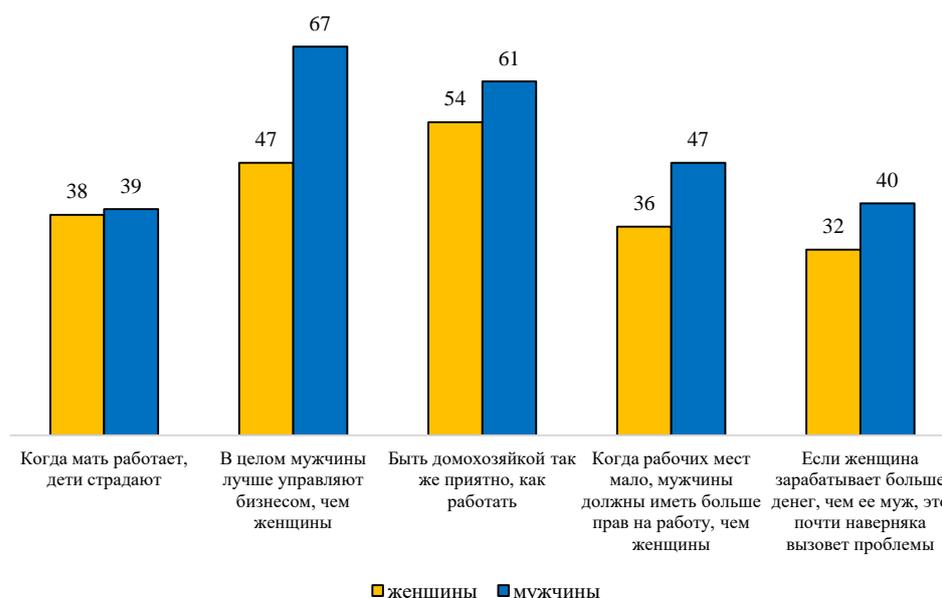

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением?» (по данным седьмой волны WVS; сумма ответов «полностью согласен» и «согласен»), %

Отметим: свое несогласие с тем, что мужчины лучше управляют бизнесом, российские женщины подтверждают активной деятельностью в финансовой сфере. Так, по данным отчета о гендерном разрыве, значение показателя «женщины на должностях менеджеров и высших бизнес-управленцев» составляет 0,718 балла, что превышает значение этого показателя в занявшей первое место в рейтинге Исландии (0,708 балла). А индекс количества профессиональных работников среди женщин в России максимален и составляет один балл.

Максимальный балл индекса реализации образовательных возможностей российских женщин также подтверждается субъективными оценками респондентов. Около 75 % опрошенных женщин и 70 % респондентов-мужчин выразили несогласие с тезисом, что университетское образование важнее для мальчика, чем для девочки.

В оценках политических компетенций мнения также несколько разделились. Большинство российских мужчин (68 %) так или иначе согласны с утверждением, что мужчины становятся лучшими политическими лидерами, чем женщины. Среди российских женщин с этим мнением согласны 54 % опрошенных.

Заключение

Сравнение объективных показателей гендерного разрыва, изложенных в отчете Всемирного экономического форума, с результатами социологических исследований доверия и гендерных возможностей позволяет ученым более широко взглянуть на глобальные проблемы неравенства. Поиск взаимосвязей подтверждает обусловленность оценок респондентов макроэкономическими и демографическими факторами.

Существующие методики оценки генерализированного доверия дают возможность говорить о проблемах неравенства не только как о материальном разрыве, но и как о комплексе угроз социального и социально-психологического характера. Соотнесение экономических показателей и субъективных оценок респондентов проливает свет на факторы, детерминирующие в числе прочего и гендерный порядок.

В то же время исследования, подобные WVS, не позволяют в полной мере рассмотреть структуру доверия как элемента социальных отношений между людьми, в том числе в гендерной плоскости. Дальнейшие исследования доверия как актуальной проблемы современной социологии целесообразно проводить с учетом рассмотрения эмоционального, когнитивного и поведенческого компонентов, их влияния на систему межличностных взаимодействий и социальных институтов.

Список источников

- Алмакаева А. М. Измерение генерализированного (обобщенного) доверия в кросс-культурных исследованиях // Социологические исследования. 2014. № 11. С. 32—43.
- Зарубина Н. Н., Носкова А. В., Темницкий А. Л. Доверие к социальной науке в России как исследовательская проблема // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 105—114.
- Кошарная Г. Б. Институциональное и межличностное доверие в консолидации российского общества // Власть. 2015. Т. 23, № 9. С. 125—129.
- Силласте Г. Г. Социальные транзитии и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3—16.

References

- Almakaeva, A. M. (2014) Izmerenie generalizirovannogo (obobshchennogo) doveriia v kross-kul'turnykh issledovaniiaxh [Measuring generalized trust in cross-cultural research], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 32—43.
- Kosharnaia, G. B. (2015) Institutsional'noe i mezhlichnostnoe doverie v konsolidatsii rossiiskogo obshchestva [Institutional and interpersonal trust in the consolidation of Russian society], *Vlast'*, vol. 29, no. 9, pp. 125—129.
- Sillaste, G. G. (2019) Sotsial'nye tranzitsii i formirovanie novogo gendernogo poriadka [Social transitions and the formation of a new gender order], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—16.
- Zarubina, N. N., Noskova, A. V., Temnitskiĭ, A. L. (2018) Doverie k sotsial'noi nauke v Rossii kak issledovatel'skaia problema [Trust to social science in Russia as a research problem], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, pp. 105—114.

Статья поступила в редакцию 25.11.2021; одобрена после рецензирования 10.01.2022; принята к публикации 15.01.2022.

The article was submitted 25.11.2021; approved after reviewing 10.01.2022; accepted for publication 15.01.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Барановский Максим Витальевич — кандидат социологических наук, докторант кафедры социологии, Военный университет Министерства обороны РФ, г. Москва, Россия; доцент департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, m.baranovskj@gmail.com (Cand. Sc. (Sociology), Department of Sociology, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; Associate Professor at the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 87—102.

Woman in Russian Society. 2022. No. 2. P. 87—102.

Научная статья

УДК 338.467.4

DOI: 10.21064/WinRS.2022.2.7

ЖЕНЩИНЫ — НАЕМНЫЕ РАБОТНИЦЫ В ДОМОХОЗЯЙСТВАХ МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

*Юлия Фридриховна Флоринская*¹,
Никита Владимирович Мкртчян^{1, 2},
*Марина Анатольевна Карцева*¹

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Москва, Россия, jflorin@yandex.ru

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва),
г. Москва, Россия

Аннотация. Использование труда домашних работников, в том числе женщин, — достаточно исследованная тема в зарубежной литературе, но в России эта тема малоизучена. На основе опроса 3858 домохозяйств Москвы и Санкт-Петербурга проанализированы особенности найма женщин — домашних работниц, основные ниши и сферы их занятости, пропорции между привлекаемыми домохозяйствами местными женщинами-работницами и жительницами других регионов и стран. Исследование показало, что работницы Москвы, Санкт-Петербурга и мигрантки занимают разные ниши в сфере домашнего труда, при этом иностранные работницы чаще востребованы более бедными домохозяйствами. Пандемия COVID-19 сократила предложение со стороны иностранных работниц, а стоимость их труда увеличилась.

Ключевые слова: трудовая миграция, женская миграция, домашние работники, Россия, COVID-19

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Для цитирования: Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В., Карцева М. А. Женщины — наемные работницы в домохозяйствах Москвы и Санкт-Петербурга // Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 87—102.

Original article

**FEMALE DOMESTIC WORKERS IN MOSCOW
AND SAINT PETERSBURG***Yuliya F. Florinskaya*¹, *Nikita V. Mkrtchyan*^{1,2}, *Marina A. Kartseva*¹¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, jflorin@yandex.ru² National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), Moscow, Russian Federation

Abstract. The employment of domestic workers, especially women, is widely discussed in the foreign literature. However, little is known about employment of female domestic workers in Russia. The paper looks at the specifics of the recruitment of the female domestic workers and their main areas of employment in the context of their origin (local workers, internal migrants, foreign migrants). The empirical basis of the study is data of a household survey conducted in Moscow and Saint Petersburg. We found that local and migrant female domestic workers occupy different employment niches with migrants being more likely to be hired by low income households. The COVID-19 pandemic has reduced the supply of foreign workers, and the cost of their labor has increased.

Key words: labor migration, female migration, domestic workers, Russia, COVID-19

Acknowledgments: the article was prepared as part of the research work of the state assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

For citation: Florinskaya, Yu. F., Mkrtchyan, N. V., Kartseva, M. A. (2022) Zhenshchiny — naёмnye rabotnitsy v domokhoziaistvakh Moskvy i Sankt-Peterburga [Female domestic workers in Moscow and Saint Petersburg], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 87—102.

Обзор литературы и исследований

В мире, по последним оценкам Международной организации труда на 2019 г., насчитывалось 169 млн трудовых мигрантов, из них 70 млн, или 41,5 %, составляли женщины [ILO Global Estimates... , 2021]. Как и другие оценки международных организаций, эта цифра может отражать масштабы явления не в полной мере. Кроме того, она не учитывает женщин — внутренних трудовых мигранток, число которых, очевидно, в разы больше. Поступательному росту женской трудовой миграции способствует развитие сферы услуг, в которой уже занято более 70 % работниц в странах ОЭСР [Women at work... , 2018], и, в частности, расширение сектора домашнего труда, где женщины составляют, по отдельным оценкам, 83 % от всех занятых [Положение домашних работников в мире... , 2013]. Именно сектор услуг позволяет эффективно использовать труд женщин [Smith-Hunter, 2003], действует и фактор спроса на их труд: традиционно такие услуги, как уход за детьми и взрослыми, нуждающимися в нем, приготовление пищи, предоставляют именно женщины [Cooking and caring... , 2011]. Ключевым драйвером роста спроса на домашний труд служит увеличение

уровня занятости женщин в развитых странах. Несмотря на существенное продвижение в области гендерного равенства, домашний неоплачиваемый труд все еще остается в большой степени женским, в странах ОЭСР женщины выполняют 69 % домашней работы [ibid.]. Если женщина выходит на рынок труда, семья должна найти помощника, который будет выполнять хотя бы часть домашней работы.

В развитых странах подавляющее большинство женщин-мигранток заняты в секторе услуг (общественное питание, услуги образования, здравоохранения, бытовые услуги и т. д.), и особенно услуг, оказываемых домохозяйствам. Международная организация труда определяет таких работников как «домашние работники» (domestic workers)¹. Сфера домашнего труда предъявляет широкий спрос прежде всего на низкоквалифицированные работы, такие как ведение домашнего хозяйства, уход за детьми и пожилыми, уборка помещений. Анализ для стран ЕС [Rubin et al., 2008] или ОЭСР [King-Dejardin, 2019] показывает, что в целом женщины — мигрантки и немигрантки работают в одних и тех же отраслях, различаются только уровни концентрации. Женщины-мигрантки в большей степени вовлечены в низкоквалифицированные виды деятельности, а женщины — уроженки страны проживания или мигрантки из других стран ЕС преимущественно заняты на рабочих местах, требующих высокой квалификации. Нередко высококвалифицированные женщины-мигрантки соглашаются на работу, не соответствующую уровню их квалификации, на работу с более низкими требованиями. Например, в Греции, как и во многих других странах ЕС, работа по дому — единственный вид работы, доступный для женщин-мигранток (помимо проституции), хотя многие из этих женщин хорошо образованы и очень хорошо говорят по-английски [Anderson, 2000].

Приток мигрантов может способствовать увеличению уровня участия женщин в рынке труда в странах, принимающих мигрантов, и снижению гендерного разрыва в заработной плате [Furtado, 2015]. В конечном счете, труд женщин-мигранток делает вклад в увеличение объема квалифицированных трудовых ресурсов принимающей страны, что в итоге, вероятно, положительно отразится на экономическом росте [Women on the Move... , 2017]. Отдельные исследования свидетельствуют, что относительно низкая стоимость труда женщин-мигранток, ухаживающих за детьми, может положительно влиять на рождаемость в принимающей стране, особенно в группе высококвалифицированных женщин [Hazan, Zoabi, 2015], позволяя им легче находить баланс между рождением детей и участием в рынке труда [Furtado, Hock, 2010].

В последнее время отдельное внимание в литературе уделяется влиянию женской миграции на местные рынки труда. Актуальность подобных исследований обусловлена в числе прочего сложившейся в развитых странах демографической ситуацией, следствием которой стал возросший спрос на услуги ухода за пожилыми. В США высококвалифицированные женщины тратят больше времени на работу на рынке труда и меньше времени на домашнюю работу в тех городах, в которые больше приток низкоквалифицированных женщин-мигранток [Cortes, Tessada, 2011]; доступность различных видов услуг по ведению

¹ International Labour Organization. URL: <https://www.ilo.org/global/topics/domestic-workers/who/lang--en/index.htm> (дата обращения: 17.01.2022).

домашнего хозяйства и уходу, предоставляемых мигрантками, увеличивает уровень участия в рабочей силе женщин с маленькими детьми [Cortes, Pan, 2013]. Таким образом, в плане положения на рынке труда высококвалифицированные женщины могут выигрывать от притока женщин-мигранток с низким уровнем квалификации. Однако для местных женщин с относительно низкой квалификацией женщины-мигрантки скорее являются конкурентками [Peri, Sparber, 2009].

Исследование женской миграции в России представляет особый интерес. Рост потребности в услугах по уходу, вызванный теми же демографическими процессами, что и в развитых странах, в России происходит на фоне практически полного отсутствия адекватной системы долговременного ухода. Недостаточность поддержки со стороны государства в совокупности с неразвитостью и недоступностью рыночных услуг по уходу за пожилыми приводят к тому, что женщины трудоспособного возраста вынуждены уходить с рынка труда или сокращать количество рабочих часов [Гришина, Цапура, 2020; Карцева, 2021]. В подобной ситуации мигрантки могут отчасти компенсировать несовершенство существующих социальных институтов, оказывая доступные платные услуги по уходу за детьми и пожилыми. В результате использования труда мигранток российские женщины получают возможность больше времени посвящать оплачиваемой занятости, что особенно актуально в условиях снижения численности рабочей силы, обусловленного демографическими причинами.

Исследований женской трудовой миграции в постсоветских странах мало, частично их отсутствие в 1990-х — начале 2000-х гг. могло заместить изучение постсоветской миграции женщин в страны Европейского союза [Marchetti, Venturini, 2014; Vanore, Siegel, 2015; Толстокорова, 2012]. Пионером изучения женской трудовой миграции в России была Е. В. Тюрюканова [Тюрюканова, 2003; Тюрюканова, Мальшева, 2000], инициировавшая в 2010 г. первое в нашей стране полномасштабное исследование женской трудовой миграции из стран СНГ в Российскую Федерацию. Исследование было выполнено в Центре миграционных исследований и включало проведение выборочного опроса женщин — трудовых мигранток из стран СНГ, фокус-групп и глубинных интервью с мигрантками и их работодателями [Женщины-мигранты... , 2011]. Данный проект способствовал развитию дальнейших исследований международной женской трудовой миграции в России [Рочева, 2012; Илимбетова, 2013; Полетаев, 2017].

Рост занятости в сфере услуг, оказываемых частным домохозяйствам, не мог не вызвать интерес исследователей к этой теме сначала в мире, а позже — в России. Появились статьи, анализировавшие различные аспекты жизни и труда домашних работников — мигрантов обоего пола, в том числе в более широком контексте изучения трудовой миграции в России [Karachurina et al., 2019]. При этом в отличие от стран ЕС, где в сфере домашнего труда в большей степени доминируют иностранные рабочие [Da Roit, Weicht, 2013], в России домашние работники — иностранцы, включая женщин, возможно, чаще конкурируют с местными жителями, особенно с внутренними мигрантами. Однако исследований внутренней миграции женщин, занятых в сфере домашнего труда, крайне мало (см., напр.: [Савоскул, 2013]), и они пока не могут претендовать на всестороннее изучение данного вопроса.

Данные и методология

Эмпирическую основу исследования составляют данные специализированного социологического обследования «Женщины — наемные работницы в домохозяйствах Москвы и Санкт-Петербурга» («Женщины — наемные работницы»), проведенного Институтом социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ИНСАП РАНХиГС) методом телефонного опроса в апреле — мае 2021 г. Опрашивались жители Москвы и Санкт-Петербурга² в возрасте от 18 до 72 лет, которые за последние три года нанимали за плату других лиц, в том числе женщин, для проведения определенных видов работ. Способ построения выборки обследования — случайная систематическая стратифицированная выборка номеров стационарных и мобильных телефонов. Доля мобильных телефонных номеров составила 46 %, стационарных — 54 %. Выборка генерировалась с помощью программы RDDGen2, использовались диапазоны телефонных номеров с сайта Росвязи. Общий объем выборки составил 3858 респондентов. Данные опроса репрезентируют население городов по полу и возрасту.

В последние три года всего нанимали 1119 работников (619 чел. — в Москве, 500 чел. — в Санкт-Петербурге), что составило 29 % от всех прошедших скрининг и ответивших на вопрос о найме (28 % в Москве и 30 % в Санкт-Петербурге). Данные самого обследования содержали информацию об опыте привлечения домашних работников частными домохозяйствами (виды работ, на которые их привлекали); о гендерном составе работников и их гражданской принадлежности (граждане РФ или иностранцы); об изменении интенсивности найма работников в условиях пандемии COVID-19. Выяснилось, что в отличие от других стран труд мужчин использовался домохозяйствами значительно чаще, чем труд женщин: всего мужчины-работники привлекались за последние три года 28 % домохозяйств двух столиц, женщины-работницы — 17 % домохозяйств; при этом российских работников в Москве и Санкт-Петербурге нанимали в два раза чаще, чем иностранных, — 23 % домохозяйств против 11 %.

На отдельный блок вопросов анкеты отвечали только те респонденты, кто нанимал на работу женщин. Таких целевых анкет было набрано 594, из них 339 (или 57 %) в Москве, а 255 (или 43 %) в Санкт-Петербурге. Блок содержал информацию об особенностях занятости женщины-работницы, которая трудилась в домохозяйстве дольше всех других работниц в течение последних трех лет. В рамках статьи проводится статистический анализ таких характеристик занятости женщин-работниц, как:

- вид деятельности (семь категорий);
- способ найма (пять категорий);
- условия найма (наличие контракта и предоставление проживания).

² Выбор для обследования двух столичных городов основывался на гипотезе более широкого распространения в них наемного труда в домохозяйствах по сравнению с другими российскими регионами. Так, по данным Выборочного наблюдения труда мигрантов Росстата, в 2019 г. в Москве около 29 % домохозяйств за период последних 12 месяцев нанимали работников за плату, в среднем по России — 15,7 % домохозяйств. См.: URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/imigr18/index.html (дата обращения: 17.01.2022).

Дополнительно в исследовании рассматриваются субъективная удовлетворенность респондента работой привлекаемой в домохозяйство женщины и изменение объемов найма в условиях пандемии коронавируса. Перечисленные показатели были отобраны с учетом ограничений наличных эмпирических данных.

Основным методом статистического анализа в работе является сопоставление средних показателей в разрезе места постоянного жительства женщин-работниц. Однако в ряде случаев сравнение средних может быть не вполне корректно. В частности, при анализе влияния места постоянного жительства на условия занятости и удовлетворенность работой женщин-работниц простое сравнение средних иногда приводит к смещенным оценкам, так как эти показатели могут зависеть от вида деятельности работницы. Для того чтобы получить оценки влияния места постоянного проживания работницы на характеристики занятости и удовлетворенности работодателя при прочих равных условиях, в работе используется регрессионный анализ, проводится оценка следующей логит-модели:

$$P(y_i = 1|x_i) = \Lambda(h_i'\alpha + x_i'\beta),$$

где Λ — функция логистического распределения, y_i — зависимая переменная: индикатор наличия письменного контракта (1 — есть контракт, 0 — иначе) / индикатор предоставления жилья (1 — предоставляется жилье, 0 — иначе) / индикатор удовлетворенности работой (1 — удовлетворен; 0 — иначе); h_i — вектор индикаторов места проживания (3 индикатора); x_i — вектор контрольных переменных, включающий в себя индикаторы вида деятельности женщины-работницы (6 индикаторов) и индикатор региона работы.

Модель оценивается отдельно для каждой из трех зависимых переменных.

Результаты

Виды деятельности женщин-работниц в домохозяйствах. Почти две трети домохозяйств, нанимавших женщин, пользовались услугами работниц, проживавших в том же регионе (64 %), что и респонденты; в 14 % домохозяйств нанятая женщина была внутренней мигранткой (из другого региона России); в 16 % — иностранной мигранткой; 7 % затруднились ответить на данный вопрос.

Женщины, работавшие в домохозяйствах, чаще всего оказывали услуги репетитора³, выполняли работу по дому, ремонтировали жилье (табл. 1).

Каждая группа работниц, отличающаяся местом постоянного жительства, имеет заметные особенности в структуре занятости в домохозяйствах. Так, жительницы своего региона чаще всего привлекались домохозяйствами в качестве репетиторов, при этом среди внутренних мигранток такой вид занятости встречался в 2,5 раза реже, а среди иностранных практически отсутствовал. В то же время для иностранок выполнение домашней работы было в два раза более частым

³ Включение репетиторов в число домашних работников существенно смещает распределение в пользу найма местных жителей, а также интеллектуального (не физического) труда. Однако мы посчитали важным учесть данную категорию, поскольку спрос на услуги репетиторов существенно вырос в условиях карантина, что могло привести в числе прочего и к увеличению вариации места постоянного проживания среди репетиторов — привлечению жительниц других регионов. Тем более что репетиторы учитывались как домашние работники в упомянутом выше обследовании Росстата 2019 г.

занятием, чем для россиянок, как местных, так и мигранток. Для мигранток, и внутренних, и особенно иностранных, значимой оказалась занятость в качестве сиделок: доля этой занятости среди иностранок в 3 раза выше, чем среди женщин из своего региона. Для выполнения ремонтных работ местные женщины и мигрантки привлекались примерно с одинаковой частотой.

Таблица 1

**Распределение женщин-работниц по видам выполняемых работ
в зависимости от места их постоянного проживания, %⁴**

Вид работ	Все работницы	Свой регион	Другой регион	Другая страна
Ремонт, строительство	21,1	19,5	21,3	21,3
Домашняя работа	26,9	21,3	22,5	43,6
Уход за детьми	9,6	10,9	10,0	6,4
Уход за взрослыми	12,2	6,7	21,3	27,7
Работа на участках	2,2	1,3	5,0	3,2
Репетиторство	32,4	45,1	18,8	1,1
Другие работы	1,4	1,3	1,3	2,1

Примечание. В столбцах сумма долей не 100 %, так как в некоторых случаях работницу нанимали для выполнения нескольких видов работ.

Таблица 2

**Распределение женщин, выполняющих разные виды работ,
по месту их постоянного проживания, %**

Вид работ	Свой регион	Другой регион	Другая страна	Всего
Ремонт, строительство	66,4	15,5	18,2	100
Домашняя работа	57,6	13,0	29,5	100
Уход за детьми	74,6	14,6	10,9	100
Уход за взрослыми	36,8	25,0	38,2	100
Работа на участках	41,7	33,3	25,0	100
Репетиторство	91,4	8,1	0,5	100

Несмотря на структурные особенности занятости каждой категории наемных работниц, большая часть рабочих мест в домохозяйствах Москвы и Санкт-Петербурга все равно принадлежит жительницам этих городов (табл. 2). Ими занято от 58 до 91 % рабочих мест в четырех из шести перечисленных видах деятельности. Женщины-мигрантки из другого региона или страны доминируют в сфере ухода, присмотра за пожилыми, больными (63,2 %), а также в работах на дачных участках, в загородных домах (58,3 %). Уход за пожилыми, работы на дачах чаще всего связаны с предоставлением работнику жилья (или койки в больнице), что делает данные виды работ более привлекательными для мигрантов, позволяя экономить на его аренде. Отметим, что уход за взрослыми —

⁴ Таблица построена, так же как и другие таблицы и рисунки в статье, на основе данных обследования «Женщины — наемные работницы», проведенного ИНСАП РАНХиГС (2021 г.).

единственный вид деятельности, где численно доминируют именно иностранные мигрантки, доля занятых ими рабочих мест в этой сфере выше, чем доля мест, занятых не только внутренними мигрантками, но и местными работницами (38,2 против 25 и 36,8 % соответственно). В то же время услуги нянь и репетиторов обычно не предполагают проживания в доме, здесь конкурентные преимущества — на стороне местных работников. Кроме того, уход за детьми — более «чувствительная» сфера, в которой домохозяйства реже склонны доверять мигранткам — как внутренним, так и иностранным.

Способ, условия найма женщин-работниц и удовлетворенность их работой. Работницы чаще всего попадают в домохозяйство по рекомендации знакомых/родственников, причем этот вид поиска превалирует при найме женщин всех трех категорий (от 58 до 63 %). Второе место при привлечении россиянок как из своего региона, так и внутренних мигранток с большим отрывом занимает их поиск в сети Интернет (22 и 20 % соответственно), а при найме иностранок — помощь агентств (17 %). Вероятно, поиск работницы через знакомых остается столь распространенным ввиду того, что ему доверяют и сами нанимаемые работницы. Так, по данным проведенных ранее обследований (2010 и 2013 гг.), с помощью друзей и родственников находили работу 64 % опрошенных в крупных российских городах женщин-мигранток [Женщины-мигранты..., 2011] и 76 % домашних работников — мигрантов в Москве [Karachurina et al., 2019].

Более двух третей домохозяйств не заключали никаких договоров при найме работниц (от 64 % домохозяйств, нанимавших иностранок, до 71 %, нанимавших работниц из своего региона). Наличие письменного договора чуть чаще встречалось при найме иностранок, но преимущественно за счет договора не с самой работницей, а с агентством. В целом занятость «в серой зоне», в силу ее повсеместного распространения, не может являться значимым конкурентным преимуществом или, напротив, специфической проблемой иностранных работниц. Это, скорее всего, традиционная особенность занятости в частных домохозяйствах, что подтверждается другими исследованиями. Так, в 2013 г. 83 % опрошенных москвичей, использовавших труд работников-мигрантов в своих домохозяйствах, обходились лишь устной договоренностью при их найме [Florinskaya, 2015].

Домашним работницам в целом редко предоставляется жилье вместе с работой, однако наблюдается существенная разница при найме жительниц своего региона и мигранток: жительницам своего региона жилье предоставляли всего 2,4 % домохозяйств, внутренним мигранткам — уже 18,8 %, нанимаемым иностранкам — 30,9 %. Полагаем, что это зависит от фактической нуждаемости в жилье (потребность в нем внутренних мигранток может быть меньше) и специфики работ: круглосуточные сиделки, которых много среди привлекаемых работниц-иностранок, больше всех остальных категорий нуждаются в жилье.

Проведенный эконометрический анализ показал (модель; зависимая переменная — индикатор наличия письменного договора), что в среднем при прочих равных условиях вероятность наличия письменного договора у внутренних и иностранных мигранток статистически не отличается от вероятности наличия договора у местных жительниц (рис. 1а). По сравнению с другими видами деятельности относительно чаще письменный контракт с работодателем имеют

женщины-работницы, занимающиеся уходом за взрослыми. Отметим, что это может быть как договор лично с работницей, так и договор с организацией/агентством, через которые такие работники зачастую рекрутируются.

Результаты регрессионного анализа факторов предоставления жилья женщине-работнице (модель; зависимая переменная — индикатор предоставления жилья) подтверждают выводы, сделанные на основе сравнительного анализа. В среднем вероятность выделения места для проживания женщинам-мигранткам значимо выше, чем вероятность выделения такого места местным жительницам (рис. 1б). При этом величина предельного эффекта существенно выше для иностранных мигранток, чем для внутренних. В разрезе видов деятельности статистически значимо чаще предоставляют жилье работницам, осуществляющим уход за взрослыми. Подобная ситуация в большой степени объясняется спецификой выполняемых работ.

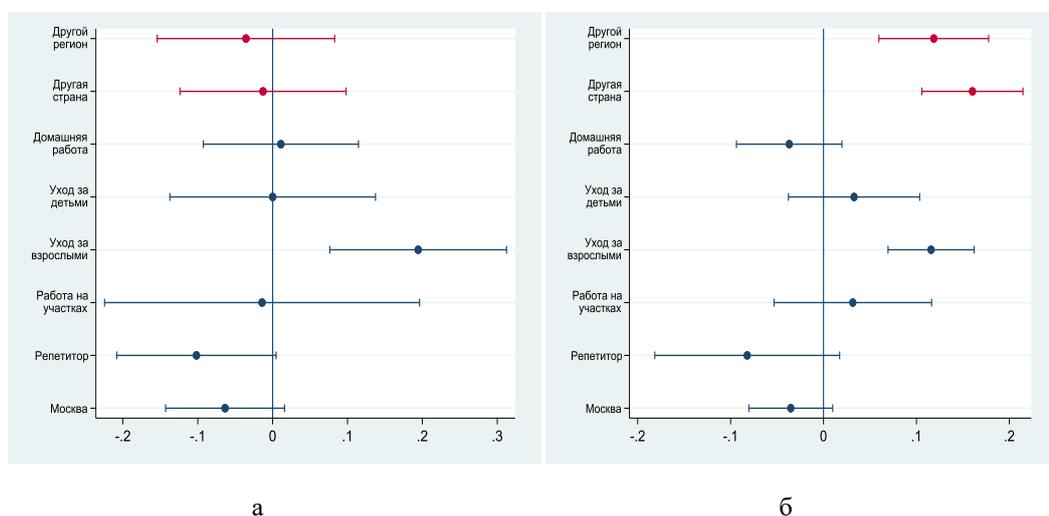

Рис. 1. Результаты регрессионного анализа факторов наличия письменного контракта (а) и предоставления жилья (б), предельные эффекты, 95 %-й доверительный интервал

В рамках опроса респонденту предлагалось оценить труд женщины-работницы по шкале от 1 до 4, где 1 — полностью удовлетворен работой, а 4 — совершенно не удовлетворен. На основе этой информации была построена бинарная переменная (удовлетворен / не удовлетворен).

Большинство респондентов были полностью удовлетворены или скорее удовлетворены работой нанятой их домохозяйством женщины (от 93 до 98 %). При этом высокая удовлетворенность касалась найма всех категорий работниц независимо от места их исходного проживания.

Проведенный регрессионный анализ (модель; зависимая переменная — индикатор удовлетворенности работой) не подтвердил наличия статистически значимой вариации уровня удовлетворенности трудом женщины-работницы в зависимости от места ее проживания (рис. 2). Другими словами, при прочих равных условиях работодатели в одинаковой степени довольны работой местных жительниц, жительниц других регионов и жительниц других стран. Несколько в большей

степени работодатели удовлетворены трудом женщин, выполняющих домашнюю работу. Относительно в большей степени — трудом женщин, нанятых для работы на дачных участках, в загородных домах. Референтной категорией для оценки удовлетворенности трудом женщин в разрезе выполняемых видов работ является работа в области ремонта и строительства.

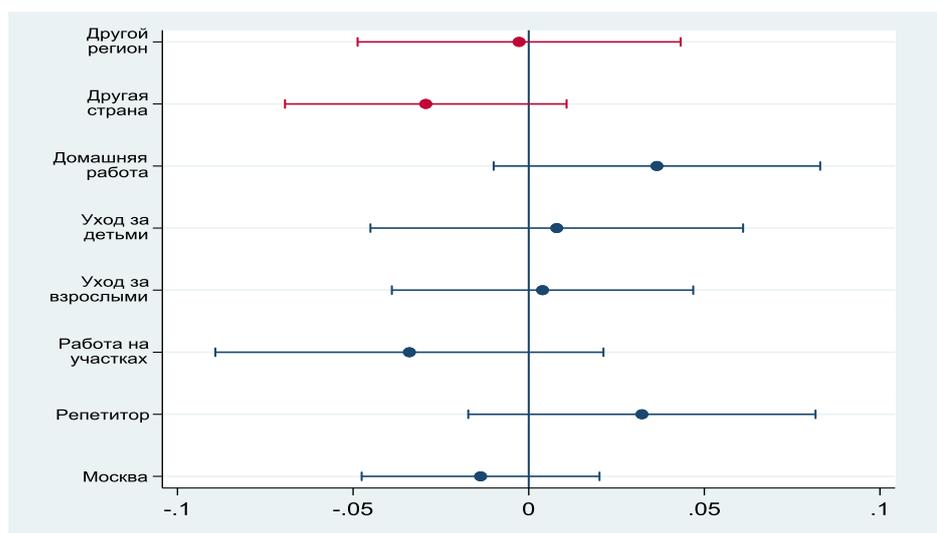

Рис. 2. Результаты регрессионного анализа факторов удовлетворенности работой женщины-работницы, предельные эффекты, 95 %-й доверительный интервал

Наем женщин-работниц домохозяйствами разных доходных групп.

Данные опроса позволяют проанализировать структуру найма работниц в зависимости от доходов домохозяйства. Для этого на основе субъективной оценки респондентов материального положения своих домохозяйств была построена переменная, принимающая три значения (высокие, средние, низкие доходы)⁵. Всего среди домохозяйств с опытом найма женщин-работниц 16 % имели низкие доходы, 61 % — средние и 23 % — относительно высокие.

Вне зависимости от доходов домохозяйств в структуре найма доминируют жительницы своего региона (табл. 3). Однако домохозяйства с низкими доходами менее склонны нанимать местных жительниц по сравнению с домохозяйствами, имеющими более высокий достаток (62,3 против 66,9—70,5 %), но при этом заметно чаще нанимают мигранток из других стран. В структуре найма в низкодоходных домохозяйствах иностранные работницы занимают практически

⁵ Мы полагали, что доходы домохозяйства высокие, если на вопрос об их оценке респондент выбирал вариант ответа «Могли бы купить автомобиль, но покупка квартиры/дома недоступна» или «Денег достаточно, чтобы купить все, что считаем нужным»; средние, если он выбирал вариант «Денег хватает на еду и одежду, но на более крупные покупки (холодильник, телевизор) не хватает» или «Денег хватает на товары длительного пользования и отдых, но покупка автомобиля недоступна»; низкие, если он выбирал ответ «На еду денег хватает, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно» или «Денег не хватает даже на еду».

четвертую часть (23,1 %), тогда как аналогичные показатели для домохозяйств со средним и высоким уровнем доходов — 14,6 и 17,9 % соответственно. Доля работниц — жительниц другого региона практически не меняется в зависимости от доходов домохозяйств.

Таблица 3

**Наем женщин-работниц домохозяйствами разных доходных групп
в разрезе постоянного места проживания работниц, %**

Уровень доходов	Свой регион	Другой регион	Другая страна	Всего
Низкий	62,3	14,3	23,1	100
Средний	70,5	15,0	14,6	100
Высокий	66,9	15,2	17,9	100

Наши результаты свидетельствуют, что женская миграция из других стран является важным источником помощи и поддержки для домохозяйств с относительно невысокими доходами. Видимо, труд иностранных мигранток оценивается несколько ниже или их используют на менее оплачиваемых работах. Возможно, в случае острой нужды (например, болезнь пожилого родственника, требующая постоянного ухода) наем иностранной работницы для бедных домохозяйств — единственный способ получить внешнюю помощь. Это можно считать весомым конкурентным преимуществом иностранных мигранток.

Пандемия COVID-19 и наем женщин-работниц. Больше половины опрошенных домохозяйств не изменили своих практик привлечения работниц в период коронавируса (табл. 4), чуть больше трети заявили о сокращении найма домашних работниц. По этому вопросу основные отличия проходят между нанимаемыми россиянками (как мигрантками, так и местными жительницами) и иностранками. Привлечение последних снизилось заметно больше: на 44 против 33—34 %. Возможно, большее сокращение найма иностранок объясняется тем, что с началом пандемии общее число мигрантов на территории России уменьшилось, а труд оставшихся подорожал. Косвенным подтверждением этой гипотезы служит ответ на вопрос о причинах сокращения найма: так, 49 % домохозяйств, ограничивших привлечение иностранок, заявили, что сделали это в связи с финансовыми трудностями и дороговизной работников; среди домохозяйств, нанимавших местных жительниц и внутренних мигранток, таких было 43 и 30 % соответственно.

Таблица 4

**Изменение объемов найма женщин-работниц домохозяйствами в период пандемии
в зависимости от места постоянного проживания работницы, %**

Изменение объемов найма	Все домохозяйства	Свой регион	Другой регион	Другая страна
Стали нанимать больше/чаще	3,9	4,5	1,5	3,6
Стали нанимать меньше/реже	35,3	33,3	34,3	44,1
Ничего не изменилось	60,7	62,2	64,2	52,4
<i>Всего</i>	100	100	100	100

Выводы

Проведенное исследование показало востребованность наемного труда домохозяйствами двух столичных городов — Москвы и Санкт-Петербурга. Почти каждое третье домохозяйство нанимало таких работников в последние три года, при этом 17 % домохозяйств использовали труд женщин.

Самой востребованной категорией работниц были жительницы того же региона, что и опрошенные: две трети домохозяйств, нанимавших женщин, пользовались их услугами. Остальные домохозяйства почти в равной пропорции нанимали иностранных мигранток и россиянок — жительниц других регионов страны.

При этом структура найма каждой категории женщин-работниц имеет свои особенности. Так, для жительниц своего региона самый распространенный вид занятости — репетиторство, одновременно внутренних мигранток для такой деятельности используют более чем в два раза реже, а иностранных — почти совсем не используют. С другой стороны, доля занятых домашней работой гораздо выше среди иностранок, чем среди россиянок обеих категорий; также иностранки в гораздо большей степени концентрируются в нише ухода за взрослыми (работают сиделками).

Что сближает все три рассмотренные категории — это удовлетворенность нанимателей трудом привлекаемой на работу женщины, редкость официального оформления договорных отношений при найме, а также способ поиска работницы — главным образом через родственников и знакомых. Россиянок также часто находят с помощью информации в Интернете, а иностранок — через специализированные агентства.

В целом мы видим, что в сфере ухода за детьми, частного репетиторства участие иностранных мигранток минимально, в то же время их присутствие заметно в сфере ухода за пожилыми и больными (в этой нише их даже больше, чем местных жительниц) и в сфере домашней работы (их больше, чем внутренних мигранток, но меньше, чем местных жительниц). При этом иностранные работницы фактически позволяют пользоваться наемным трудом более бедным домохозяйствам по сравнению с теми, которые нанимают местных работниц и даже внутренних мигранток. Это важное конкурентное преимущество данной категории работниц и одновременно подспорье низкоресурсным домохозяйствам.

Порождает ли значительное присутствие иностранных работниц в сфере ухода за пожилыми конкуренцию для россиянок — большой вопрос. Скорее, они заполняют полупустую нишу на рынке малопривлекательных работ, особенно в крупнейших городах. В свою очередь, уход иностранок из данной ниши способен породить напряжение вследствие невозможности заместить их российскими работницами. Тем более что на фоне пандемии сильнее сократился наем именно иностранных работниц в числе прочего по причине роста стоимости их услуг.

Список источников

- Гришина Е., Цацура Е. Влияние родственного ухода на занятость, здоровье и материальное положение ухаживающих // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 2. С. 152—117.
- Женщины-мигранты из стран СНГ в России / под ред. Е. В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс, 2011. 184 с.

- Илимбетова А. Факторы и экономические последствия женской трудовой миграции в Россию // Вестник Московского университета. Сер. 6, Экономика. 2013. № 4. С. 89—100.
- Карцева М. Занятость и здоровье «сэндвич-поколения» в России: эмпирический анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 324—344.
- Поletaев Д. Женская трудовая миграция из Центральной Азии в Россию: (на примере Таджикистана и Кыргызстана) // Женская миграция: формы, тенденции, последствия / под ред. С. В. Рязанцева, С. Ю. Сивоплясовой. М.: Экон-Информ, 2017. С. 34—55. (Демография. Социология. Экономика; т. 3, № 1).
- Положение домашних работников в мире: глобальная и региональная статистика и степень правовой защиты. Женева: МОТ, 2013. 146 с. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---travail/documents/publication/wcms_228679.pdf (дата обращения: 15.01.2022).
- Рочева А. Миграция как эмансипация?: гендерное измерение миграции в Россию // Теория и практика общественного развития. 2012. № 8. С. 105—107.
- Савоскул М. Сиделки из провинции в большом городе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 1. С. 127—135.
- Толстокорова А. Героини нашего времени: женская трудовая миграция из Украины // Диаспоры. 2012. № 1. С. 198—226.
- Тюрюканова Е. Женщины и современный миграционный режим // Космополис. 2003. № 5. С. 78—90.
- Тюрюканова Е., Малышева М. Женщины в международной трудовой миграции // Народонаселение. 2000. № 2. С. 91—101.
- Anderson B. *Doing the Dirty Work?: the Global Politics of Domestic Labour*. London; New York: Zed Books, 2000. 52 p.
- Cooking and caring, building and repairing: unpaid work around the world // *Society at a Glance 2011: OECD Social Indicators* / OECD. Paris: OECD Publishing, 2011. P. 9—27.
- Cortes P., Pan J. Outsourcing household production: foreign domestic workers and native labor supply in Hong Kong // *Journal of Labor Economics*. 2013. Vol. 31, № 2. P. 327—371.
- Cortes P., Tessada J. Low-skilled immigration and the labor supply of highly skilled women // *American Economic Journal: Applied Economics*. 2011. Vol. 3, № 3. P. 88—123.
- Da Roit B., Weicht B. Migrant care work and care, migration and employment regimes: a fuzzy-set analysis // *Journal of European Social Policy*. 2013. Vol. 23, iss. 5. P. 469—486.
- Florinskaya Y. Impact of migration on the labor market in Moscow: the Muscovite perspective // *Studies on Russian Economic Development*. 2015. Vol. 26, № 2. P. 198—203.
- Furtado D. Immigrant labor and work-family decisions of native-born women // *IZA World of Labor*. 2015. URL: <https://wol.iza.org/uploads/articles/139/pdfs/immigrant-labor-and-work-family-decisions-of-native-born-women.pdf> (дата обращения: 15.01.2022).
- Furtado D., Hock H. Low skilled immigration and work-fertility tradeoffs among high skilled US natives // *American Economic Review*. 2010. Vol. 100, № 2. P. 224—228.
- Hazan M., Zoabi H. Do highly educated women choose smaller families? // *Economic Journal*. 2015. Vol. 125, iss. 587. P. 1191—1226.
- ILO Global Estimates on International Migrant Workers — Results and Methodology. 3rd ed. / International Labour Office. Geneva: International Labour Organization, 2021. 72 p. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_808935.pdf (дата обращения: 15.01.2022).
- Karachurina L., Florinskaya Y., Prokhorova A. Higher wages vs. social and legal insecurity: migrant domestic workers in Russia and Kazakhstan // *Journal of International Migration and Integration*. 2019. Vol. 20, iss. 3. P. 639—658.

- King-Dejardin A. The Social Construction of Migrant Care Work at the Intersection of Care, Migration and Gender: (Report). Geneva: ILO, 2019. 159 p. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---migrant/documents/publication/wcms_674622.pdf (дата обращения: 15.01.2022).
- Marchetti S., Venturini A. Mothers and grandmothers on the move: labour mobility and the household strategies of Moldovan and Ukrainian migrant women in Italy // *International Migration*. 2014. Vol. 52, iss. 5. P. 111—126.
- Peri G., Sparber C. Task specialization, immigration, and wages // *American Economic Journal: Applied Economics*. 2009. Vol. 1, № 3. P. 135—169.
- Rubin J., Rendall M. S., Rabinovich L., Tsang F., Janta B., van Oranje-Nassau C. Migrant Women in the EU Labour Force: Summary of Findings. Santa Monica (CA): RAND Corporation, 2008. 13 p. URL: https://www.rand.org/pubs/technical_reports/TR591z3.html (дата обращения: 17.01.2022).
- Smith-Hunter A. Diversity and Entrepreneurship: Analyzing Successful Women Entrepreneurs. Lanham (MD); Oxford: University Press of America, 2003. 157 p.
- Vanore M., Siegel M. The evolution of gendered migration trajectories from Moldova & Georgia // *Comparative Migration Studies*. 2015. Vol. 3, № 4. P. 1—21.
- Women at Work: a Global Outlook Report / Deloitte. 2018. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/About-Deloitte/gx-women-at-work-global-outlook-report.pdf> (дата обращения: 17.01.2022).
- Women on the Move: Migration, Care Work and Health. Geneva: World Health Organization, 2017. 100 p. URL: <http://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/259463/9789241513142-eng.pdf;jsessionid=52B90712F162DA3329459CB47D897530?sequence=1> (дата обращения: 17.01.2022).

References

- Anderson, B. (2002) *Doing the Dirty Work?: The Global Politics of Domestic Labour*, London, New York: Zed Books.
- Cooking and caring, building and repairing: unpaid work around the world (2011), in: *Society at a Glance 2011: OECD Social Indicators*, Paris: OECD Publishing.
- Cortes, P., Pan, J. (2013) Outsourcing household production: foreign domestic workers and native labor supply in Hong Kong, *Journal of Labor Economics*, vol. 31, no. 2, pp. 327—371.
- Cortes, P., Tessada, J. (2011) Low-skilled immigration and the labor supply of highly skilled women, *American Economic Journal: Applied Economics*, vol. 3, no. 3, pp. 88—123.
- Da Roit, B., Weicht, B. (2013) Migrant care work and care, migration and employment regimes: a fuzzy-set analysis, *Journal of European Social Policy*, vol. 23, iss. 5, pp. 469—486.
- Florinskaya, Y. (2015) Impact of migration on the labor market in Moscow: the Muscovite perspective, *Studies on Russian Economic Development*, vol. 26, no. 2, pp. 198—203.
- Furtado, D. (2015) Immigrant labor and work-family decisions of native-born women, *IZA World of Labor*, available from <https://wol.iza.org/uploads/articles/139/pdfs/immigrant-labor-and-work-family-decisions-of-native-born-women.pdf> (accessed 15.01.2022).
- Furtado, D., Hock, H. (2010) Low skilled immigration and work-fertility tradeoffs among high skilled US natives, *American Economic Review*, vol. 100, no. 2, pp. 224—228.
- Grishina, E., Tsatsura, E. (2020) Vliianie rodstvennogo ukhoda na zaniatost', zdorov'e i material'noe polozhenie ukhazhivaiushchikh [The effect of caring for older and disabled relatives on the employment, health and economic status of caregivers], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 7, no. 2, pp. 152—117.

- Hazan, M., Zoabi, H. (2015) Do highly educated women choose smaller families?, *Economic Journal*, vol. 125, iss. 587, pp. 1191—1226.
- Ilimbetova, A. (2013) Faktory i ekonomicheskie posledstviia zhenskoï trudovoï migratsii v Rossiiu [Factors and economic consequences of female labor migration to Russia], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, seriia 6, Òkonomika, no. 4, pp. 89—100.
- ILO *Global Estimates on International Migrant Workers — Results and Methodology* (2021), 3rd ed., Geneva: International Labour Organization, available from https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_808935.pdf (accessed 15.01.2022).
- Karachurina, L., Florinskaya, Y., Prokhorova, A. (2019) Higher wages vs. social and legal insecurity: migrant domestic workers in Russia and Kazakhstan, *Journal of International Migration and Integration*, vol. 20, iss. 3, pp. 639—658.
- Kartseva, M. (2021) Zaniatost' i zdorov'e "sendvich-pokoleniia" v Rossii: èmpiricheskiï analiz [Employment and health of the sandwich generation in Russia: empirical analysis], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 5, pp. 324—344.
- King-Dejardin, A. (2019) *The Social Construction of Migrant Care Work at the Intersection of Care, Migration and Gender*: (Report), Geneva: ILO, available from https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---migrant/documents/publication/wcms_674622.pdf (accessed 15.01.2022).
- Marchetti, S., Venturini, A. (2014) Mothers and grandmothers on the move: labour mobility and the household strategies of Moldovan and Ukrainian migrant women in Italy, *International Migration*, vol. 52, iss. 5, pp. 111—126.
- Peri, G., Sparber, C. (2009) Task specialization, immigration, and wages, *American Economic Journal: Applied Economics*, vol. 1, no. 3, pp. 135—169.
- Poletaev, D. (2017) Zhenskaia trudovaia migratsiia iz Tsentral'noï Asii v Rossiiu: (Na primere Tadjikistana i Kyrgystana) [Women's labor migration from Central Asia to Russia: (On the example of Tajikistan and Kyrgyzstan)], in: Riazantsev, S., Sivopliasova, S. (eds), *Zhenskaia migratsiia: formy, tendentsii, posledstviia*, Moscow: Ècon-Inform, pp. 34—55.
- Polozhenie domashnikh rabotnikov v mire: global'naia i regional'naia statistika i stepen' pravovoï zashchity* (2013) [Domestic workers across the world: global and regional statistics and the extent of legal protection], Geneva: Mezhdunarodnaia organizatsiia truda, available from https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---travail/documents/publication/wcms_228679.pdf (accessed 15.01.2022).
- Rocheva, A. (2012) Migratsiia kak èmansipatsiia?: Gender dimension of migration to Russia], *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 8, pp. 105—107.
- Rubin, J., Rendall, M. S., Rabinovich, L., Tsang, F., Janta, B., van Oranje-Nassau, C. (2008) *Migrant Women in the EU Labour Force: Summary of Findings*, Santa Monica, CA: RAND Corporation, available from https://www.rand.org/pubs/technical_reports/TR591z3.html (accessed 17.01.2022).
- Savoskul, M. (2013) Sidelki iz provintsii v bol'shom gorode [Nurses from the provinces in the big city], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 1, pp. 127—135.
- Smith-Hunter, A. (2003) *Diversity and Entrepreneurship: Analyzing Successful Women Entrepreneurs*, Lanham, MD, Oxford: University Press of America.
- Tiuriukanova, E. (2003) Zhenshchiny i sovremennyï migratsionnyï rezhim [Women and the modern migration regime], *Kosmopolis*, no. 5, pp. 78—90.
- Tiuriukanova, E. (ed.) (2011) *Zhenshchiny-migranty iz stran SNG v Rossii* [Women migrants from the CIS countries in Russia], Moscow: MAKS Press.

- Tiuriukanova, E., Malysheva M. (2000) Zhenshchiny v mezhdunarodnoĭ trudovoĭ migratsii [Women in international labor migration], *Narodonaselenie*, no. 2, pp. 91—101.
- Tolstokorova, A. (2012) Geroini nashego vremeni: zhenskaia trudovaia migratsiia iz Ukrainy [Heroines of our time: female labor migration from Ukraine], *Diaspory*, no. 1, pp. 198—226.
- Vanore, M., Siegel, M. (2015) The evolution of gendered migration trajectories from Moldova & Georgia, *Comparative Migration Studies*, vol. 3, no. 4, pp. 1—21.
- Women at work: A Global Outlook Report*, Deloitte, 2018, available from <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/About-Deloitte/gx-women-at-work-global-outlook-report.pdf> (accessed 17.01.2022).
- Women on the Move: Migration, Care Work and Health* (2017), Geneva: World Health Organization, available from <http://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/259463/9789241513142-eng.pdf;jsessionid=52B90712F162DA3329459CB47D897530?sequence=1> (accessed 17.01.2022).

Статья поступила в редакцию 20.01.2022; одобрена после рецензирования 12.03.2022; принята к публикации 26.03.2022.

The article was submitted 20.01.2022; approved after reviewing 12.03.2022; accepted for publication 26.03.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Флоринская Юлия Фридриховна — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия, jflorin@yandex.ru (Cand. Sc. (Geography), Leading Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation).

Мкртчян Никита Владимирович — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия, nmkrtyan@hse.ru (Cand. Sc. (Geography), Leading Researcher, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), Moscow, Russian Federation; Leading Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation).

Карцева Марина Анатольевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), г. Москва, Россия, mkartseva@mail.ru (Cand. Sc. (Economy), Senior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 103—118.

Woman in Russian Society. 2022. No. 2. P. 103—118.

Научная статья

УДК 316.356.2

DOI: 10.21064/WinRS.2022.2.8

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ СТАРШЕКЛАСНИКОВ: ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И МОДЕЛЕЙ ПЛАНИРУЕМОЙ СЕМЬИ

Константин Сергеевич Дивисенко

Социологический институт РАН — филиал, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия,
k.divisenko@socinst.ru

Изучение жизненных целей и стратегий их достижения, подразумевающих баланс профессиональной и приватной (семейной) сфер, представляет интерес для анализа гендерного порядка, воспроизводящегося не только на институциональном уровне, но и в личном биографическом проекте. На примере жизненных планов старшеклассников в статье обосновывается предположение о наличии у девушек и юношей гендерно-маркированных моделей будущей жизни, которые связаны с планируемой семьей и работой. Результаты подтверждают, что выявленные модели, задаваемые ориентацией на патриархатность и эгалитарность, а также репродуктивными намерениями, оказались связанными не только с профессиональными планами, но и с различным жизненным опытом старшеклассников. Анализ пересечения различных факторов социальной дифференциации, репрезентированных в представлениях старшеклассников о своем будущем, позволяет говорить о наличии гендерно-маркированных сценариев биографического проектирования.

Ключевые слова: биографический проект, старшеклассники, гендерные идеалы, конструирование будущего, патриархатность, эгалитарность, баланс семьи и работы

Для цитирования: Дивисенко К. С. Биографический проект старшеклассников: пересечение гендерных представлений и моделей планируемой семьи // Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 103—118.

Original article

HIGH SCHOOL STUDENTS' BIOGRAPHICAL PROJECT: INTERSECTION OF GENDER REPRESENTATION AND THE MODELS OF PROSPECTIVE FAMILY

Konstantin S. Divisenko

Sociological Institute of the RAS — Branch, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation, k.divisenko@socinst.ru

The study of life goals and strategies for its achievement related to the balance of professional and private (family) spheres is of interest for analysis of the gender order, reproduced not only at the institutional level but also in a personal biographical project. Referring to the example of the life plans of high school students, the article substantiates the assumption that males and females' models of future lives associated with prospective family and work are gender-marked. The ideas of intersectional analysis were used to identify models for future life determined by the intersection of various dimensions: gender, family, and profession. The results confirm that the patriarchal female ideal is accepted by both males and females, but the patriarchal male ideal is supported mainly by the self-awareness of young men. The discovered models, defined by the patriarchal and egalitarian orientation, and reproductive intentions are associated not only with professional plans, but also with various life experiences of high school students. An analysis of the intersection of various factors of social differentiation represented in high school students' ideas about their future allows us to suppose that scenarios of biographical project are gender-marked. Genderization of biographical project even of the most homogeneous social group reproduces current gender order and the consequent opportunities/limitations for family and work combination. The discovered complex of material exclusion and subjective ill-being, which explains both males and females' rejection of traditionalism, is of particular interest for the following studies of the factors that transform the gender ideology of modern Russian society.

Key words: biographical project, high school students, gender ideals, constructing the future, patriarchy, egalitarianism, work-family balance

For citation: Divisenko, K. S. (2022) Biograficheskiĭ proekt starsheklassnikov: peresechenie gendernykh predstavleniĭ i modelei planiruemoĭ sem'i [High school students' biographical project: intersection of gender representation and the models of prospective family], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2, pp. 103—118.

Введение. Постановка задачи

В современных социальных условиях, определяемых разнообразием форм семейных отношений и активным становлением новых форм занятости, проблема совмещения работы и семьи продолжает оставаться значимой как для государственной политики, ориентированной на решение демографических проблем, так и для самих работающих.

Как отмечается в ряде отечественных исследований, семейная политика в современной России, несмотря на неолиберальные тенденции, во многом определяется советскими гендерно-асимметричными принципами поддержки семей с детьми [Чернова, 2017; Барсукова, Радаев, 2000]. Воспроизводство гендерного неравенства продолжает обеспечиваться правовым полем посредством атрибутирования женщинам сферы заботы о детях, что предполагает двойную нагрузку: выполнение ими своей профессиональной деятельности и поддержку семьи. Сложившийся в позднесоветское время и наиболее распространенный гендерный контракт «работающей матери» в настоящее время становится более вариативным [Тартаковская, 2017]. Культурные и экономические изменения преобразуют старые и формируют новые конфигурации контрактов [Роткирх, Темкина, 2007], связанные как с эгалитарным допущением карьерных возможностей для матерей, так и с полным или частичным их отказом от профессиональной деятельности.

Что касается трансформации роли мужчины в семье и образа мужественности, то, по мнению ряда исследователей, этот процесс носит глобальный характер [Кон, 2010; Здравомыслова, Темкина, 2018; Чернова, 2019], определяемый социально-экономическими факторами, в первую очередь изменениями в разделении труда, в распределении власти и в семейных отношениях. Советский гендерный контракт «работающей матери», базировавшийся на дешевом женском труде, способствовал поддержанию низких зарплат и у мужчин [Айвазова, 2011: 15—16], что нарушало традиционный гендерный порядок: предписанная мужчине патриархатной маскулинностью идентичность добытчика подрывалась либо оказывалась в зоне риска. Вместе с тем постиндустриальное устройство общества с перемещением занятости, в том числе мужской, в сферу услуг выдвигает альтернативные патриархатному гендерному порядку модели мужественности. Эгалитарные устремления мужчин, заключающиеся в совмещении профессиональной сферы и заботы о семье/детях, определяют различные формы отцовства. Но «вовлеченное» и «новое» отцовство [Клецина, 2009] сталкивается все еще с жесткой гендерной асимметрией в сфере труда [Lipasova, 2016], предлагающей для мужчин преимущественно дизъюнктивное «или» между семьей и работой. Несмотря на развитие альтернативных моделей, определенная реконфигурация патриархатного гендерного порядка начала наблюдаться в постсоветской России, когда сформировался образ «настоящего мужчины», который занят «мужской» работой, успешен, материально состоятелен, ориентирован на статусное потребление [Ушакин, 2002; Ваньке, Тартаковская, 2016]. В настоящее время успешность также продолжает конституировать образы идеальной маскулинности, однако связанные с разными способами самоутверждения и самореализации: «мужчины с ружьем» и «мужчины с компьютером» [Тюрина, 2020]. В целом же усложняющийся российский гендерный порядок, связанный с культурным разнообразием, позволяет мужчине усматривать основание для достижения успеха не только в трудовой и финансовой сферах, но и в семейных отношениях и/или отцовстве.

В изучении жизненных стратегий старшеклассников, в отличие от других групп молодежи, например от работающих студентов или «молодых взрослых» [Чернова, Шпаковская, 2010], имеются определенные особенности, связанные

с социальными и психологическими факторами. Старшеклассники, не имея опыта самостоятельной жизни, обладают, предположительно, более гибкой и открытой системой возможностей для биографического проектирования, поскольку и гендерная идеология, и «трудовая этика» российского капитализма могла быть только воспринята ими, но еще жестко не зафиксирована личной практикой. В связи с этим возникает небезынтересный вопрос о феномене воображаемой жизни (и его вариативности), в котором кумулируются жизненные цели и стратегии их достижения, касающиеся в том числе баланса профессиональной и приватной (семейной) сфер. Эти представления биографически детерминируются как социально-экономическим статусом семьи, обеспечивающим не только выбор, но даже и саму возможность образования и соответственно профессионализации в той или иной области, так и взглядами на гендерно-обусловленные практики и стратегии достижения желаемого положения в профессиональной и семейной сферах.

Для выявления отдельных моделей будущей жизни, определяемых пересечением различных измерений (гендерное, семейное, профессиональное), нами используются идеи интерсекционального анализа [Yuval-Davis, 2006; Nash, 2008]. Данный подход предполагает анализ взаимосвязанных и взаимодействующих факторов, обуславливающих неравенство в социальной локации индивидов и влияющих на их дальнейший жизненный путь. Интерсекциональный анализ соответствует повестке современных гендерных исследований, в поле внимания которых попадает не столько оппозиция мужского и женского, сколько более фундаментальные процессы воспроизводства неравенства, которые обусловлены «множественностью гендерных позиций, порожденных комплексным действием механизмов господства и угнетения» [Здравомыслова, Темкина, 2018: 53]. Однако если в эмпирических исследованиях, использующих этот подход [Тартаковская, 2015; Уткина, Гаспарян, 2019], изучаются процессы, обуславливающие реальные локации, то особенностью настоящего исследования является анализ воображаемых локаций будущего, одновременно определяемых как гендерными представлениями, так и жизненными планами. Основная же задача статьи — эмпирическое обоснование предположения о наличии у девушек и юношей, учащихся в старших классах, гендерно-окрашенных типов представлений о будущей семье, которые связаны также и с планируемой профессиональной траекторией.

Согласно логике интерсекционального подхода, ориентированного прежде всего на выявление типов представлений, обусловленных пересечением различных факторов социальной дифференциации, мы не ставим перед собой задачу достижения репрезентативности результатов, т. е. возможности говорить о степени распространенности того или иного типа. Для нас важно описание самих типов/моделей планируемой жизни, обусловленных гендерно-семейными представлениями. В связи с этим проведение эмпирического исследования было ограничено одним учебным заведением, а объем выборочной совокупности определялся предполагаемым числом моделей и необходимым минимумом случаев для их корректного сопоставления и выявления статистически достоверных различий.

Методы и данные

В анкету, предлагавшуюся школьникам для самостоятельного заполнения, были включены вопросы, касающиеся их планов на будущее — как сферы образования и занятости, так и брачно-семейных отношений. Опрос проведен в 2018/19 учебном году среди учащихся 8—11-х классов в одной из гимназий Санкт-Петербурга ($n = 223$, 121 девушка и 102 юноши).

В анкете была использована авторская методика Н. А. Нечаевой [Нечаева, 2017], фиксирующая понятия об идеальных представителях обоих полов и позволяющая выявить ориентацию на патриархатность (признание гендерного неравенства и активной роли мужчины) или эгалитарность (отрицание гендерного неравенства и утверждение необходимости самореализации женщины в различных сферах социальной жизни). Поскольку устанавливаемые с помощью этой методики эталонные образы являются общими ориентирами в гендерном сознании [Нечаева, 2019: 119], мы полагаем, что они не только связаны с идеализированными женщинами и мужчинами, но и соотносятся с представлениями об идеальных супругах (для тех, кто не исключает в своем биографическом проекте возможности вступления в брак).

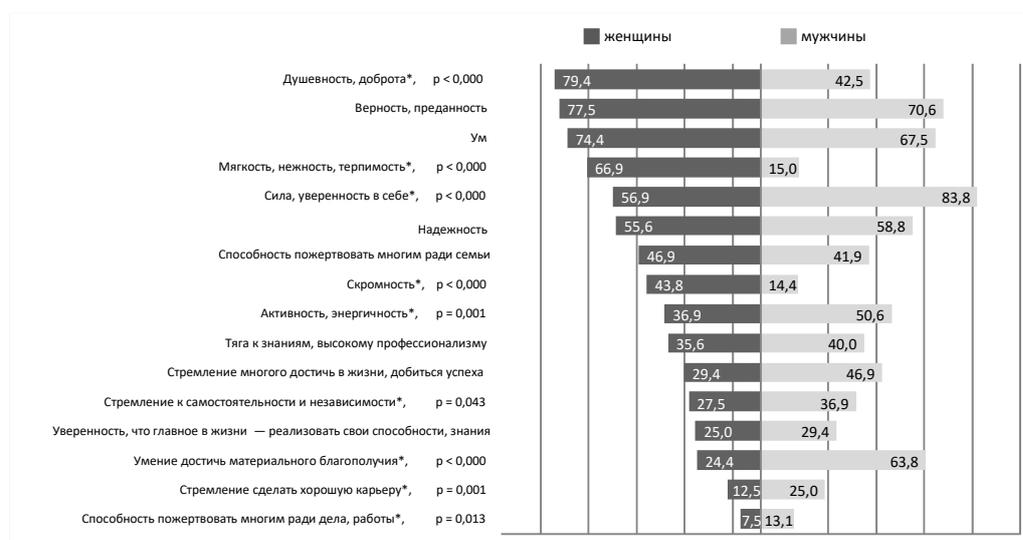
На этапе статистического анализа данных использовались методы многомерного шкалирования (ALSCAL), иерархический кластерный анализ (метод Уорда), при анализе сопряженности переменных — параметрические и непараметрические статистики, соответствующие типам переменных и характеру распределения: дисперсионный анализ ANOVA, медианный тест (MT), критерий Краскела — Уоллиса (K-W), критерий Мак-Нимара, ϕ -критерий Фишера (ϕ), коэффициент Крамера (V), коэффициент Кендалла (τ - c), критерий линейно-линейной связи (LLA).

Результаты исследования

Перед тем как перейти к выявлению моделей планируемой жизни, рассмотрим конституирующие их гендерные идеалы и представления о будущей семье.

Представления об идеальных женщинах и мужчинах. В наделении респондентами идеальных мужчин и женщин отдельными чертами наблюдается достаточно четкая гендерная дифференциация. При парном сравнении соответствующих 16 черт по критерию Мак-Нимара для парных выборок выявлено 9 значимых различий (рис.).

Идеальная женщина, по мнению старшеклассников, наделена в первую очередь такими чертами, как душевность, верность, ум, мягкость, сила, надежность. Все эти черты, за исключением последних двух, в традиционном гендерном сознании приписываются женщине. Наименее значимыми для идеала женщины стали традиционно мужские характеристики: способность пожертвовать чем-либо ради работы, сделать хорошую карьеру, достичь материального благополучия, реализовать свои знания, добиться самостоятельности. Вместе с наиболее значимыми вторая группа черт в целом подтверждает ориентацию школьников, особенно юношей, на патриархатные ценности. Значимость карьеры, самостоятельности и силы достоверно выше в ответах девушек ($\phi = 0,209$, $p = 0,009$; $\phi = 0,249$, $p = 0,002$ и $\phi = 0,162$, $p = 0,041$ соответственно). Однако юноши наделяют идеальную женщину как активностью, так и верностью ($\phi = 0,185$, $p = 0,020$ и $\phi = 0,187$, $p = 0,019$).

Распределение черт идеальных женщин и мужчин, %
(сумма превышает 100 %, так как каждый респондент должен был отметить 7 из 16 черт;
значимые различия отмечены «*»)

Идеальный мужчина, на первый взгляд, также обладает преимущественно патриархатными чертами: сильный, верный, умный, способный достичь материального благополучия и надежный. Для него почти не характерно быть мягким и скромным. Примечательно, что при этом к нему не предъявляются требования достижений в профессии: реализации собственных знаний, построения карьеры и готовности пожертвовать многим ради работы. Здесь фиксируются явные сдвиги в понимании мужчины, который обладает маскулинными чертами, не подкрепленными реализацией себя в профессиональной сфере. Девушки видят мужчину в большей мере, чем юноши, верным (это «зеркальное» ожидание, также и для юношей в женском идеале эта черта более важна, чем для девушек, — $\varphi = 0,347$, $p < 0,000$), надежным ($\varphi = 0,190$, $p = 0,017$), душевным ($\varphi = 0,260$, $p = 0,001$), мягким ($\varphi = 0,228$, $p = 0,004$), готовым пожертвовать многим ради семьи ($\varphi = 0,182$, $p = 0,022$). Мужчина, таким образом, по их мнению, должен обладать фемининными чертами, если мы за точку отсчета берем патриархатные воззрения. Юноши, как и в случае женского идеала, придерживаются традиционных ценностей, преимущественно видя мужчину активным ($\varphi = 0,216$, $p = 0,007$), стремящимся к знаниям ($\varphi = 0,178$, $p = 0,026$), самореализации ($\varphi = 0,254$, $p = 0,002$), готовым пожертвовать многим ради работы ($\varphi = 0,166$, $p = 0,039$), но в то же время и скромным ($\varphi = 0,281$, $p < 0,000$).

Распределение черт в целом свидетельствует о том, что юноши в большей мере, чем девушки, сторонники традиционных воззрений: мужчина активный, ориентированный на самостоятельность и профессиональную область, женщина же должна обладать преимущественно эмоциональным капиталом, а не нацеленностью на профессиональные достижения. Девушки, напротив, более склонны к эгалитарным ориентирам, но, тем не менее, поддерживают и традиционные воззрения. У них наблюдается интенция выравнивания идеалов — наделение

мужчин традиционно женскими чертами, а женщин — мужскими. Парное сравнение соответствующих черт двух идеалов позволяет построить индекс тождественности гендерных идеалов как абсолютное число отдельных черт, которыми респонденты наделяют идеальных женщин и мужчин одновременно. Низкие значения индекса свидетельствуют о строгом различии образов представителей двух полов, а высокие — об отождествлении. Обращает на себя внимание, что юноши более четко разделяют идеальные образы представителей двух полов: индекс тождественности у них значительно ниже (3,7 против 4,8 у девушек; $F = 18,6$, $p < 0,000$).

Несмотря на то что в методике имеется ключ для построения шкал, характеризующих выраженность у респондентов патриархатных или эгалитарных взглядов [Нечаева, 2017: 165], в нашем исследовании проведена своя эмпирическая проверка, обусловленная тем, что респонденты представляют собой достаточно специфическую в возрастном плане группу. Многомерное шкалирование переменных, характеризующих каждый из двух гендерных идеалов, показало, что в целом в обоих случаях выделяются 2 большие группы, объединяющие с некоторыми вариациями патриархатные или эгалитарные характеристики, что свидетельствует о валидности методики, несмотря на наличие отдельных «маргинальных» переменных, несколько отстоящих от более сплоченных группирований.

Результаты шкалирования также позволяют выделить по близости координат переменных в двумерном пространстве более дробные образования, которые мы обозначим как паттерны (относительно устойчивые взаимосвязи черт) гендерного идеала. Так, в *женском идеале* оказались близкими такие черты, как верность, преданность; мягкость, нежность, терпимость; душевность, доброта; ум, что позволяет обозначить это группирование как паттерн традиционных патриархатных воззрений. Эгалитарные же черты образовали две близкие, но относительно самостоятельные группы. Одна из них объединила следующие характеристики: стремление к независимости, самостоятельности, тягу к знаниям, высокому профессионализму; уверенность, что главное в жизни — реализовать свои способности, знания; умение достичь материального благополучия. Другая — стремление сделать хорошую карьеру, способность пожертвовать многим ради дела, работы; стремление многого достичь в жизни, добиться успеха. Таким образом, в женском идеале налицо 3 паттерна: патриархатный, эгалитарно-независимый с акцентом на самореализацию и эгалитарно-профессиональный.

В *мужском идеале* выделяются также несколько относительно самостоятельных группирований черт. На основании не только близости их друг к другу, но и возможности интерпретации выделим 3. Первое соотносится с традиционными взглядами на мужчину и объединяет такие черты, как стремление к самостоятельности и независимости; уверенность, что главное в жизни — реализовать свои способности, знания; стремление сделать хорошую карьеру; тяга к знаниям, высокому профессионализму; активность, энергичность; стремление многого достичь в жизни, добиться успеха. Второе определяется такими чертами, как способность пожертвовать многим ради семьи, душевность, доброта; верность, преданность; надежность. Третье объединяет три переменные, которые характеризуют мужчину как мягкого, нежного, терпимого; скромного; способного (в то же время) пожертвовать многим ради работы. Первый паттерн

мужского идеала условно обозначим как патриархатный, второй — эгалитарно-семейный, третий — эгалитарно-профессиональный.

Для дальнейшего анализа построены 6 субшкал (средние значения соответствующих переменных), отражающих ориентацию каждого респондента на выявленные 3 паттерна женского гендерного идеала и 3 — мужского.

Представления о будущей семье. Относительно будущей семьи в анкете задавались два вопроса: «Планируете ли Вы в будущем создать свою собственную семью?» и «Сколько детей Вам хотелось бы иметь?». На первый из них 78 % респондентов ответили утвердительно, 8 % дали отрицательный ответ, оставшиеся 14 % отметили вариант «Другое», который предполагал пояснение. Оказалось, что затруднение с однозначным ответом связано с тремя основными причинами: на данный момент респонденты не представляют будущее, либо не задумывались над этим, либо не берутся прогнозировать. Согласно ответам на второй вопрос, среднее число желаемых детей у девушек выше и составляет 1,76, а у юношей — 1,43 ($F = 6,1, p = 0,015$, среднее по массиву $1,62 \pm 0,82$). На основе ответов о числе желаемых детей была построена переменная, характеризующая тип семьи: бездетная, однодетная, двухдетная и семья с 3 и более детьми. Сопряжение двух переменных (планирование создания семьи и число желаемых детей) показано в таблице 1.

Таблица 1

Планы школьников относительно создания в будущем собственной семьи, %

Тип семьи	Планируете ли Вы в будущем создать свою собственную семью?			
	Да	Нет	Другое	Итого
Бездетная	2,3	5,0	5,0	12,3
Однодетная	24,1	2,3	5,0	31,4
Двухдетная	39,1	0,0	2,7	41,8
С 3 и более детьми	13,2	0,5	0,9	14,5
<i>Всего</i>	78,6	7,7	13,6	100,0

Примечание. При ответе на вопрос о числе планируемых детей 19 % респондентов указали не конкретное число, а диапазон, поэтому средние значения в этом случае были перекодированы с округлением в меньшую сторону.

Модели планируемой жизни. Согласно выдвигаемому предположению о наличии «сцепки» гендерных представлений и планов по созданию в будущем собственной семьи проведен кластерный анализ на основе переменных, характеризующих ориентацию на вышеописанные паттерны женского и мужского гендерного идеала и тип планируемой семьи. Обнаружено 3 кластера, идентификация которых представлена в таблице 2.

Представители первого кластера ориентируются на патриархатный тип идеальной женщины и преимущественно на эгалитарно-семейный идеал мужчины, но не исключают и эгалитарно-профессиональный, при этом среднее число планируемых детей достигает максимального показателя — 1,73. Для респондентов, принадлежащих ко второму кластеру, напротив, фиксируется минимальное значение этого показателя — 1,20, а идеальными оказываются эгалитарные паттерны: независимая женщина, женщина-профессионал, эгалитарно-профессиональный тип мужчины.

Третий кластер объединил тех учащихся, которые больше всего ценят патриархатные черты в женщинах и мужчинах. Как и у представителей первого кластера, среднее число желаемых детей у них достаточно высокое — 1,66. Выявленные модели семейно-гендерных представлений, соответствующие трем кластерам, обозначим как семейную, феминистическую и традиционную.

Таблица 2

**Идентификация кластеров — моделей планируемой жизни,
средние значения субшкал**

Кластер/модель	Паттерны гендерного идеала						Число планируемых детей	Доля респондентов, %
	Паттерн женского гендерного идеала			Паттерн мужского гендерного идеала				
	Патриархатный	Эгалитарно-независимый	Эгалитарно-профессиональный	Патриархатный	Эгалитарно-семейный	Эгалитарно-профессиональный		
1	0,84	0,18	0,16	0,27	0,69	0,15	1,73	59,5
2	0,35	0,59	0,27	0,48	0,37	0,20	1,20	21,6
3	0,92	0,20	0,06	0,65	0,18	0,06	1,66	19,0
Среднее значение / всего	0,75	0,27	0,17	0,38	0,53	0,14	1,60	100,0

Примечание. Полу жирным шрифтом выделены максимальные значения, достоверно отличающиеся от обозначенных светлым шрифтом (ANOVA, апостериорный критерий Шеффе $p \leq 0,001$).

Рассмотрим, как соотносятся семейно-гендерные представления с другими планами респондентов на будущее и имеющимся жизненным опытом.

Относительно образовательной и профессиональной траектории представители первого и второго кластера (семейного и феминистического) в большей мере ориентированы на получение высшего образования и обучение в аспирантуре (К-W $\chi^2 = 9,2$, $p = 0,010$). Заметим, что имеются различия и в успеваемости: больше всего отличников принадлежат к первому кластеру ($V = 0,173$, $p = 0,030$), а успеваемость представителей третьего кластера (традиционная модель) ниже, чем у первого и второго ($\tau-c = 0,159$, $p = 0,021$).

Обнаруживается хоть и слабая, но статистически значимая связь с притязаниями к уровню должности, которую хотелось бы занять учащимся в будущем ($\tau-c = 0,133$, $p = 0,046$): учащиеся из третьего кластера (традиционная модель) в большей мере, чем другие, планируют занять руководящие должности, несмотря на то что меньше стремятся получить соответствующее образование. Они также значимо отличаются от первого кластера более высоким уровнем притязаний относительно будущего общественного положения и уровнем желаемого материального достатка (MT $p = 0,034$ и $p = 0,015$ соответственно). Эта же особенность

отразилась и в ответах на вопрос о зарработке: 70 % представителей первого кластера устроил бы размер зарплаты (когда они начнут работать) до 80 000 р., большая часть представителей второго и третьего ориентируются на диапазон от 80 000 до 150 000 р. (52 и 53 % соответственно — LLA 0,036).

Принципиальных различий в общем уровне готовности использовать разные стратегии и претерпевать трудности для реализации собственных планов не обнаружено, однако выявляются отдельные небезынересные предпочтения. Так, представители первого кластера в большей мере, чем другие, планируют поехать для работы за границу (LLA $p = 0,034$) и ориентируются на выполнение интересной работы (LLA $p = 0,028$). Представители второго кластера отличаются от всех прочих тем, что они в большей мере готовы выполнять работу, требующую частой разлуки с семьей, и даже пожертвовать чувствами при заключении брака (K-W $\chi^2 = 6,7$, $p = 0,036$ и $\chi^2 = 7,4$, $p = 0,025$ соответственно).

Относительно родительской семьи, в которой живут учащиеся, также выявлены отличия. Больше всего сиблингов у представителей третьего кластера, меньше всего — у второго (среднее число сиблингов по массиву составляет 0,9, для третьего и второго кластера — 1,1 и 0,6 соответственно, K-W $\chi^2 = 6,7$, $p = 0,035$). Соответствующая связь обнаруживается и с числом членов семьи, в которой живет респондент (K-W $\chi^2 = 8,1$, $p = 0,018$). Доля учащихся, воспитываемых родителем-одиночкой (в подавляющем числе случаев матерью), несколько выше во втором кластере и составляет 28 % (в первом и третьем 14 и 12 % соответственно), хотя эта особенность статистически незначима.

Ответы респондентов на вопрос о желании, чтобы их будущая семья была похожа на ту, в которой они живут в настоящее время, не только отражают установку на воспроизводство имеющихся семейных отношений в родительской семье, но и являются косвенным индикатором удовлетворенности семейными отношениями. Оказалось, что только 30 % респондентов второго кластера хотели бы, чтобы их будущая семья была похожа на родительскую, в то время как у первого и третьего этот показатель составил 50 и 64 % соответственно. Аналогичная тенденция прослеживается и в распределении ответов на вопрос о планировании создания собственной семьи: только 55 % учащихся, ориентированных на эгалитарную модель, думают о создании семьи в будущем, в то время как в первом и третьем кластере таких оказалось 84 и 93 % соответственно ($\phi = 0,329$, $p = 0,002$).

Относительная однородность выборки, к сожалению, не дает возможности четко определить социально-структурные детерминанты дифференциации биографического проектирования, однако выявление связи с материальным и субъективным благополучием, а также особенностями родительской семьи позволяет говорить об определенной роли этих факторов в становлении семейно-гендерных представлений.

Несмотря на то что с прямой оценкой респондентами уровня материального благополучия родительской семьи связи не обнаружено, о роли материального положения свидетельствует другой, косвенный индикатор — нынешние жилищные условия. Согласно неравномерному распределению семей, проживающих в собственном доме, отдельной квартире и съемном жилье, материальное положение родителей несколько лучше у представителей третьего кластера,

а хуже у второго (К-В $\chi^2 = 6,9$, $p = 0,032$). У респондентов второго кластера также ниже доля учащихся, имеющих свою отдельную комнату, — 69,7 % (против 81,3 % в первом и 75,0 % в третьем ($V = 0,222$, $p = 0,021$)). Эта объективная данность четко коррелирует с субъективной оценкой — удовлетворенностью своими жилищными условиями (К-В $\chi^2 = 6,3$, $p = 0,043$) и желанием иметь в будущем большее количество комнат на члена планируемой семьи (МТ $\chi^2 = 6,5$, $p = 0,039$).

Психологическое неблагополучие также в большей мере испытывают представители второго кластера. Так, среди них доля назвавших себя «не очень счастливыми» и «абсолютно несчастливыми» значительно выше, чем у других, и составляет 25 % (аналогичная доля в первом и третьем кластерах составила 12 и 4 % соответственно). Для второго кластера характерна и меньшая удовлетворенность отношениями с членами собственной семьи (К-В $\chi^2 = 6,2$, $p = 0,045$).

При общей нерелигиозности старшеклассников (в целом только 17 % отметили значимость для себя Бога) наиболее верующим оказался первый кластер: доля отметивших высокую значимость Бога составила 21 %. Для второго и третьего этот показатель равняется 3 и 14 % соответственно (К-В $\chi^2 = 12,4$, $p = 0,002$).

Подведем итоги. *Первая модель* представлений о семейно-гендерных отношениях, которую мы обозначили как *семейную*, связана с патриархатным взглядом на идеальную женщину и эгалитарным — на мужчину, среди достоинств которого эмоциональные качества, забота о семье, ориентация на рождение детей. Этот тип представлений более характерен для девушек (72 % от общего числа респондентов, принадлежащих к этому кластеру). Для тех, кому близка эта модель, важно получить высокий уровень образования, но относительно будущего общественного положения, материального благополучия, карьерных амбиций они менее притязательны, чем другие старшеклассники. Показательно, что это наиболее религиозная группа: на материалах данного исследования невозможно говорить о влиянии религиозного фактора, однако фиксируется ориентация на неотрадиционную ценность полной семьи.

Вторую модель, феминистическую, характеризуют преимущественно эгалитарные взгляды на представителей двух полов. Ее сторонниками в равной мере являются и девушки, и юноши. Обращает на себя внимание, что эта модель, пожалуй, более, чем другие, оказалась связана с социальными и социально-психологическими факторами (родительской семьей и социальным самочувствием). Группа учащихся, придерживающихся этих взглядов, так же как и первая, ориентирована на получение высокого уровня образования, но отличается тем, что для нее оказываются важными ценности достижения. Возможно, относительно высокие притязания к будущему материальному положению и профессиональному росту связаны именно с переживанием в настоящее время материальной депривации и носят компенсаторный характер. Значимость материальной и профессиональной сфер подтверждается также стратегиями реализации жизненных планов, которые отнюдь не соотносятся с созданием семьи. Жизненный опыт этих школьников, определяемый низкой удовлетворенностью отношениями в родительской семье, проявляется в осознанном нежелании создавать семью и иметь детей.

Третья, традиционная модель основана на патриархатном понимании качеств идеальных женщин и мужчин. Группа учащихся, придерживающаяся этой модели, преимущественно состоит из юношей (86 %), они, так же как и сторонники семейной модели, ориентированы не только на создание семьи, но и на рождение детей, принципиальное отличие — в образе идеального мужчины. Сторонники этих взглядов отличаются меньшими успехами в успеваемости, они в меньшей мере озабочены получением высшего образования и обучением в аспирантуре, но обладают высокими амбициями относительно социального положения в будущем. Они выросли в семьях с большим количеством детей, чем другие опрошенные. Материальное положение их родительских семей достаточно высокое, а уровень субъективного благополучия самих респондентов значительно выше.

Обсуждение результатов и заключение

Проведенное исследование позволяет говорить о достаточно четком различии гендерно-семейных представлений у девушек и юношей и, следовательно, о женском и мужском видении будущего. В представлениях старшеклассников паттерны идеальной женственности и идеальной мужественности оказываются различными. Ревизии подвергся в первую очередь мужской гендерный идеал: если патриархатные черты женского идеала приемлются и девушками, и юношами, то патриархатность мужчины поддерживается преимущественно благодаря самосознанию юношей. Репродуктивные намерения старшеклассников, выражающиеся в желаемом числе детей, соответствуют характерному для россиян двухдетному идеалу [Тындик, 2012: 368], однако обращает на себя внимание левостороннее смещение распределения и достаточно низкое среднее число желаемых детей в целом по массиву и еще меньшее — у юношей. Проблему баланса семьи и сферы занятости девушки, предполагающие семейное будущее, решают принятием контракта «работающей матери», ориентируясь на получение высокого уровня образования, но сознательно ограничивая свои притязания на карьерные достижения и материальную независимость. Альтернативный контракт «успешной женщины», отдающей приоритет независимости, карьере и эгалитарности, нежели созданию полной семьи, оказывается менее популярным, но принимается и девушками, и юношами.

Отмечаемое исследователями конструирование в настоящее время национальной самобытности российского общества, сопровождаемое апеллированием к архаической гендерной системе, традиционным семейным ценностям [Печерская, 2012] и восстановлению маскулинности [Воронина, 2016], в представлениях школьников скорее связано не с новой брутальностью мужчин, а, напротив, с их эмоциональным интеллектом.

Анализ пересечения различных факторов социальной дифференциации, репрезентированных в представлениях старшеклассников о своем будущем, позволяет говорить о наличии гендерно-маркированных сценариев биографического проектирования. Выявленные локации, задаваемые ориентацией на патриархатность и эгалитарность, а также репродуктивными намерениями, оказались связанными не только с профессиональными планами, но и с социальными факторами, очерчивающими различный жизненный опыт старшеклассников.

Эвристичность интерсекционального подхода в данном исследовании обусловлена тем, что благодаря ему стало возможным различие двух близких семейно-гендерных моделей, ориентированных на традиционные ценности, — патриархатный женский идеал и большую «детность». Принципиальным критерием дифференциации этих двух моделей стал патриархатный или эгалитарный образ мужчины, связанный с соответствующими интенциями в профессиональной сфере. Это обнаружение позволило понять особенности гендерных представлений школьников и отделить на эмпирическом уровне феномен собственно традиционализма (патриархатность) от неотрадиционализма, характеризуемого сохранением именно традиционной женственности при ослабленной мужественности, а не мачизма на фоне женской эмансипации.

Гендеризация биографического проектирования даже у достаточно однородной социальной группы (учащиеся одной школы) показательно воспроизводит гендерный порядок и обусловленные им возможности или ограничения для сочетания семьи и работы. Выявленный комплекс материального и субъективного неблагополучия, определяющий отказ от традиционализма как для девушек, так и для юношей, требует дальнейшего изучения для понимания факторов, трансформирующих гендерную идеологию современного российского общества.

Список источников

- Айвазова С. Г. Контракт «работающей матери»: нарушения или расторжение?: (к вопросу об особенностях гендерной политики в современной России) // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 3. С. 13—22.
- Барсукова С. Ю., Радаев В. В. Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // *Мир России: социология. Этнология*. 2000. № 4. С. 65—102.
- Ваньке А. В., Тартаковская И. Н. Трансформации маскулинности российских рабочих в контексте социальной мобильности // *Мир России: социология. Этнология*. 2016. № 4. С. 136—153.
- Воронина О. А. Гендерное измерение политики и культуры в России // *Ярославский педагогический вестник*. 2016. № 4. С. 172—177.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2018. № 6. С. 48—73.
- Клецина И. С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // *Женщина в российском обществе*. 2009. № 3. С. 29—41.
- Кон И. С. Маскулинность в меняющемся мире // *Вопросы философии*. 2010. № 5. С. 25—35.
- Нечаева Н. А. Гендерные идеалы молодежи (1999—2014 гг.) // *Петербургская социология сегодня*. 2017. № 8. С. 160—178.
- Нечаева Н. А. Гендерная картина мира: к определению понятия и его структуры // *Петербургская социология сегодня*. 2019. № 12. С. 114—133.
- Печерская Н. В. Мифология родительства: анализ дискурсивного производства идеальной семьи // *Журнал исследований социальной политики*. 2012. Т. 10, № 3. С. 323—342.
- Роткирх А., Темкина А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // *Российский гендерный порядок: социологический подход*

- / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 169—200.
- Тартаковская И. Н. Воспроизводство гендерного порядка через карьерные стратегии: попытка интерсекционального анализа // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 84—93.
- Тартаковская И. Н. Женственность прекарности // ИНТЕР. 2017. Т. 1, № 14. С. 45—53.
- Тындик А. О. Репродуктивные установки и их реализация в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2012. № 3. С. 361—376.
- Тюрин Е. Кто такой настоящий мужчина в 2020-м?: социолог рассказывает, как меняется понимание маскулинности: интервью с И. Тартаковской // Бумага. 2020. URL: <https://paperpaper.ru/campus/kto-takoj-nastoyashij-muzhchina-v-2020-m-socio/> (дата обращения: 12.03.2020).
- Уткина В. В., Гаспарян С. А. Ограничения при приеме на государственную гражданскую службу в РФ для молодых женщин: (на основе эксперимента) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 259—279.
- Ушакин С. А. Видимость мужественности // О муже(N)ственности / сост. С. Ушакин. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 479—503.
- Чернова Ж. В. Рабочее место, дружественное семье: политические инициативы, позиция работодателя и типы поддержки работников с семейными обязанностями // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20, № 1. С. 93—113.
- Чернова Ж. В. Незавершенная гендерная революция // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 222—242.
- Чернова Ж., Шпаковская Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // Laboratorium. 2010. № 3. С. 19—43.
- Lipasova A. Fatherhood models in the middle class of contemporary Russia // Russian Sociological Review. 2016. Vol. 15, № 4. P. 202—214.
- Nash J. C. Re-thinking intersectionality // Feminist Review. 2008. Vol. 89, № 1. P. 1—15.
- Yuval-Davis N. Intersectionality and feminist politics // European Journal of Women's Studies. 2006. Vol. 13, № 3. P. 193—209.

References

- Aïvazova, S. G. (2011) Kontrakt “rabotaiushcheĭ materi”: narusheniia ili rastorzheniie?: (K voprosu ob osobennostiakh gendernoĭ politiki v sovremennoĭ Rossii) [Contract of the “working mother”: violations or termination?: (To the question of the features of gender policy in modern Russia)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 13—22.
- Barsukova, S. Iu., Radaev, V. V. (2000) Legenda o genere. Printsipy raspredeleniia truda mezhdu suprugami v sovremennoĭ gorodskoĭ sem'e [Legend of gender. The principles of the distribution of labor between spouses in a modern urban family], *Mir Rossii: Sotsiologiia. Ètnologiia*, no. 4, pp. 65—102.
- Chernova, Zh. V. (2017) Rabochee mesto, družhestvennoe sem'e: politicheskie initsiativy, pozitsiia rabotodatelia i tipy podderzhki rabotnikov s semeĭnymi obiazannostiami [A family-friendly workplace: political initiatives, the position of the employer, and types of support for workers with family responsibilities], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noĭ antropologii*, vol. 20, no. 1, pp. 93—113.

- Chernova, Zh. V. (2019) Nezavershënnaiia gendernaia revoliutsiia [The unfinished gender revolution], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Èkonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 2, pp. 222—242.
- Chernova, Zh., Shpakovskaia, L. (2010) Molodye vzroslye: supruzhestvo, partnërstvo i roditel'stvo. Diskursivnye predpisaniia i praktiki v sovremennoi Rossii [Young adults: marriage, partnership, and parenthood. Discursive prescriptions and practices in contemporary Russia], *Laboratorium*, no. 3, pp. 19—43.
- Kletsina, I. S. (2009) Ottsovstvo v analiticheskikh podkhodakh k izucheniiu maskulinnosti [Paternity in analytical approaches to the study of masculinity], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 29—41.
- Kon, I. S. (2010) Maskulinnost' v meniaiushchemsia mire [Masculinity in a changing world], *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 25—35.
- Lipaso, A. (2016) Fatherhood models in the middle class of contemporary Russia, *Russian Sociological Review*, vol. 15, no. 4, pp. 202—214.
- Nash, J. C. (2008) Re-thinking intersectionality, *Feminist Review*, vol. 89, no. 1, pp. 1—15.
- Nechaeva, N. A. (2017) Gendernye idealy molodëzhi (1999—2014 gg.) [Gender ideals of youth (1999—2014)], *Peterburgskaia sotsiologiia segodnia*, no. 8, pp. 160—178.
- Nechaeva, N. A. (2019) Gendernaia kartina mira: k opredeleniiu poniatia i ego struktury [Gender worldview: to the definition of a concept and its structure], *Peterburgskaia sotsiologiia segodnia*, no. 12, pp. 114—133.
- Pecherskaia, N. V. (2012) Mifologiia roditel'stva: analiz diskursivnogo proizvodstva ideal'noi sem'i [Parenthood mythology: analysis of the discursive production of an ideal family], *Zhurnal issledovaniï sotsial'noi politiki*, vol. 10, no. 3, pp. 323—342.
- Rotkirch, A., Temkina, A. (2007) Sovetskie gendernye kontrakty i ikh transformatsiia v sovremennoi Rossii [Soviet gender contracts and their transformation in modern Russia], in: Zdravomyslova, E., Temkina, A. (eds), *Rossiiskii gendernyi poriadok: sotsiologicheskii podkhod*, St. Petersburg: Izdatel'stvo Europeïskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 169—200.
- Tartakovskaia, I. N. (2015) Vosproizvodstvo gendernogo poriadka cherez kar'ernye strategii: popytka interseksional'nogo analiza [Reproduction of gender order through career strategies: an attempt of intersectional analysis], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 84—93.
- Tartakovskaia, I. N. (2017) Zhenstvennost' prekarnosti [Femininity of precariousness], *INTER*, vol. 1, no. 14, pp. 45—53.
- Tiurina, E. (2020) Kto takoi nastoiashchii muzhchina v 2020-m?: Sotsiolog rasskazyvaet, kak meniaetsia ponimanie maskulinnosti: Interv'iu s I. Tartakovskoi [Who is a real man in 2020?: A sociologist tells how the understanding of masculinity is changing: Interview with Tartakovskaya], *Bumaga*, available from <https://paperpaper.ru/campus/kto-takoj-nastoyashij-muzhchina-v-2020-m-socio/> (accessed 12.03.2020).
- Tyndik, A. O. (2012) Reproaktivnye ustanovki i ikh realizatsiia v sovremennoi Rossii [Reproductive attitudes and their implementation in modern Russia], *Zhurnal issledovaniï sotsial'noi politiki*, no. 3, pp. 361—376.
- Ushakin, S. A. (2002) Vidimost' muzhestvennosti [Visibility of masculinity], in: *O muzhe(N)stvennosti*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 479—503.
- Utkina, V. V., Gasparian, S. A. (2019) Ogranicheniia pri priëme na gosudarstvennuiu grazhdanskuiu sluzhbu v RF dlia molodykh zhenshchin: (Na osnove èksperimenta) [Restrictions for young women to enter the civil service in the Russian Federation: (Based on an experiment)], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Èkonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 6, pp. 259—279.
- Van'ke, A. V., Tartakovskaia, I. N. (2016) Transformatsii maskulinnosti rossiiskikh rabochikh v kontekste sotsial'noi mobil'nosti [The transformation of Russian working class

- masculinities in the context of social mobility], *Mir Rossii: Sotsiologiya. Étnologiya*, no. 4, pp. 136—153.
- Voronina, O. A. (2016) Gendernoe izmerenie politiki i kul'tury v Rossii [Gender dimension of politics and culture in Russia], *Jaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, no. 4, pp. 172—177.
- Yuval-Davis, N. (2006) Intersectionality and feminist politics, *European Journal of Women's Studies*, vol. 13, no. 3, pp. 193—209.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2018) Chto takoe "maskulinnost"? Poniatiinye otmychki kriticheskikh issledovaniĭ mužhchin i maskulinnosteĭ [What is "masculinity"? Conceptual keys to critical studies in men and masculinities], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ékonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 6, pp. 48—73.

Статья поступила в редакцию 10.10.2021; одобрена после рецензирования 25.12.2021; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 10.10.2021; approved after reviewing 25.12.2021; accepted for publication 29.04.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Дивисенко Константин Сергеевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Санкт-Петербург, Россия, k.divisenko@socinst.ru (Cand. Sc. (Sociology), Senior Researcher, Sociological Institute RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 119—127.

Woman in Russian Society. 2022. No. 2. P. 119—127.

Научная статья

УДК 316.346.2-055.2:659.1

DOI: 10.21064/WinRS.2022.2.9

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ В РЕКЛАМЕ: ОТ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ ДО ФЕМВЕРТАЙЗИНГА

Виктория Александровна Омеляненко

Российский университет дружбы народов,
г. Москва, Россия, omelianenko_va@rudn.university

Аннотация. Представлены результаты исследования гендерных стереотипов в современной национально ориентированной рекламе России. Мультиmodalный дискурс-анализ видеoverбальной рекламы XXI в. позволил выявить репрезентированные в ней ключевые женские образы, среди которых некрасовская женщина, женщина-рыцарь, эмансипированная женщина, бизнес-леди, феминистка. Доказано, что современная реклама отходит от бытующих на протяжении долгого времени в медиапространстве стереотипов, таких как: женщины — слабый пол; основное предназначение женщины — быть примерной женой и матерью; все женщины хотят удачно выйти замуж; умная женщина не может быть счастлива в личной жизни; женщина не имеет права на то, на что имеет право мужчина; место женщины — на кухне и т. п. Разрушение гендерных стереотипов происходит с помощью ориентированной на феминистски настроенную аудиторию стратегии фемвертайзинга, набирающей популярность в рекламном медиапространстве.

Ключевые слова: женщины в рекламе, мультиmodalный дискурс-анализ, гендерные стереотипы, телевизионная реклама, фемвертайзинг, мультиmodalность

Для цитирования: Омеляненко В. А. Образ современной женщины в рекламе: от стереотипизации до фемвертайзинга // Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 119—127.

Original article

THE IMAGE OF A MODERN WOMAN IN ADVERTISING: FROM STEREOTYPING TO FEMVERTISING

Viktoriiia A. Omelianenko

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation,
omelianenko_va@rudn.university

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the gender stereotypes in modern popular nationally-oriented advertising of Russia. A multimodal discourse analysis of modern video verbal advertising has revealed the key female images in Russian advertising of the XXI century such as a courageous woman, a knight woman, an emancipated woman, a business lady, a feminist. The facts provided in the article show that a modern TV commercial departs from the stereotypes that have been in the media space for a long time, such as: women are the weaker sex; the main purpose of a woman is to be an exemplary wife and mother; all women want to get married successfully; an intelligent woman can't be happy in her personal life; a woman doesn't have the right to what a man has the right to; a woman's place is in the kitchen, etc. The destruction of gender stereotypes occurs by means of the phenomenon of femvertising as a marketing and communication strategy. This strategy is rapidly gaining popularity in the advertising media space because there is a significant audience of feminists in Russia.

Key words: women in advertising, multimodal discourse analysis, gender stereotypes, television advertising, femvertising, multimodality

For citation: Omelianenko, V. A. (2022) *Образ современной женщины в рекламе: от стереотипизации до фемвертайзинга* [The image of a modern woman in advertising: from stereotyping to femvertising], *Zhenshchina v Rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 119—127.

Введение: постановка проблемы, методология, методы

Реклама как разновидность медиатекста [Современный медиатекст, 2011: 324—373] на сегодняшний день, с одной стороны, является важнейшим источником влияния на массовое сознание. С другой стороны, рекламный медиатекст представляет собой отражение массовой культуры и менталитета определенного народа. Исследователь психологического аспекта рекламы А. Н. Лебедев-Любимов справедливо отметил, что реклама как феномен массовой культуры «способна в своих наилучших творческих проявлениях формировать духовную культуру в самом высоком смысле» [Лебедев-Любимов, 2004: 7].

С целью выполнения своей основной функции — функции воздействия на потенциального потребителя — современная реклама апеллирует к различным манипулятивным приемам, среди которых эксплуатация различных стереотипов (этнических, национально-культурных, гендерных и т. п.). С помощью гендерных стереотипов «не только передаются сообщения о товаре, но и формируются общественное мнение, представления, а нередко и культурные модели» [Яндиева, 2011: 13]. Для определения такой рекламы используется термин национально ориентированная реклама, под которой понимается разновидность

коммерческой рекламы, репрезентирующей национальные ценности для продвижения товаров или услуг на внутреннем рынке определенной страны [Ремчукова и др., 2021: 49].

Гендерная специфика рекламы уже давно вызывает интерес исследователей. Объектом внимания ученых становились гендерное коммуникативное поведение [Стернин, 2003], языковая личность в гендерном измерении [Нерознак, 1999], коммуникативные стратегии в гендерном рекламном тексте [Яндиева, 2011] и т. д. На материале рекламных сообщений исследователи сравнивают образы мужчин и женщин в разных странах, например в России и Франции [Ремчукова, Страхова, 2016], в России и США [Карташкова, Савина, 2019]. Практически все исследователи в рекламном дискурсе XXI в. выделяют образ слабой зависимой женщины и сильного мужчины, что дает им повод утверждать гендерное неравенство [Гоголева, 2019] или даже проявления сексизма [Медведева, 2019]. Это отражает проблему гендерного неравенства, присущую современному российскому обществу в целом.

Характерным для постсоветской рекламы является образ женщины как объекта мужского удовольствия. Обнаженное женское тело автор книги «Женщина и визуальные знаки» О. В. Туркина метафорически называет «телом западной рекламы» [Туркина, 2000], демонстрация которого после падения железного занавеса была заимствована вместе с западными фильмами и товарами народного потребления. С таким утверждением можно согласиться, опираясь на конкретные примеры. Достаточно вспомнить рекламные видеоролики пива «Балтика», в одном из которых женщина в откровенном платье предстает в образе бутылки, поочередно появляется в жизни мужчин и в разных жизненных ситуациях вовремя подает бутылку пива. В рекламе пива «Три медведя» отдыхающие на природе мужчины называют женщин машеньками, замечая с сожалением, что *пиво есть, а машеньки нет*. Познакомившись с девушками, они произносят тост: *За машенек*. В другом ролике в ответ на просьбу женщины опустить ей бретель купальника мужчина отвечает наглым и насмешливым тоном: *Да, мужики, такую ляжку я тянуть согласен!*

В рекламе продуктов питания женщины обычно находятся у плиты, готовят ужин (чаще всего борщ), подают на стол. Особенно показательной стала рекламная кампания мясной продукции «Черкизово», в роликах которой женщины представлены слабыми и неспособными к выполнению простейшей физической работы (перенести колеса для машины, забить гвоздь, вкрутить лампочку, открыть банку с вареньем, поправить антенну на крыше и т. п.), и поэтому они вкусно кормят мужчин, чтобы добиться помощи: *Настоящие мужчины на вес золота. Кормите их вкусно сосисками «Черкизово»*. Гендерные стереотипы, которые могут унижить женщину, по сей день встречаются в рекламе самых разных товарных категорий, например в рекламе мебельной продукции «Алмаз»: *20 %-я скидка для женщин на кухни и 10 %-я скидка мужчинам на диван*; в рекламе интернет-магазина мобильных телефонов kdmart: *Никто не поверит, что купила сама* — и т. д.

Долгое время в рекламе мы наблюдали установленные «идеалы женской красоты», которые рекламным героиням удавалось достичь с помощью фотошопа, — блестящие волосы, белые зубы, стройное загорелое тело, ровные шаблонные

черты лица. Современная реклама уже не стремится пропагандировать недостижимые каноны красоты, идеальную внешность, желание понравиться мужчинам, а наоборот, учит девушку быть самой собой, не стесняться своей внешности и своей физиологии. Так, компания Dove совместно с крупнейшим в мире фото-банком Getty Images и ассоциацией независимых женщин-фотографов Girl Gaze оказалась первой среди тех, кто в рекламных видеороликах показал образы реальных женщин без цифровой обработки.

Цель настоящего исследования — выявление новых женских образов в современной коммерческой национально ориентированной рекламе России и анализ основных мультимодальных способов их репрезентации.

Материалом послужили национально ориентированные рекламные сообщения, транслировавшиеся на центральных телеканалах России и функционировавшие в интернет-пространстве с 2018 по 2021 г. (YouTube-канал rusreklama, сайты торговых марок).

Наряду с общенаучными методами исследования (метод сплошной выборки, сравнение, обобщение, наблюдение, комментирование и др.), были задействованы общелингвистические и специальные методы, которые включают традиционные методы лексико-семантического и контекстуального анализа, мультимодальный дискурс-анализ, метод семантической и прагматической интерпретации компонентов текста. Изучение гендерного аспекта требует мультимодального анализа текста, где важную роль играет как вербальный модус, так и невербальный, который исследователи называют «гендерлект» [Мацюпа, Максимова, 2018].

Методологическую базу данной статьи составили не только перечисленные выше исследования по рекламной коммуникации, но и работы по современной теории мультимодальности, основной идеей которой становится тезис о том, что «материальные» ресурсы языка в своей многочисленности и своем разнообразии выходят далеко за пределы речи и письма (A. Baldry, J. Callaghan, E. McDonald, R. Iedema, C. Jewitt, M. Bednarek, J. R. Martin, G. Kress, Theo van Leeuwen, J. L. Lemke, S. Norris, K. O'Halloran, F. Serafini, T. Royce, P. J. Thibault, L. Unsworth, M. Walsh и др.): «Мультимодальный подход предполагает, что сообщение распространяется через все коммуникативные модусы: вербальные тексты и изображения, видео, речь и жесты, размер и цвет текста» [Kress, 2010: 2].

Результаты исследования

Анализ выборки позволил нам выделить новые образы современной русской женщины в национально ориентированной рекламе России.

Образ некрасовской женщины. Это образ идеально-героической русской женщины, которая «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Именно таким является образ девушки Алёнки в серии рекламных видеороликов шоколада «Алёнка». Она всегда приходит на помощь и выручает всю семью благодаря силе своего ума.

Образ сильной и отважной женщины встречаем и в рекламном ролике спортивной одежды и обуви Nike. Проанализируем его подробнее. Ситуация и визуальный ряд: на сцене выступает девочка с известной советской песней «Из чего же, из чего же...». Внезапно в зале появляются российские спортсменки и вдохновляют ее поменять свои взгляды, что отражается и в изменении слов

в песне. Вербальный ряд: *Из чего же, из чего же, из чего же сделаны наши девчонки? <...> Из железа, из стремлений, из самоотдачи и сражений сделаны наши девчонки. Из упорства и из грации, которой гордится вся нация, сделаны наши девчонки. Из синяков и тумаков, из отваги и сжатых кулаков, из независимости и мастерства, из страсти сердца и достоинства. Из воли крепче кремня, из силы и огня, из свободы от чужих мнений, из свершений и достижений сделаны наши девчонки.*

К некрасовской женщине можно отнести и шустрю, румяную и коренастую кубанскую казачку в рекламе соков «Дары Кубани», за которой с интересом наблюдает ленивый, неторопливый казак, лежащий под деревом и ждущий, когда ему в руку упадет яблоко. Однако в самый ответственный момент казачка подходит и перехватывает падающий фрукт.

Образ бизнес-леди. Такой образ наблюдаем в рекламе автомобиля Mazda. Героиня ролика — успешная, хорошо зарабатывающая женщина лет тридцати, которая купила себе дорогой автомобиль. Ей противопоставляется ее замужняя подруга, которая мыслит стереотипами и напоминает успешной подруге о том, что *бизнес не обнимет, не поцелует, мамой не назовет*, пытается донести, что *пора замуж — хороших быстро разбирают*, используя устойчивое выражение *часики тикают*. Однако героиня отвечает, что ее часики не тикают, они у нее электронные, тем самым демонстрируя свое превосходство. Интересной представляется и реакция консервативной подруги на автомобиль героини: *Ну ничего себе! По-моему очень вызывающе. Я бы такую не взяла. Мужик подарил? Сама взяла?* (с недоверием в интонации). Итак, образу бизнес-леди противопоставляется уходящий в прошлое образ зависимой женщины, которая не верит в собственные силы и полностью полагается на мужчину.

Образ женщины-рыцаря. Этот образ встречаем в сделанной в виде компьютерной игры рекламе мобильного оператора «Билайн», где актриса Алла Михеева появляется в роли СуперДимона_2000 и сражается со Светлым Рыцарем (Сергей Светлаков). Женщина в главной роли нужна для создания комического эффекта, поскольку в конце рекламы как на визуальном, так и на вербальном уровне обыгрывается шутка. В поле зрения адресанта находится грудь женщины-рыцаря, которая «зависла» в одном положении, что указывает на некачественный интернет конкурентов. Светлый Рыцарь, который олицетворяет быстрый интернет «Билайн», иронично замечает: *Вот это у вас буферизация!* Таким образом, шутка построена на омонимии термина *буферизация* (метод организации обмена, вызвавший замедление скорости интернета) и потенциального существительного со значением процесса, образованного от грубо-просторечного *буфера* (женская грудь).

Образ эмансипированной женщины или феминистки. В современной российской рекламе становится модной тема феминизма. Исследователи говорят о популярности такой маркетинговой и коммуникативной стратегии, как фемвертайзинг (см., напр.: [Ющук и др., 2020; Панарина, 2021]), «рассчитанной в первую очередь на женскую аудиторию эмансипаторного феминистского типа» (цит. по: [Панарина, 2021: 64]).

Так, например, в 2019 г. интернет-магазин брендовой дизайнерской одежды Aizel запустил вдохновляющий социальный проект «Я женщина. Я могу». Сам рекламодатель отмечает: «Проект... создан для поддержки и мотивации

девушек, женщин и их самореализации. Цель Aizel — рассказать истории самореализации совершенно разных женщин, их взлетов и падений, о женской силе, целях и их достижении и поддержать тех девушек и женщин, кто по каким-либо причинам боится сделать первый шаг к успеху или попал в сложную жизненную ситуацию» (<https://aizel.ru/iamawoman/>).

В основе социального проекта — флешмоб #яженщинамогу, который заключается в рассказах разных успешных женщин о себе и о женской судьбе. Основным приемом на вербально-визуальном уровне является выведение на экран цитат из рассказов героинь, связанных не с рекламируемым объектом, а с положением современной женщины в обществе. Проиллюстрируем некоторые из них (<https://aizel.ru/iamawoman/>):

Я очень долго пыталась доказать, что я, как мужик, все могу (Анна-Мария Тренёва, генеральный директор Facebook, Instagram, WhatsApp в России);

Мама сказала мне: «Послушай, в школе, может, будет так, что тебе будут говорить, что ты не можешь делать того, что могут делать мальчики. Пожалуйста, никогда в это не верь. Это неправда» (Ксения Собчак, журналистка и общественный деятель);

Мои родители, в отличие от родителей моих одноклассниц, не говорили мне, что самое главное в жизни — это удачно выйти замуж (Екатерина Духина, адвокат);

Женщина на Кавказе может быть кем угодно, если она этого хочет (Таус Махачева, художница);

Успех это то, что ты думаешь о себе, а не то, что думает о тебе общество (Надия Черкасова, банкир, общественный деятель);

Не получиться не может, потому что женщина сильное звено эволюции (Александра Голубева, главный судебно-медицинский эксперт Дальневосточного федерального округа);

Что бы женщина ни делала — революцию, косметику, выращивала цветы, она должна делать это по любви (Елена Крыгина, предпринимательница, основательница косметического бренда Krugina Cosmetics).

Компания спортивной одежды и обуви Reebok, в свою очередь, запустила откровенно скандальную рекламу под хештегом #нивкакиерамки с провокационными слоганами, в которых эффект экспрессивизации женских образов создается разными языковыми средствами. Так, с помощью метафоры в слогане *Пересядь с иглы мужского одобрения на мужское лицо* разрушается стереотип о том, что женщина должна все делать с той целью, чтобы мужчина похвалил, одобрил. С помощью приема дефразеологизации фразеологизма *носить на руках* (утрата основного признака фразеологичности) в слогане *Когда мне говорят «носить на руках», представляю, как меня носят в гробу* реклама разрушает стереотип о том, что для женщины главное в жизни — чтобы муж на руках носил.

С помощью метафоричного слогана *Принимаю себя раз в день после еды* и фоностилистических приемов рифмы и созвучия в слогане *Мое тело — мое дело* осуществляется призыв к избавлению от женских комплексов по поводу

внешности, фигуры и чувства вины после приема пищи. Гипербола в слогане *Прикрываю соски, чтобы вы не порезались* разрушает стереотип о том, что женщина должна стесняться кормить ребенка при мужчинах, всегда прикрывать грудь, в то время как мужчине не стыдно появиться без майки при женщине. Также в этом слогане очевиден намек на то, что мужчины часто унижают женщин трогая за грудь.

Апелляцию к гендерной тематике и фемвертайзингу поддержала и компания спортивной одежды и обуви Adidas. «Своей кампанией бренд стремится вдохновить девушек раскрывать свою индивидуальность через движение независимо от типа фигуры, расы и жизненной философии и поддерживает женщин в самовыражении во всех сферах деятельности без оглядки на стереотипы и принятые в обществе рамки», — поясняется представителями рекламной кампании (<https://www.sostav.ru/publication/adidas-47591.html>). В 2021 г. героини кампании и амбассадоры бренда (актриса Ирина Горбачева, певица Манижа, журналистка Татьяна Мингалимова, мастер спорта по художественной гимнастике Самира Мустафаева, певица Сюзанна и др.) проводили прямые трансляции и делились своими мыслями о бодипозитиве, успехе женщины, осознанности и отношении к спорту.

Выводы

Анализ основных рекламных женских образов (некрасовская женщина, женщина-рыцарь, эмансипированная женщина, бизнес-леди, феминистка) позволяет сделать следующие выводы. Важным воздействующим механизмом в национально ориентированной рекламе является апелляция к актуальным социальным проблемам общества. Современная реклама отходит от бытующих долгое время в медиапространстве стереотипов о том, что женщины — слабый пол; основное предназначение женщины — быть примерной женой и матерью; все женщины хотят удачно выйти замуж; умная женщина не может быть счастлива в личной жизни; женщина не имеет права на то, на что имеет право мужчина; место женщины — на кухне; женщина зависима от мужчины и т. п. Разрушить устоявшиеся традиции помогает коммуникативная стратегия — фемвертайзинг, которая, как показывают приведенные примеры, активно используется не только в рекламе товаров для женщин (средства личной гигиены, косметика, парфюмерия и т. п.), но и в рекламе брендовой и спортивной одежды, автомобилей и др.

Формирование образа в рекламном тексте, который является семиотически осложненным, осуществляется с помощью комплекса вербальных и невербальных инструментов воздействия на массовую аудиторию, поэтому мы можем говорить о том, что реклама представляет собой мультимодальный комплекс, в котором языковой и визуальный модули равноправны.

Апелляция к актуальным социальным проблемам в рекламе, в нашем случае — к гендерным, ослабляет коммерческую направленность, что позволяет отнести национально ориентированную рекламу к гибриднему типу, совмещающему специфику коммерческой и социальной рекламы. Такая реклама, как показывает статистика в Интернете, набирает большое количество просмотров, комментариев, анализ которых способен раскрыть другие важные аспекты изучения современных женских образов и может составить перспективу дальнейшего исследования.

Список источников

- Гоголева Е. Н. Гендерные стереотипы в телевизионной рекламе как отражение гендерного неравенства // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 1. С. 77—86.
- Карташкова Ф. И., Савина Н. А. Специфика невербального поведения женщины в российской и американской видеорекламе // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 2. С. 62—73.
- Лебедев-Любимов А. Н. Психология рекламы. СПб.: Питер, 2004. 368 с.
- Мацюпа К. В., Максимова С. Ю. «Гендерлект» языка рекламы // *Функционирование языковых единиц в аспекте социолингвистики и лингвокультурологии* / под ред. А. А. Зарайского. Саратов: Изд-во Сарат. соц.-экон. ин-та, 2018. С. 154—161.
- Медведева Е. И. Гендерные стереотипы и неомифологизмы в рекламе автомобилей // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 1. С. 87—96.
- Нерознак В. П. Языковая личность в гендерном измерении // *Гендер: язык, культура, коммуникация: материалы Первой Международной конференции*. М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 1999. С. 70—71.
- Панарина Е. С. Рекламный гендерный перформанс: как фемвертайзинг репрезентирует женщин // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2021. Т. 13, № 1. С. 63—88.
- Ремчукова Е. Н., Омеляненко В. А., Ван Юйчжи. Национально ориентированная реклама как лингводидактический ресурс при обучении иностранным языкам // *Ценности и смыслы*. 2021. № 2. С. 45—62.
- Ремчукова Е. Н., Страхова А. В. Рекламное «зазеркалье» России и Франции: лингвокреативный и гендерный аспекты. М.: Ленанд, 2016. 216 с.
- Современный медиатекст: учебное пособие / отв. ред. Н. А. Кузьмина. Омск: Полигр. центр «Татьяна», 2011. 414 с.
- Стернин И. А. Проблемы описания гендерного коммуникативного поведения // *Гендер: язык, культура, коммуникация: материалы Третьей Международной конференции*. М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 2003. С. 106—107.
- Туркина О. В. Пип-шоу: (идеоадаптация образа женщины в российской телерекламе) // *Женщина и визуальные знаки* / под ред. А. Альчук. М.: Идея-Пресс, 2000. URL: <http://www.owl.ru/win/books/visualnie7p.htm> (дата обращения: 05.08.2021).
- Ющук Д. Д., Ушакова Т. П., Кузнецова О. А. Эпоха феминизма: мода на фемвертайзинг // *Экономика и предпринимательство*. 2020. № 3. С. 1295—1300.
- Яндиева З. Д. Коммуникативные стратегии в гендерном рекламном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2011. 23 с.
- Kress G. *Multimodality: a Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. London: Routledge, 2010. 212 p.

References

- Gogoleva, E. N. (2019) *Gendernye stereotipy v televizionnoĭ reklame kak otrazhenie gendernogo neravenstva* [Gender stereotypes in television commercials as a gender inequality reflection], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 1, pp. 77—86.
- Iandieva, Z. D. (2011) *Kommunikativnye strategii v gendernom reklamnom tekste: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Communication strategies in gender ad copy: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Nalchik.
- Iushchuk, D. D., Ushakova, T. P., Kuznetsova, O. A. (2020) *Èpokha feminizma: moda na femvertaĭzing* [The age of feminism: the fashion of femwerting], *Èkonomika i predprinimatel'stvo*, no. 3, pp. 1295—1300.
- Kartashkova, F. I., Savina, N. A. (2019) *Spetsifika neverbal'nogo povedeniia zhenshchiny v rossiĭskoĭ i amerikanskoĭ videoreklame* [Specificity of female nonverbal behavior in Russian and American video advertising], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2, pp. 62—73.

- Kress, G. (2010) *Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*, London: Routledge.
- Kuz'mina, N. A. (ed.) (2011) *Sovremennyi mediatekst: Uchebnoe posobie* [Modern media text: Textbook allowance], Omsk: Poligraficheskiĭ tsentr "Tat'iana".
- Lebedev-Liubimov, A. N. (2004) *Psikhologiya reklamy* [Psychology of advertising], St. Petersburg: Piter.
- Matsiupa, K. V., Maksimova, S. Iu. (2018) "Genderlekt" iazyka reklamy [The "genderlect" of the advertising language], in: Zaraĭskii, A. A. (ed.), *Funktsionirovanie iazykovykh edinits v aspekte sotsiolingvistiki i lingvokul'turologii*, Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo sotsial'no-ekonomicheskogo instituta, pp. 154—161.
- Medvedeva, E. I. (2019) Gendernye stereotypy i neomifologizmy v reklame avtomobilei [A woman's image in the car advertisements: stereotypes and sexism], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 87—96.
- Neroznak, V. P. (1999) Iazykovaia lichnost' v gendernom izmerenii [Language personality in the gender dimension], *Gender: iazyk, kul'tura, kommunikatsiia: Materialy Pervoĭ Mezhdunarodnoĭ konferentsii*, Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi lingvisticheskiĭ universitet, pp. 70—71.
- Panarina, E. S. (2021) Reklamnyi gendernyi performans: kak femvertaizing reprezentiruet zhenshchin [Advertising gender performance: how femvertising represents women], *Interaksiia. Interv'iu. Interpretatsiia*, vol. 13, no. 1, pp. 63—88.
- Remchukova, E. N., Omel'ianenko, V. A., Van Iuchzhi (2021) Natsional'no orientirovannaia reklama kak lingvodidakticheskiĭ resurs pri obuchenii inostrannym iazykam [Nationally-oriented advertising as a linguodidactic resource in teaching Russian and Chinese], *Tsennosti i smysly*, no. 2, pp. 45—62.
- Remchukova, E. N., Strakhova, A. V. (2016) *Reklamnoe "zazerkal'e" Rossii i Frantsii: lingvokreativnyi i gendernyi aspekty* [Advertising through the looking-glass in Russia and France: linguocreative and gender aspects], Moscow: Lenand.
- Sternin, I. A. (2003) Problemy opisaniia gendernogo kommunikativnogo povedeniia [The problem of description of gender communicative behavior], *Gender: iazyk, kul'tura, kommunikatsiia: Materialy Tret'eĭ Mezhdunarodnoĭ konferentsii*, Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi lingvisticheskiĭ universitet, pp. 106—107.
- Turkina, O. V. (2000) Pip-shou: (Idioadaptatsiia obraza zhenshchiny v rossiiskoi telereklame) [Peep-show: (Idioadaptation of the image of a woman in Russian TV advertising)], in: Al'chuk, A. (ed.), *Zhenshchina i vizual'nye znaki*, Moscow: Ideia-Press, available from <http://www.owl.ru/win/books/visualnie7p.http> (accessed 05.08.2021).

Статья поступила в редакцию 08.12.2021; одобрена после рецензирования 29.01.2022; принята к публикации 26.03.2022.

The article was submitted 08.12.2021; approved after reviewing 29.01.2022; accepted for publication 26.03.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Омеляненко Виктория Александровна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка № 4, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия, omelianenko_va@rudn.university (Cand. Sc. (Philology), Assistant Professor at the Department of Russian Language no. 4, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 128—137.

Woman in Russian Society. 2022. No. 2. P. 128—137.

Научная статья

УДК 061.2(571.513)

DOI: 10.21064/WinRS.2022.2.10

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЖЕНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ

Зоя Васильевна Анайбан

Институт востоковедения, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, anaiban@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена исследованию вопросов взаимодействия женских общественных объединений и местных органов власти в Республике Хакасия. Анализ показал, что, наряду с отмечаемыми позитивными тенденциями в отношениях современных женских объединений с региональной властью, в должной мере все еще не изучены и не определены наиболее эффективные формы их сотрудничества. Эмпирическую базу исследования составили официальные данные и материалы, хранящиеся в архивах местных женских организаций, а также результаты реализованного в 2020 г. интервью с руководительницами и активистками женских организаций Хакасии.

Ключевые слова: Республика Хакасия, женские движения и объединения, местные органы власти, формы взаимодействия

Для цитирования: Анайбан З. В. Взаимодействие женских организаций и местных органов власти в Республике Хакасия // *Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 128—137.*

Original article

INTERACTION OF WOMEN'S ORGANIZATIONS AND LOCAL AUTHORITIES IN THE REPUBLIC OF KHAKASSIA

Zoya V. Anayban

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, anayban@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the problems of interaction between women's public associations and local authorities in the Republic of Khakassia. The analysis showed that along with the noted positive trends in the relations of contemporary women's associations with the regional authorities, the most effective forms of their interaction have not yet been properly studied and determined. The materials of our research indicate a clear flaw in the basic legal, organizational and financial foundations for the operation of women's organizations at the republican level. Today, women's organizations in this region can hardly be called partners of public administration bodies. However, the realities of today dictate the need to combine the efforts and actions of government institutions and various public associations, including women's communities, to solve urgent problems in the field of state policy of the Russian Federation, aimed at the stabilization and further development of a democratic society. The empirical basis of the study consists of official data and materials stored in the archives of local women's organizations, as well as the results of the interview conducted in December 2020 with leaders and activists of women's organizations in Khakassia.

Key words: Republic of Khakassia, women's movements and associations, local authorities, forms of interaction

For citation: Anayban, Z. V. (2022) Vzaimodeistvie zhenskikh organizatsii i mestnykh organov vlasti v Respublike Khakassii [Interaction of women's organizations and local authorities in the Republic of Khakassia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 128—137.

Как известно, повышение эффективности деятельности государственных органов по взаимодействию и партнерскому сотрудничеству с независимыми общественными объединениями, включая женские сообщества, является одной из приоритетных задач государства, которая была в свое время официально заявлена на законодательном уровне. Сегодня вопросам оптимизации взаимодействия органов власти и общественных организаций особое внимание уделяется не только российским правительством, но и научным сообществом. В Докладе о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2020 год Общественной палаты России было особо подчеркнуто: «Взаимоотношения общества и государства претерпели серьезные изменения, значительным стимулом для развития общественно-государственного диалога явились события 2020 года. Наблюдается переход к модели партнерства при решении наиболее социально чувствительных проблем, активное привлечение государством структур гражданского общества к выработке и согласованию государственных решений. Новые идеи, опыт, ресурсы, знания, взгляд со стороны приобретают ценность

для государства, столкнувшегося с серьезными вызовами, связанными с пандемией коронавируса и ее социально-экономическими последствиями» [Доклад... , 2020]. Сотрудничество государственных структур с женскими сообществами чрезвычайно важно с точки зрения благоприятного развития этнополитических и социально-экономических процессов в российском обществе.

В данной работе на примере Республики Хакасия анализируются современные формы взаимодействия женских организаций и региональных органов власти. Исследование основано на официальных данных, полученных в Министерстве национальной и территориальной политики Республики Хакасия, а также на материалах, хранящихся в текущих архивах отдельных женских объединений. Кроме того, мы использовали результаты реализованного в декабре 2020 г. интервью с руководительницами и активистками местных женских организаций Хакасии, основной задачей которого было выявление и определение наиболее эффективных форм взаимодействия государственных структур и женских организаций в российских регионах. По специально разработанной сотрудниками научно-образовательного Центра социальных и гендерных исследований Ивановского государственного университета анкеты (гайд интервью) было взято интервью у 23 респонденток, представлявших наиболее известные женские объединения республики, в числе которых Лига хакасских женщин «Алтынай», организация «Клуб деловых женщин», региональные отделения Союза женщин России в Республике Хакасия и общероссийского общественного движения «Надежда России», женсовет столицы республики.

Сегодня в Республике Хакасия зарегистрированы и действуют более семисот общественных объединений и некоммерческих организаций различных видов и правовых форм¹. Имеющиеся в их числе женские объединения выступают важной и неотъемлемой частью социально-политической и этнокультурной жизни хакасского социума. Как сказано в Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017—2022 гг., утвержденной распоряжением Правительства РФ в 2017 г., «создание условий для полного и равноправного участия женщин в политической, экономической, социальной и культурной сферах жизни общества является приоритетным направлением государственной политики Российской Федерации» [Национальная стратегия действий... , 2017].

В 2019 г. в Республике Хакасия прошел X юбилейный форум некоммерческих организаций и гражданских активистов, в резолюции которого было отмечено, что он стал «открытым диалогом представителей власти и общественных организаций в целях популяризации гражданских инициатив, направленных на развитие гражданского общества»². На форуме особо подчеркивалось, что проводимые в настоящее время преобразования в сфере поддержки некоммерческого

¹ Список общественных объединений (2020 г.) хранится в материалах сектора межнациональных, межконфессиональных отношений и взаимодействия со структурами гражданского общества Министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия.

² Резолюция X форума некоммерческих организаций и гражданских активистов Республики Хакасия «Современные форматы интеграции власти, бизнеса и общества» от 28 февраля 2019 г. хранится в материалах Аппарата Общественной палаты Республики Хакасия.

сектора ориентированы на формирование нового характера взаимоотношений общественных организаций и государства. В ходе обсуждений, прошедших на площадках форума, наряду с наблюдаемыми положительными тенденциями в развитии институтов гражданского общества в регионе, были выделены и имеющиеся в этой сфере проблемы, в числе которых значилось повышение эффективности взаимодействия государственных органов власти с общественными объединениями и гражданскими активистами в процессе решения в республике социально значимых задач³.

Говоря о взаимодействии женских организаций с органами государственного управления Республики Хакасия, следует отметить, что первые шаги по налаживанию делового сотрудничества со структурами исполнительной и законодательной власти были сделаны еще в начале 90-х гг. прошлого столетия — на заре появления и становления первых современных женских общественных объединений в постсоветской республике. Так, например, в первом Уставе Лиги хакасских женщин «Алтынай», созданной в 1994 г., в числе основных ее задач значилось взаимодействие с органами государственной власти и местного самоуправления Республики Хакасия в ходе решения проблем женщин, семьи, молодежи, детей и участие в реализации соответствующих федеральных и республиканских программ [Хакасская... организация... , 1994].

Как справедливо отмечают исследователи, «российские женские организации нацелены в большей степени на утверждение принципов социального партнерства, соучастия в решении острых социальных проблем, подготовки и реализации государственных программ по решению демографических задач, поддержки молодой семьи и детства» [Тихонова, 2013: 80]. Сказанное в полной мере характерно и для женского движения Хакасии. Так, например, «Алтынай» на протяжении многих лет принимает непосредственное участие в решении проблем женской безработицы в регионе. Благодаря активному участию женщин-активисток регионального отделения Союза женщин России был положительно решен дискуссионный вопрос, связанный с изменением статуса сельских участковых больниц и закрытием там малокомплектных школ. Не так давно общими усилиями женских организаций в некоторых районах республики были открыты специальные кабинеты по профилактике алкоголизма и наркомании. И все же, по признанию руководителей местных женских объединений, сделанное ими было бы невозможно без поддержки и соучастия органов государственной власти и местного самоуправления республики.

По сравнению с предыдущими годами в настоящее время взаимодействие женских организаций с государственными структурами современной Хакасии заметно расширилось. Хотя следует признать, что в целом формы и виды сотрудничества органов власти с общественными объединениями, с одной стороны, не претерпели существенных изменений и остаются стандартными, характерными для всех других российских регионов, с другой — стали более содержательными. В этом ряду надо назвать прежде всего создание и деятельность разнообразных координационных советов и рабочих групп при республиканских министерствах и ведомствах, формирующихся из членов разных общественных организаций, в том числе женских, которые призваны

³ Там же.

участвовать в обсуждении тех или иных актуальных региональных проблем и принятии решений.

Как отметил во время нашей беседы начальник Отдела по взаимодействию с органами самоуправления и институтами гражданского общества при Правительстве Республики Хакасия М. А. Дозорец, особое внимание уделяется вопросам работы с общественными организациями, в которых поиск новых путей и способов сотрудничества занимает отдельную нишу, поскольку реалии сегодняшнего дня диктуют необходимость расширения и увеличения последних, что определяется, в свою очередь, потребностью в создании условий для более активного участия общественных организаций в политической, социальной и этнокультурной жизни республики. Например, в республике имеется ряд социальных проектов и целевых программ, в которых участвуют при взаимодействии с органами власти члены разных женских объединений. Они принимают участие в реализации таких государственных программ, как «Региональная политика Республики Хакасия на 2017—2021 годы», «Содействие занятости населения Республики Хакасия» и др.

В этой связи представляют интерес мнения и установки самих женщин. На наш взгляд, наиболее предметно и содержательно высказала свое мнение относительно рассматриваемого нами вопроса одна из активных лидеров женского движения в Хакасии, руководительница хакасского отделения Всероссийского женского союза «Надежда России» Л. А. Кауфман. Приведем выдержку из этого разговора:

Наше взаимодействие с органами власти в Хакасии ведется по уже давно апробированным формам. Полагаю, что в этом смысле здесь даже трудно придумать что-то новое, в конце концов, вопрос ведь не в выборе формы, а в эффективности этого взаимодействия. Тем не менее проблема коммуникации есть, но есть и новые формы ее преодоления. В первую очередь это использование современных возможностей Интернета. Прокатившаяся волна пандемии при всей ее пагубности дала нам навыки общаться прямо в смартфоне — группы и сообщества в Zoom, Viber, WhatsApp теперь стали для нас привычным делом. С помощью социальных сетей («Фейсбук», «ВКонтакте») мы научились оперативно обмениваться мнениями, обсуждать ту или иную ситуацию и многому другому. Видимо, это и есть те самые новации во взаимодействии с властными структурами, которые трудно было себе представить еще каких-то 5—7 лет назад, но которые сегодня стали неотъемлемой частью общественной жизни.

А ветеран женского движения в Хакасии В. Н. Тугужекова, состоявшая в разные годы в Лиге «Алтынай» и организации «Клуб деловых женщин», считает, что сейчас в отличие от прошлых лет женские сообщества вполне удовлетворены тем, как выстроены их отношения с властью. Сегодня члены разных женских движений участвуют в общественных слушаниях по различным законопроектам, которые им близки и интересны, присутствуют на пленарных заседаниях республиканского парламента или даже, правда по предварительной записи, на заседании правительства республики, если на повестку дня вынесен вопрос, затрагивающий их интересы, печатаются в официальных СМИ и т. д. В то же время, с ее точки зрения, сами по себе женские организации в регионе

довольно разрозненны, они слабо информированы о работе друг друга, в их действиях нет солидарности. По ее убеждению, успешному решению этих и других проблем, включая вопросы развития и расширения сотрудничества с местной властью, во многом будет способствовать освоение и активное использование новых технологий, начиная с Интернета. Тем более, что специалисты по гендерной проблематике в своих работах не раз указывали на отсутствие деятельности по строительству коалиций как внутри женских организаций, так и с другими общественно-политическими силами (см., напр.: [Шведова, 2000]).

Сами женщины, как можно судить по данным названного опроса, убеждены, что очень важно непосредственное участие активисток женских организаций в работе разнообразных общественных советов. Неслучайно президент Лиги хакасских женщин Татьяна Майнагашева, выступая в октябре 2019 г. на праздновании 25-летнего юбилея своей организации и обращаясь к гостям — руководителям структур законодательной и исполнительной власти республики со словами благодарности за внимание и поддержку, особо подчеркнула, что только совместная работа женских общественных организаций с органами республиканской власти создаст условия для лоббирования и позитивного решения проблем женщин [25-летний юбилей... , 2019].

В наши дни одной из эффективных форм взаимодействия местных органов власти и разных общественных объединений республики является деятельность региональной Общественной палаты, которая, как сказано в Отчете о работе Министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия за 2019 г., «ведет планомерную работу по обеспечению взаимодействия граждан республики, некоммерческих организаций с органами государственной власти и органами местного самоуправления в целях учета потребностей и законных интересов граждан»⁴. В перечне последних наиболее известных мероприятий Общественной палаты России, в которых приняли участие и региональные организации, стоит отметить проведенную недавно информационную акцию в честь Международного дня некоммерческих организаций, традиционно отмечаемого 27 февраля. Цель акции — обратить внимание на деятельность общественных объединений, показать их значимость в общественной жизни, привлечь к работе подобных организаций как можно больше неравнодушных.

Нам удалось поговорить с председателем Общественной палаты Хакасии О. А. Левченко, которая, кстати, в недавнем прошлом была руководительницей местного женского объединения «Клуб деловых женщин». Рассказывая о разносторонней деятельности, возглавляемой ею организации, которая является связующим звеном между государственной властью и обществом, она отметила, что практически все имеющиеся в республике женские объединения в своей работе активно контактируют с Общественной палатой, члены многих из их числа входят в разные советы и группы, функционирующие под эгидой палаты. По ее меткому замечанию, они реально работают и делают добрые дела, до которых у государства иногда не доходят руки. Вместе с тем О. А. Левченко подчеркнула, что, несмотря на имеющиеся ощутимые успехи и достижения региональной

⁴ Отчет хранится в материалах сектора межнациональных, межконфессиональных отношений и взаимодействия со структурами гражданского общества Министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия.

Общественной палаты в деле налаживания контактов и взаимных действий с местными органами власти, им многое еще предстоит сделать. Так, к примеру, руководство данной палаты собирается в этом году выступить с инициативой по изменению республиканского законодательства, касающегося общественных советов, находящихся при органах исполнительной власти республики и подотчетных сегодня исключительно им. Несколько лет назад эти советы стало курировать Министерство национальной и территориальной политики. Подобное обращение продиктовано тем, что общественные советы, по убеждению руководства Общественной палаты, должны отчитываться перед гражданским обществом и соответственно быть «под ее крылом». Данное обстоятельство, безусловно, свидетельствует о несовершенстве и определенной противоречивости развития республиканского законодательства и правоприменительной практики, связанной с вопросами организации и выполнения работ, направленных на взаимодействие властных структур и независимых общественных объединений в регионе. При этом следует заметить, что механизмы формирования, параметры и объемы функционирования самой Общественной палаты нуждаются в более детальной проработке с учетом необходимости обеспечения их прозрачности, что в дальнейшем позитивно скажется на систематизации и оптимизации ее деятельности как таковой.

В ходе проведения интервью женщины-активистки Хакасии, отвечая на вопрос о предпочтительных формах их взаимоотношений с государством, называли множество разных вариантов, в числе которых чаще других фигурировали консенсус (органы государственного управления и женская организация движутся к взаимопониманию и удовлетворению интересов друг друга) и партнерское взаимодействие (государственные органы понимают важность женских общественных организаций, не пытаются ими управлять, а взаимодействуют с ними) (78,2 %), а также патерналистская модель (органы государственного управления поддерживают женские организации в обмен на лояльность с их стороны) и модель паритета (госструктуры и женские организации взаимодействуют на основе равенства сторон) (52,2 %). При этом характерно, что из всего числа проинтервьюированных женщин только одна указала модель «приводного ремня» (правда, наряду с другими формами), когда женская организация пропагандирует идеи государственной политики или политической партии среди рядовых женщин. Показательно также, что, говоря о необходимых формах поддержки со стороны государства, в которых непосредственно нуждается их организация, подавляющее большинство опрошенных женщин назвали главным образом финансовую помощь (78,3 %).

Между тем в Отчете Министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия (2019 г.) сказано, что одной из важных форм взаимодействия с некоммерческими организациями является оказание им финансовой поддержки прежде всего в виде предоставления грантов на выполнение социально значимых программ и проектов⁵. Однако женские организации, в отличие от многих других, получают подобную помощь довольно редко. Так, например, в 2019 г. названным министерством была оказана грантовая поддержка 25 некоммерческим организациям, в числе которых было лишь одно женское

⁵ Там же.

объединение — Лига хакасских женщин «Алтынай». При этом, как выяснилось из нашей беседы с заместителем министра Ю. К. Чертыковым, данная структура имеет дело и работает только с теми общественными объединениями, которые имеют непосредственно этническую направленность. Таким образом, из всего числа действующих на сегодняшний день на территории Хакасии женских обществ в списке этого ведомства числятся и курируется им лишь одно — Лига хакасских женщин «Алтынай». На наш взгляд, этот факт, кроме всего прочего, свидетельствует о явной недоработке базовых правовых, организационных и финансовых основ действия женских организаций на республиканском уровне, тормозящей в конечном итоге благоприятное развитие институтов гражданского общества в регионе.

Известно, что одним из основных показателей функциональности и результативности современных женских объединений является уровень их вовлеченности в решение тех или иных государственных вопросов. Как показало наше исследование, поле взаимодействия женских сообществ с органами республиканской власти в Хакасии в большинстве своем сводится к эпизодическому участию женских союзов в реализации разного рода социально-экономических программ, приглашению женщин-активисток (опять же непостоянному) для обсуждения тех или иных вопросов республиканского законодательства, совместной организации и проведению различных республиканских культурно-массовых мероприятий. Добавим также: несмотря на то что на данном этапе численность женщин в разных общественных советах составляет подавляющее большинство, как правило, их реальное участие ограничивается лишь присутствием на тех или иных региональных заседаниях. Данное обстоятельство во многом объясняется тем, что до сих пор не разработано положение о конкретных правах и обязанностях членов общественных советов. По этой причине участие активисток тех или иных общественных движений в деятельности местных органов власти, по существу, становится весьма условным. Естественно, хотелось бы более широкого и неформального привлечения их, в частности, к обсуждению нормативно-правовых актов с учетом накопленного ими опыта и знаний, решению злободневных региональных проблем.

С другой стороны, как видно из эмпирического материала, женские союзы Хакасии зачастую сами не проявляют должной активности и инициативности. Так, например, по итогам реализованного опроса, значительная часть активисток женских организаций республики признали, что вообще никогда не обращались с какими-либо инициативами к органам государственного управления, или же попросту затруднились с ответом. Справедливости ради скажем: в какой-то мере сложившаяся ситуация обусловлена недостаточной представленностью этих объединений или хотя бы отдельных их лидеров в Верховном совете и Правительстве республики, что, кроме всего прочего, является также весомым показателем уровня взаимодействия властных структур и женских сообществ.

На примере Хакасии мы видим, что в целом фактическая и косвенная дискриминация женщин в общественно-политической жизни все еще имеет место. Как писали исследователи, отношение российских политиков к системе квотирования по образцу цивилизованных стран, т. е. к реальной возможности достижения

равенства мужчин и женщин, не поддерживается, и многие годы законодательство о квотировании мест в российском правительстве не принимается (см.: [Королева, 2015]). В этой связи следует констатировать, что обозначенные в названной Стратегии задачи по «снижению диспропорций по признаку пола в руководящем составе федеральных органов власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций, а также созданию благоприятных условий для продвижения женщин по службе» все еще не решены и, более того, далеки от решения [Национальная стратегия действий... , 2017].

Итак, анализ показал, что, несмотря на отмечаемый позитивный сдвиг в отношениях женских объединений с региональными властными структурами, до сих пор в должной мере не изучены и не отрегулированы как конкретные механизмы, так и наиболее эффективные формы их взаимодействия. К примеру, до конца не продуманы и не разработаны положения, касающиеся участия членов общественных советов в работе региональных органов власти, а мы знаем, что подавляющее большинство в данных советах составляют женщины. Сегодня женские организации Хакасии пока трудно назвать партнерами органов государственного управления. Как справедливо отмечают специалисты, многообразная деятельность женских организаций свидетельствует о том, что в российской государственной политике, обеспечивающей равноправие женщин и мужчин, еще много нерешенных вопросов, поэтому объединение усилий власти и женской инициативы призвано стать залогом стабильного развития общества [Хасбулатова, 2019: 23]. Будем надеяться, что, несмотря на все имеющиеся на сегодняшний день проблемы и недочеты во взаимодействиях женских объединений и местных органов власти в Хакасии, в перспективе в этой сфере более рельефно проявятся позитивные тенденции, которые будут демонстрировать необходимость дальнейшего развития и совершенствования партнерских отношений.

Список источников

- 25-летний юбилей отпраздновала хакасская региональная общественная организация «Лига хакасских женщин “Алтынай”». 2019. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/211249044> (дата обращения: 02.03.2020).
- Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2020 год / Общественная палата РФ. 2020. URL: <https://opr.f.ru/documents/1151/2714> (дата обращения: 05.02.2021).
- Королева Т. А. Проблемы и противоречия политического женского движения: вчера и сегодня. СПб.: Санкт-Петербург. гос. ин-т кино и телевидения, 2015. 184 с.
- Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 гг.: утв. распоряжением Правительства РФ 8 марта 2017 г. № 410-р. 2017. URL: <http://eawfpress.ru/about/organizatsiyam/strategia2017.php> (дата обращения: 15.12.2020).
- Тихонова В. А. Женские движения: сущность, особенности развития // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 2. С. 76—80.
- Хакасская республиканская общественно-политическая организация «Лига хакасских женщин “Алтынай”»: историческая справка. URL: <https://archive.culture19.ru/fund/10000156299> (дата обращения: 02.03.2020).

-
- Хасбулатова О. А. Женское движение в современной России // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 14—26.
- Шведова Н. А. Гендерный фактор в политике // Права женщин в России. 2000. № 1. С. 8—13.

References

- Khasbulatova, O. A. (2019) Zhenskoe dvizhenie v sovremennoĭ Rossii [Women's movement in modern Russia], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3, pp. 14—26.
- Koroleva, T. A. (2015) *Problemy i protivorechiia politicheskogo zhenskogo dvizheniia: vchera i segodnia* [Problems and contradictions of the political women's movement: yesterday and today], St. Petersburg: Sankt-Peterburgskĭ gosudarstvennyĭ institut kino i televideniia.
- Shvedova, N. A. (2000) Gendernyĭ faktor v politike [Gender in politics], *Prava zhenshchin v Rossii*, no. 1, pp. 8—13.
- Tikhonova, V. A. (2013) Zhenskie dvizheniia: sushchnost', osobennosti razvitiia [Women's movements: the essence, features of development], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva*, no. 2, pp. 76—80.

Статья поступила в редакцию 01.03.2022; одобрена после рецензирования 03.03.2022; принята к публикации 26.03.2022.

The article was submitted 01.03.2022; approved after reviewing 03.03.2022; accepted for publication 26.03.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Анайбан Зоя Васильевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Россия, anayban@mail.ru (Dr. Sc. (History), Leading Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 138—148.

Woman in Russian Society. 2022. No. 2. P. 138—148.

Научная статья

УДК 364.054.3 (091)(470.315)

DOI: 10.21064/WinRS.2022.2.11

М. А. ГАРЕЛИНА: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНИЦЫ

Кирилл Евгеньевич Балдин

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kebaldin@mail.ru

Аннотация. Рассматривается деятельность наиболее известной дамы-благотворительницы из г. Иваново-Вознесенска М. А. Гарелиной. Будучи супругой одного из самых богатых местных фабрикантов, она имела широкие возможности тратить значительные средства на реализацию целого ряда социальных и культурных проектов. Среди них было устройство детского приюта, родильного приюта, клиники для бездомных больных и др. Она служила попечительницей начальных школ и женской гимназии, являясь одновременно председателем общества вспомоществования бедным ученицам этой гимназии. Особенно впечатляющие масштабы приобрела филантропическая деятельность Гарелиной в Иваново-Вознесенском благотворительном обществе, где она была председателем правления. В заключение автор делает вывод о том, что общественная деятельность Гарелиной имела исключительно разносторонний характер в сравнении с социально-культурными усилиями других благотворителей в Иваново-Вознесенске.

Ключевые слова: биографические исследования, благотворительность, меценатство, общественные организации, предприниматели в дореволюционной России, начальные школы, женские гимназии, библиотеки, родильные дома, детские приюты, семейные традиции

Для цитирования: Балдин К. Е. М. А. Гарелина: социальный портрет провинциальной благотворительницы // Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 138—148.

Original article

M. A. GARELINA: A SOCIAL PORTRAIT OF A PROVINCIAL PHILANTHROPIST

Kirill E. Baldin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, kebaldin@mail.ru

Abstract. The article considers the activity of the most famous lady-philanthropist from the city of Ivanovo-Voznesensk Maria Alexandrovna Garelina. Being the wife of one of the richest manufacturers of the textile region, she had not only a desire, but also ample opportunities to spend considerable resources for realization of a number of social and cultural projects. Among them was the establishment of children's shelter, maternity shelter, hospital for chronic patients (hospice). She was a trustee of elementary schools and a women's gymnasium, being both the presiding officer of the society for poor pupils of this gymnasium and providing material support to capable but under-privileged girls from poor families. The philanthropic activity of M. A. Garelina in the Ivanovo-Voznesenskiy Charitable Society, where she was the presiding officer of the Board, has acquired especially impressive scale. In a large industrial city this organization opened and contained several children's nurseries, cheap dining for local residents and other social institutions. She has managed to unite around herself other rich ladies-benefactors in the charitable society, thus the synergistic effect has been achieved, and philanthropic activity has become more widespread. In conclusion the author infers that public activity of M. A. Garelina had an exceptionally versatile character in comparison with the socio-cultural efforts of other philanthropists and patrons in Ivanovo-Voznesensk. At the same time, charity could not provide social assistance for all the needy in Ivanovo-Voznesensk.

Key words: biographical research, charity, arts patronage, public organizations, entrepreneurs in pre-revolutionary Russia, primary schools, women's gymnasiums, libraries, maternity homes, orphanages, family traditions

For citation: Baldin, K. E. (2022) M. A. Garelina: sotsial'nyĭ portret provintsial'noĭ blagotvoritel'nitsy [M. A. Garelina: a social portrait of a provincial philanthropist], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2, pp. 138—148.

Постановка задачи

В настоящее время все большее внимание исследователей привлекает история не политическая или экономическая, а социальная, в том числе благотворительная деятельность, расцвет которой в России приходится на XIX столетие и на начало XX в. Ученые не раз обращались как к филантропии в целом, так и к истории конкретных, в основном крупных и широко известных организаций. Сейчас на повестке дня стоит переход исследователей к микроистории, т. е. обращение к деятельности провинциальных филантропических объединений и благотворителей.

Одним из важных аспектов изучения такого рода социальной деятельности является сегмент казуальной истории, т. е. отдельные благотворительные

мероприятия на местном уровне, а также просопографические сюжеты, касающиеся активности отдельно взятых филантропов. Среди последних, несомненно, большую часть составят биографии женщин, которые трудились на этом поприще. Неслучайно в дореволюционной беллетристике и публицистике «дама-благотворительница» из частного случая превратилась в понятие и даже некое амплуа.

Участие женщин в этой деятельности объяснялось тем, что другие поприща для них были почти закрыты или же просто не одобрялись. Участие в политической деятельности было возможно лишь в таких партиях, как, например, партии кадетов и социал-демократов. Это было совершенно неприемлемо для женщин из статусной среды, поэтому благотворительность являлась одной из немногих сфер приложения их усилий, тем более что женщины были больше склонны к эмпатии, чем мужчины. В этой публикации пойдет речь о Марии Александровне Гарелиной — супруге крупного текстильного фабриканта из города Иваново-Вознесенска.

Методы исследования

При работе с эмпирическим материалом автором использованы специальные исторические методы. Во-первых, это историко-системный метод, который позволил исследовать филантропическую деятельность отдельной личности как часть благотворительной активности, развертывавшейся в городе и в стране в целом. Во-вторых, автором использован историко-генетический метод, который дал возможность проанализировать общественную деятельность героини повествования в развитии, начиная от первых ее шагов на этом поприще в конце XIX в. и заканчивая достаточно масштабными усилиями накануне Первой мировой войны. В-третьих, применялся историко-сравнительный метод, который позволил сравнить общественную деятельность определенных представителей имущих сословий в отдельно взятом значительном городе.

Общественная деятельность М. А. Гарелиной

Мария Александровна Гарелина (1861—?) происходила из семьи крупных московских предпринимателей Крестовниковых, которые владели текстильной фабрикой и химическим заводом. Брат Марии — Григорий Александрович впоследствии стал членом Государственного совета, одним из основателей партии октябристов [Барышников, 1998: 213]. Мужем Марии Крестовниковой стал А. И. Гарелин, его фабрика была одной из самых крупных в Иваново-Вознесенске. По статистическим данным 1913 г., на ней трудились 4,5 тыс. рабочих и служащих. Основной капитал фирмы составлял 4,5 млн р., в год изготовлялось продукции на 15 млн р. [Езиоранский, 1914].

Первым шагом М. А. Гарелиной на общественном поприще было открытие родильного приюта, который стал одним из ее любимых детищ. С родовспоможением в Иваново-Вознесенске до конца XIX в. дела обстояли очень скверно. Разумеется, были повивальные бабки — с богатым опытом, но без профессионального образования. Многие обходились даже без их услуг и разрешались от бремени либо дома, где-нибудь на сундуке, либо вообще без отрыва

от производства, например на фабрике возле станка. М. А. Гарелина хорошо знала об этом безобразном положении, поэтому на ее средства в городе в 1890 г. был открыт родильный приют. За первый год работы в него поступили всего 75 женщин, а через 5 лет — уже 433. На средства Марии Александровны в 1895 г. для него было построено специальное здание, куда он перебрался из наскоро приспособленного первоначального помещения. В 1901 г. родильный приют был причислен к Ведомству учреждений императрицы Марии, что обеспечивало ему казенное покровительство. Благотворительница ежегодно тратила на содержание приюта около 10 тыс. р. [ГАИО, ф. 205, оп. 1, д. 272, л. 37]. По данным за 1907 г., в нем были приняты 1118 родов, в городском муниципальном приюте — 1145. Других родовспомогательных учреждений в Иваново-Вознесенске не было. В начале XX в. гарелинский приют работал с максимальной нагрузкой. Хотя в нем официально числилось 10 коек, но ежедневно содержалось до 17 женщин, собравшихся рожать или уже родивших [Напалков, 1909].

Одновременно с родильным приютом в 1890 г. М. А. Гарелиной было основано другое социальное учреждение — детский приют. Он предназначался для беспризорных детей, которые после смерти родителей нередко оказывались на улице. Некоторое время он работал на птичьих правах, но в 1896 г. был узаконен, будучи причисленным к Ведомству учреждений императрицы Марии. Учреждение обзавелось своим уставом, утвержденным начальством. В нем говорилось, что здесь дети получают приют, религиозное, нравственное и физическое воспитание, а также начальное образование [ГАВО, д. 1411, л. 7, 9, 10].

Хотя приют был рассчитан на 14—20 человек, реально в нем призревалось больше детей. В 1900 г. их было 24 человека, а в 1910 г. — 27 [ГАИО, ф. 205, оп. 1, д. 273, л. 7]. Принимались не только круглые сироты, но и так называемые полусироты, т. е. дети, у которых не было одного родителя, а другой не мог их содержать. Например, сюда попал Саша Морозов. Его отец-рабочий, являвшийся кормильцем семьи, умер. Мать не могла содержать всех детей, и Саша с сестрой оказался в приюте. В дальнейшем работники приюта, заметив нем художественные задатки, устроили его учиться в местную рисовальную школу [Морозов, 2006]. Это было началом его восхождения к высотам творчества. А. И. Морозов стал народным художником России, в Иваново работает его мемориальный музей.

С 8 лет приютских детей учили грамоте в школе, располагавшейся по соседству. В самом приюте подростков обучали различным ремеслам, необходимым в будущей жизни, — столярному, швейному и др. Ежегодно М. А. Гарелина тратила на содержание приюта 5—6 тыс. р. [ГАВО, д. 1411, л. 3, 10]¹.

В 1907 г. неподалеку от этих двух приютов была построена клиника для хронических больных. Это был первый в Иваново-Вознесенске своего рода хоспис. Он постепенно расширялся, и в 1911 г. в нем насчитывалось 60 коек. Это лечебное учреждение, которое называлось «больница для хроников», предоставляло возможность людям провести остаток жизни в тепле и уюте: они были окружены заботой, обеспечены лечением, пищей и одеждой [История здравоохранения... , 2011: 35].

¹ См. также: Северный край. 1900. 8 июля.

У каждой фабрикантской семьи и даже у отдельных предпринимателей были свои приоритетные сферы общественной деятельности. Большинство иваново-вознесенских ситцевиков занимались в той или иной форме филантропией. Активно помогали бедным супруги Н. Г. и Н. Х. Бурылины, откликаясь на большинство просьб о помощи, некоторые фабриканты открывали богадельни, больницы. Но далеко не все были увлечены иной формой общественного служения — меценатством, т. е. денежной и организационной помощью культуре в самом широком смысле слова. В этом отношении уникальной фигурой в Русском Манчестере являлся Д. Г. Бурылин, собравший богатейшую коллекцию «редкостей и древностей» и создавший на ее основе музей. Меценатством занималась и М. А. Гарелина. Начало этому было положено вскоре после ее замужества.

Объектом заботы М. А. Гарелиной стали две начальные школы в Иваново-Вознесенске. Свою собственную частную школу она открыла в 1895 г. в Петропавловской слободе, это учебное заведение находилось рядом с родильным и детским приютами, о которых шла речь выше. Двухэтажное здание школы с 4 классными комнатами было построено на средства фирмы Гарелиных. В начале XX в. в ней обучалось более 200 учеников, ежегодные расходы ее основательницы и попечительницы составляли более 5 тыс. р. [ГАИО, ф. 205, оп. 1, д. 264, л. 55]. Другая школа, основанная ее свекровью Анной Александровной, перешла под крыло Марии Александровны после смерти А. А. Гарелиной в 1899 г.

М. А. Гарелина хорошо знала, что курса начальной школы явно недостаточно для того, чтобы просвещение пустило глубокие корни среди подростков. Отучившись 3 года в школе и получив соответствующее свидетельство, они обычно переставали читать, т. к. у них в семьях книжек не было. Так возникал рецидив неграмотности. В связи с этим практически одновременно со школой в 1895 г. и в том же самом здании Мария Александровна открыла народную библиотеку. Книги для нее были куплены или пожертвованы учредительницей. Вначале их было всего 738, за первый год работы стараниями Гарелиной фонд увеличился и достиг 1171 тома. Ее затраты на содержание библиотеки составляли около 1 тыс. р. в год [Журналы... , 1897: 223].

По окончании второго года работы библиотеки в ней было уже более 1600 книг, отбирала их сама Мария Александровна. Из 1607 томов 194 относились к разделу религиозно-нравственной литературы, 82 — к разделу естествознания, 212 — истории, 63 — географии, самый большой раздел составляла художественная литература, в значительной степени детская. Читального зала здесь не было, и книги можно было взять только на дом. В 1897 г. в библиотеке насчитывалось 1093 абонента, из них 222 составляли дети и 676 — фабричные рабочие [там же, 1898: 272—273].

В дореволюционном Иваново-Вознесенске было довольно много учебных заведений (начальных и средних общеобразовательных, профессиональных) в сравнении с окрестными крупными городами. Практически у каждого из них был свой попечитель, который заботился о его материальном благополучии. Значительные деньги на развитие местного реального училища тратил фабрикант М. Н. Гарелин, мужской гимназии — крупный торговец С. И. Соколов и др. Местная казенная женская гимназия стала сферой меценатской деятельности Марии Александровны. Ее выбрали на эту должность в 1887 г., она была надежной покровительницей

гимназии в течение трех десятилетий. Она жертвовала, в соответствии с должностью почетной попечительницы, 300 р. в год, такую же сумму вносил каждый из членов попечительского совета: муж Марии Александровны А. И. Гарелин, а также другие текстильные фабриканты — Н. Г. и И. Д. Бурылины, Л. М. и Н. М. Гандурины, Н. Н. и П. Н. Зубковы [Журналы и доклады... , 1914: 10—11]. Материальная помощь Марии Александровны этим не ограничивалась. Она ежегодно вносила целевые дотации на покупку наградных книг для лучших учениц, регулярно отпускала средства и на другие цели [ГАИО, ф. 2, оп. 2, д. 162, л. 173].

Одновременно М. А. Гарелина возглавляла общество вспомоществования бедным ученицам той же гимназии. Оно снабжало способных девочек из «недостаточных» семей бесплатными учебниками, одеждой, обувью, оплачивало их обучение в гимназии. По инициативе Гарелиной было устроено общежитие для иногородних учениц, которые вносили за проживание сравнительно небольшую плату — 16,5 р. в год. Этих денег явно не хватало для того, чтобы содержать общежитие, снабжая его всем необходимым. Поэтому Марии Александровне приходилось ежегодно доплачивать в бюджет этого пансиона около 1300 р. [Отчет... , 1906: 3].

Существует заметная разница между личной благотворительностью и общественной. В первом из этих случаев человек только сам жертвует средства на нужды «сырых и убогих», во втором — привлекает к этому и других потенциальных филантропов. По законам синергетики это значительно усиливает эффект человеколюбивой деятельности. Попечительство М. А. Гарелиной о гимназии и ее работа в обществе вспомоществования бедным ученицам являлись наглядным подтверждением данной истины. Еще в большей степени это относилось к ее функциям в местном благотворительном обществе, сфера деятельности которого была очень широкой.

Благотворительное общество было одной из первых общественных организаций Иваново-Вознесенска, его устав был утвержден властями в 1877 г. Основной его целью была забота о нищих, убогих, нетрудоспособных жителях города [ГАИО, ф. 4, оп. 1, д. 294, л. 2—3]. Она была сформулирована в первом же параграфе устава общества, причем подчеркивалось, что оно в первую очередь готово опекать «стыдящихся просить милостыню» [Устав... , 1909: 3—4].

Историю благотворительного общества в Иваново-Вознесенске можно разделить на два периода. Первый — до 1907 г., когда общество неспешно продвигалось вперед по пути общественной деятельности, и второй — с 1907 г., когда оно резко активизировалось и одновременно расширило сферу функционирования. Дело в том, что в 1907 г. произошло объединение двух организаций — благотворительного общества и так называемого дамского кружка. Последний возник в начале 1904 г. в связи с Русско-японской войной. Руководительница кружка М. А. Гарелина, жены фабрикантов и других состоятельных людей занялись снабжением двух санитарных отрядов, один из которых формировался в Иваново-Вознесенске, а другой находился в Маньчжурии. Также кружок пришел на помощь семьям мобилизованных, выдавая им ежемесячные пособия [Обзор... , 1908: 3].

С окончанием войны кружок должен был закрыться, но после переговоров с благотворительным обществом в феврале 1907 г. было решено объединиться

под вывеской последнего. Начался новый этап в жизни этой организации [там же]. Было выбрано новое правление, председательницей его стала М. А. Гарелина (до 1917 г.). Большинство в правлении составляли члены упраздненного дамского кружка, т. е. жены фабрикантов, — Е. В. Зубкова, З. А. Гандурина, А. Р. Гандурина, А. А. Бурылина, А. К. Гарелина и др. Новые руководители общества главную свою задачу увидели в том, чтобы организовать призрение детей, причем не только тех, которые были круглыми сиротами, но и тех, чьи родители были живы и работоспособны. Эти дети, отцы и матери которых трудились на фабриках, с утра до вечера были предоставлены самим себе. Для них благотворительное общество создало ясли, а фактически — детские сады, так как в них приводили юных жителей города самого разного возраста. Общество утверждало для каждой яслей попечительниц, эти учреждения опекали исключительно женщины. В обязанности каждой попечительницы входила забота о снабжении детей самым необходимым, организация игр и обучение призреваемых [Обзор... , 1915: 9].

Грудные дети получали в яслях заботливый уход, здесь для них были специальные отделения, называвшиеся колыбельными. Ребята постарше (2—6 лет) были заняты разнообразными играми. Если дети по разным причинам не попадали в школу, то обучались грамоте непосредственно в яслях. Сюда приходили для этого учителя местных начальных школ. С первых дней своего существования ясли сразу наполнялись, а затем и переполнялись детьми. Многим желающим приходилось отказывать в приеме. В яслях детям было гораздо интереснее, чем на грязной и неприветливой улице. «Дети рвутся в ясли», — сообщалось в одном из отчетов благотворительного общества [Обзор... , 1911: 4, 29, 33].

В структуру благотворительного общества вошла и дешевая столовая, несколько ранее открытая М. А. Гарелиной. Она содержалась полностью на ее средства, каждый год для этого требовалось более 3 тыс. р. В постные дни посетителям давали миску грибных шей или ухи, на второе полагалась каша с постным маслом. Ко всему этому добавляли большой кусок ржаного хлеба весом в один фунт. В скоромные дни щи были мясными, а кашу сдабривали салом. Обычным посетителям обед обходился в 10 к., бедняки платили 2—3 к., для многих из них обед был вообще бесплатным [Отчет... , 1903: 10, 20—21, 39].

М. А. Гарелина принимала участие в работе целого ряда других общественных организаций. Накануне Первой мировой войны в Иваново-Вознесенске открылось отделение Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом. Эта структура несколько лет подряд проводила здесь День белой ромашки. Данный цветок стал символом борьбы с чахоткой, которая была профессиональной болезнью текстильщиков. Во время праздника весь город делился на участки для сбора добровольных пожертвований. Руководителем одного из них являлась М. А. Гарелина, которая координировала деятельность сборщиков, ходивших по улицам с кружками для пожертвований и выдававших всем желающим искусственные цветки ромашки [ГАИО, ф. 4, оп. 1, д. 1241, л. 86]. Попутно отметим, что подробное изучение проведения этих «дней» в отдельно взятом городе может стать объектом казуальных исторических исследований и внести свой вклад в большую историю, представляющую собой мозаику таких «случаев».

Еще одна организация, в которой Мария Александровна была среди активистов, — общество благоустройства местечка Ямы, огромной по численности населения рабочей слободы. Улицы Ям утопали в грязи, здесь почти не было мостовых и уличного освещения. Возможности проведения разумного досуга также были ограничены. Общество, которое основала местная немногочисленная интеллигенция, рьяно взялось за решение этих проблем, но испытывало нужду в материальных средствах. На помощь пришли Гарелины, Мария Александровна и ее муж пожертвовали сотни рублей на устройство булыжных мостовых. Они же дали деньги на организацию массового детского праздника летом 1913 г.²

В предпринимательской среде позитивные традиции бережно передавались из поколения в поколение. Семья крупных московских фабрикантов Крестовниковых, из которой вышла М. А. Гарелина, занималась разнообразной общественной деятельностью, в том числе благотворительной и меценатской. Эти обычаи Мария Александровна с успехом внедряла и в своей семье в Иваново-Вознесенске. Детей у четы Гарелиных было трое: первенец Александр, через 3 года родилась Анна, еще через 9 лет — Софья [ГАВО, д. 3306, л. 5—6]. Мать стала приобщать их к общественной деятельности, в частности филантропической, довольно рано. В списке жертвователей на ясли для рабочих в 1902 г. значилась не только М. А. Гарелина, внесшая 500 р., но и «Саша Гарелин — 10 рублей, Нюра Гарелина — 8 рублей». Очевидно, это были деньги, извлеченные из их детских копилочек [Отчет... , 1903: 22].

Наследником семейного дела стал Александр. Он закончил Иваново-Вознесенское реальное училище. Затем, с 1905 по 1912 г., получал инженерное образование в Московском техническом училище [ГАВО, д. 4311, л. 8]. Вернувшись в Иваново-Вознесенск, Александр с большим энтузиазмом окунулся в общественную деятельность, стал одним из руководителей местного охотничьего общества, тем более что сам был, как говорилось в отчете этой организации, «завзятым медвежатником». Александр Гарелин исполнял обязанности казначея общества, участвовал в двух его комиссиях — юридической и охотоведческой [ГАИО, ф. 205, оп. 1, д. 273, л. 18, 21; ф. 4, оп. 1, д. 1242, л. 36]. Также он некоторое время был председателем местного отделения Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом — организации, в которой активно участвовала его мать [ГАИО, ф. 4, оп. 1, д. 1241, л. 70, 86].

Выводы

В социально-культурной деятельности М. А. Гарелиной успешно и порой неотделимо друг от друга переплетались благотворительность и меценатство. Эти два понятия нередко не различаются (в меньшей степени в научной литературе, в большей степени — в научно-популярной). Порой наши современники неправильно называют меценатами людей, материально поддерживающих сирот, инвалидов, престарелых, которые не могут себя обеспечить в силу нетрудоспособности или неблагоприятно сложившихся обстоятельств. Богатых людей,

² Ивановский листок. 1913. 17 авг.; Старый владимирец. 1912. 3 янв.

проявляющих действенную заботу о неимущих, следует именовать благотворителями или филантропами. Термин «меценат» в отношении их некорректен, он должен быть использован применительно к состоятельному человеку, который использует свои средства для развития искусства, науки, просвещения, т. е. культуры в целом.

Но иногда филантропия и меценатство соседствуют практически в одном и том же деле. Например, М. А. Гарелина, являясь попечительницей Иваново-Вознесенской женской гимназии, тратила свои средства на развитие этого учебного заведения, в том числе его материальной базы. В этой ситуации она выступала как меценат. В то же время в рамках общества вспомоществования бедным ученицам этого же образовательного учреждения она отпускала материальные средства на покупку для них одежды и обуви, на содержание пансиона для иногородних девочек, и в этих обстоятельствах она выступала уже как благотворительница.

На первый взгляд покажется, что героиня нашего исследования в своей деятельности была равнодушна к нуждам Русской православной церкви. Для сравнения отметим, что коллеги и конкуренты Гарелиных иваново-вознесенские текстильные фабриканты Фокины опекали около двух десятков церквей в Шуйском и других уездах Владимирской и Костромской губерний, способствуя в том числе благоукрашению этих храмов. Сама Мария Александровна не так много отпускала денег на нужды местных церквей, но ее муж А. И. Гарелин на свои деньги построил в городе исключительный по красоте Спасский храм (проект Ф. О. Шехтеля). М. А. Гарелина, в свою очередь, опекала религиозное общество трезвости, которое функционировало при этом храме. По ее дневнику видно, что она была глубоко верующим человеком, не демонстрируя это при каждом удобном случае. Религиозное рвение в ней не бросалось в глаза, но всей своей деятельностью она утверждала постулат о том, что если Бог дал человеку богатство, то нужно делиться с теми, кто обделен материальными благами.

Для общественной деятельности М. А. Гарелиной характерна многоаспектность. Она не замыкалась в своем попечении на одном каком-либо социально-культурном учреждении. Благодаря ей были основаны родильный и детский приюты, клиника для безнадежных больных (своего рода хоспис), она материально помогала другим богоугодным учреждениям. Через общественные организации и вне их она отпускала значительные средства на материальное обеспечение начального и среднего образования в Иваново-Вознесенске, на развитие музыкального искусства и др. Характерно, что общественная деятельность М. А. Гарелиной и ее соратниц из дамского кружка, благотворительного общества особенно активизировалась в те периоды, когда нужда в ней становилась наиболее острой, — во время Русско-японской и Первой мировой войн.

К сожалению, общественная активность одной отдельно взятой благотворительницы и даже целой группы их, действовавших во главе местного филантропического общества, не могла физически и материально охватить всех нуждавшихся в помощи. Это объяснялось в значительной степени тем, что далеко не все богатые люди были готовы тратить такие же весомые средства на благотворительность и меценатство, как это делала М. А. Гарелина.

Список источников

- Барышников М. Н. Деловой мир России: историко-биографический справочник. СПб.: Искусство-СПб, 1998. 448 с.
- ГАВО (Государственный архив Владимирской области). Ф. 14. Оп. 4.
- ГАИО (Государственный архив Ивановской области).
- Езиоранский Л. К. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Пг., 1914. 1612 с. Без нумерации страниц.
- История здравоохранения Ивановской области. Иваново: Иван. гос. мед. акад., 2011. 208 с.
- Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1896 г. Владимир, 1897. 248 с.
- Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1897 г. Владимир, 1898. 306 с.
- Журналы и доклады очередного и чрезвычайного Шуйских уездных земских собраний 1913 г. Шуя, 1914. 548 с.
- Морозов А. И. Воспоминания и письма. Иваново: [б. и.], 2006. 76 с.
- Напалков А. Е. К вопросу об акушерской помощи в г. Иваново-Вознесенске. Иваново-Вознесенск, 1909. 12 с.
- Обзор деятельности благотворительного общества за 1907 г. Иваново-Вознесенск, 1908. 108 с.
- Обзор деятельности благотворительного общества за 1910 г. Иваново-Вознесенск, 1911. 84 с.
- Обзор деятельности благотворительного общества за 1914 г. Иваново-Вознесенск, 1915. 94 с.
- Отчет благотворительного общества в г. Иваново-Вознесенске за 1902 г. Иваново-Вознесенск, 1903. 42 с.
- Отчет по общежитию общества вспомоществования учащимся в Иваново-Вознесенской женской гимназии за 1905 г. Иваново-Вознесенск, 1906. 12 с.
- Устав благотворительного общества в г. Иваново-Вознесенске. Иваново-Вознесенск, 1909. 10 с.

References

- Baryshnikov, M. N. (1998) *Delovoĭ mir Rossii: Istoriko-biograficheskiĭ spravochnik* [Business world of Russia: Historical and biographical reference book], St. Petersburg: Iskusstvo-SPb.
- Ezioranskiĭ, L. K. (1914) *Fabrichno-zavodskie predpriiatia Rossiĭskoĭ imperii* [Factory enterprises of the Russian Empire], Petrograd.
- Istoriia zdravookhraneniia Ivanovskoi oblasti* (2011) [History of health care of the Ivanovo region], Ivanovo: Ivanovskaia gosudarstvennaia meditsinskaia akademiia.
- Morozov, A. I. (2006) *Vospominaniia i pis'ma* [Memories and letters], Ivanovo.
- Napalkov, A. E. (1909) *K voprosu ob akusherskoĭ pomoshchi v g. Ivanovo-Voznesenske* [On the issue of obstetric care in Ivanovo-Voznesensk], Ivanovo-Voznesensk.
- Obzor deiatel'nosti blagotvoritel'nogo obshchestva za 1907 g.* (1908) [Review of the activities of the charitable society for 1907], Ivanovo-Voznesensk.
- Obzor deiatel'nosti blagotvoritel'nogo obshchestva za 1910 g.* (1911) [Review of the activities of the charitable society for 1910], Ivanovo-Voznesensk.
- Obzor deiatel'nosti blagotvoritel'nogo obshchestva za 1914 g.* (1915) [Review of the activities of the charitable society for 1914], Ivanovo-Voznesensk.

- Otchët blagotvoritel'nogo obshchestva v g. Ivanovo-Voznesenske za 1902 g.* (1903) [Report of the charitable society in Ivanovo-Voznesensk for 1902], Ivanovo-Voznesensk.
- Otchët po obshcheghitiu obshchestva vspomoshchestvovaniia uchashchimsia v Ivanovo-Voznesenskoï zhenskoï gimnazii za 1905 g.* (1906) [Report on the dormitory of the society for the assistance of pupils in the Ivanovo-Voznesensk women's gymnasium for 1905], Ivanovo-Voznesensk.
- Ustav blagotvoritel'nogo obshchestva v g. Ivanovo-Voznesenske* (1909) [Charter of the charitable society in Ivanovo-Voznesensk], Ivanovo-Voznesensk.
- Zhurnaly i doklady ocherednogo i chrezvychainogo Shuiskikh uezdnykh zemskikh sobraniï 1913 g.* (1914) [Journals and reports of the annual and extraordinary Shuya district zemstvo assemblies of 1913], Shuya.
- Zhurnaly ocherednogo Shuiskogo uezdnogo zemskogo sobraniia 1896 g.* (1897) [Journals of the regular Shuya district zemstvo assembly of 1896], Vladimir.
- Zhurnaly ocherednogo Shuiskogo uezdnogo zemskogo sobraniia 1897 g.* (1898) [Journals of the Shuya district zemstvo assembly of 1897], Vladimir.

Статья поступила в редакцию 27.12.2021; одобрена после рецензирования 10.01.2022; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 27.12.2021; approved after reviewing 10.01.2022; accepted for publication 24.03.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Балдин Кирилл Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kebaldin@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

---

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по адресу: winrs@bk.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся название статьи, имя, отчество и фамилия автора, текст, список источников). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7—2021):

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Список источников к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Список источников») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

Чилипенко Ю. Ю., Гапонова О. С., Гапонова Н. С., Данилова Л. С. Трансформация жизненного уклада российских женщин в условиях выхода из самоизоляции, вызванной пандемией COVID-19	3
Рябов О. В., Рябова Т. Б. Мужик и медведь: образы национальной маскулинности на современных российских сувенирах	20
Зулкапил Д., Нуркатова Л., Гиритли Ш. Соблюдение прав женщин в современном Казахстане: социологический анализ	32
Козлова Н. Н., Овчарова О. Г., Рассадин С. В., Васильева Е. Н. Сетевые ресурсы молодых депутатов региональных legislatures РФ: анализ публичного дискурса (Женский сегмент)	43
Безрукова О. Н., Самойлова В. А. «Невидимые» матери: социальный портрет женщин, оставляющих новорожденных детей	57
Барановский М. В. Гендерный разрыв и доверие: объективные и субъективные показатели социологического анализа	74
Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В., Карцева М. А. Женщины — наемные работницы в домохозяйствах Москвы и Санкт-Петербурга	87
Дивисенко К. С. Биографический проект старшеклассников: пересечение гендерных представлений и моделей планируемой семьи	103
Омельяненко В. А. Образ современной женщины в рекламе: от стереотипизации до фемвертайзинга	119
Анайбан З. В. Взаимодействие женских организаций и местных органов власти в Республике Хакасия	128
Балдин К. Е. М. А. Гарелина: социальный портрет провинциальной благотворительницы	138
<i>Информация для авторов</i>	149

CONTENTS

Chilipenok Yu. Yu., Gaponova O. S., Gaponova N. S., Danilova L. S. Transformation of Russian women lifestyle in the context of exit from self-isolation caused by the COVID-19 pandemic	3
Riabov O. V., Riabova T. B. <i>Muzhik</i> and the Bear: the images of national masculinity on contemporary Russian souvenirs	20
Zulkapil D., Nurkatova L., Giritli Sh. Observance of women's rights in modern Kazakhstan: sociological analysis	32
Kozlova N. N., Ovcharova O. G., Rassadin S. V., Vasilyeva E. N. Network resources of young deputies of regional legislatures of the Russian Federation: analysis of public discourse (Women's segment)	43
Bezrukova O. N., Samoylova V. A. "Invisible" mothers: social profile of women abandoning their newborn babies	57
Baranovsky M. V. Gender gap and trust: objective and subjective indicators of sociological analysis	74
Florinskaya Yu. F., Mkrtchyan N. V., Kartseva M. A. Female domestic workers in Moscow and Saint Petersburg	87
Divisenko K. S. High school students' biographical project: intersection of gender representation and the models of prospective family	103
Omelianenko V. A. The image of a modern woman in advertising: from stereotyping to femvertising	119
Anayban Z. V. Interaction of women's organizations and local authorities in the Republic of Khakassia	128
Baldin K. E. M. A. Garelina: a social portrait of a provincial philanthropist	138
<i>Information for the authors</i>	149

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 2 — 2022

12+

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 30.06.2022 г. Печать плоская. Бумага писчая.
Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. 10,9. Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 100 экз.
Заказ № 104. Цена свободная

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Выходит ежеквартально с 1996 года

Распространяется по подписке и
по предварительным заявкам ученых
и библиотек

 ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ